
ВЕРНАДСКИЕ И РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Москва. 14–15 марта 2013

М.Ю. Сорокина

МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ МЕТРОПОЛИЕЙ И РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРОЙ: НЕЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ О НАСЛЕДИИ СЕМЬИ ВЕРНАДСКИХ

14–15 марта 2013 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялась международная научная конференция «Вернадские и российская диаспора», посвященная 150-летию юбилею одного из основателей современного биосферного мышления и экологической парадигмы развития, естествоиспытателя, философа, организатора и историка науки, общественного деятеля, академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945). Он один из немногих русских ученых, влияние идей и самой личности которого вышло далеко за рамки научного сообщества. Юбилей В.И. Вернадского отмечается по всему миру, он включен в перечень памятных дат ЮНЕСКО, а в России празднуется в соответствии с указом президента России В.В. Путина.

Однако, несмотря на масштаб личности и деятельности В.И. Вернадского, до сих пор не существует ни его полного академического собрания сочинений, ни летописи жизни и творчества, ни научного описания самого крупного архивного собрания документов ученого в Архиве Российской академии наук; ряд научных трудов академика и его обширное эпистолярное наследие остаются фрагментарно изданными и тем самым неизвестными широкой научной общественности. К сожалению, нынешний юбилей, в отличие от предыдущих, которые в СССР / России сопровождались широкой историко-просветительской программой — от торжественных заседаний в Большом театре до издания новых исследовательских трудов и архива академика, — не стал поводом к углублению общественного и научного внимания к наследию В.И. Вернадского и публикации текстов самого мыслителя.

Между тем в ближнем и дальнем зарубежье заметно возрастает как интерес к научному наследию ученого, так и стремление включить его имя в пантеон своих «национальных героев». На постсоветском пространстве этот вопрос приобрел особое звучание в связи с проблемой формирования исто-

рической памяти и исторического сознания новых независимых государств. Стремление написать «новую» — в противовес «имперской» — версию истории нередко приводит к ее упрощенной «национализации». Так, например, составители многолетнего академического издания «Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными», вышедшего в Киеве в 2011 г. и приуроченного к юбилею академика, прямо пишут о том, что «старались возможно более широко подойти к понятию “украинские ученые”, включая в него как этнических украинцев, так и ученых и научных деятелей неукраинского происхождения, живших или работавших на Украине как постоянно, так и временно, изучавших ее, исследовавших ее естественные и производительные ресурсы, принимавших участие в научной, культурной, политической или государственной деятельности»¹. Вполне понятно, что киевские коллеги хотят максимально расширить персональный состав «украинской науки», удивительно, что такое издание публикуется в том числе и под грифом Российской академии наук.

Когда-то импульс серьезной исследовательской работе с научным и эпистолярным наследием В.И. Вернадского дал собиравшийся в Минералогическом музее имени А.Е. Ферсмана небольшой кружок почитателей ученого. Им и еще нескольким энтузиастам из оттепельных 1960-х мы обязаны открытием Вернадского-философа. Сегодня «вернадистов» тысячи, однако, несмотря на кажущееся обилие научной и научно-популярной литературы об академике и своего рода канонизацию его фигуры в российской историографии и общественном мнении, многие стороны жизни и деятельности ученого остаются мифологизированными, малоизвестными и / или вовсе недокументированными. Именно поэтому программа мартовской конференции ДРЗ отражала те грани научного творчества и общественной деятельности В.И. Вернадского и членов его семьи, которые минимально обсуждаются в историографии, и прежде всего — их включенность в коммуникативный процесс между советской метрополией и российской диаспорой.

Напомним, что после Октябрьской революции 1917 г. академик В.И. Вернадский — член ЦК Конституционно-демократической партии и товарищ министра народного просвещения Временного правительства — бежал из Петрограда ввиду угрозы ареста и годы Гражданской войны (1918–1921) провел на Украине (Полтава, Киев, Крым), на территориях, неподконтрольных большевистской власти. Весной 1921 г. ученый вернулся в Петроград, в июле того же года был на несколько дней арестован и в мае 1922 г. с женой и дочерью покинул Россию, работал в Европе (Чехословакия, Франция) до весны 1926 г. Многие коллеги и друзья Вернадского полагали, что он не просто отправился в заграничную командировку, а эмигрировал, и уже никогда не вернется в Россию, тем более что сын академика — историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1978) эвакуировался осенью 1920 г. из Крыма вместе с врангелевскими войсками. Однако академик Вернадский возвратился в СССР, хотя его и отговаривали все друзья-кадеты, а любимая дочь,

¹ Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Кн. 1: Переписка: А–Г / сост. А.С. Онищенко, Л.А. Дубровина, С.Н. Киржаев [и др.]. Киев, 2011. С. 31–32.

врач-психиатр Нина Владимировна Толль (1898–1986), осталась в Праге (в 1939 г. она, как и ее брат Георгий, переехала в США).

В отличие от многих семей российской интеллигенции, изнутри расколотых мировоззренческими конфликтами, идейная и профессиональная поляризованность не развела Вернадских. Напротив, даже то, что в пространстве этой семьи пересеклись все кажущиеся несовместимыми варианты гражданского отношения к новой советской власти — «белоэмигрант» (Г.В. Вернадский), «невозвращенец» (Н.В. Вернадская) и «возвращенец» (В.И. Вернадский), — только укрепило ее внутреннее единство. Перемещаясь между различными сегментами российского научного зарубежья и советской метрополии, Вернадские выполняли роль медиатора и хранителя среды всего российского научного сообщества. В этой перспективе «эмиграция» виделась им не только и не столько местом вынужденного изгнания, сколько пространством для реализации личных и международных научных проектов. Этот аспект деятельности семьи Вернадских еще предстоит изучать в его полноте и содержательной наполненности.

Архивное наследие Вернадских разделило драматическую судьбу его обладателей и оказалось разбросанным по архивохранилищам России, Украины, США, Франции и ряда других стран. Личные архивы академика В.И. Вернадского находятся: в Москве (Россия) — в Архиве Российской академии наук (Ф. 518; АРАН) и Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 1698; ГА РФ); в Киеве (Украина) — в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины (Ф. I; Ф. 260. Д. 758); Нью-Йорке (США) — в составе личного фонда его сына, Г.В. Вернадского (George Vernadsky Collection) в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета США (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University), здесь же хранятся и документальные материалы Н.В. Толль.

Личный фонд В.И. Вернадского, завещанный ученым Академии наук СССР, выделяется объемом и разнообразием материалов среди всех собранных деятелей российской науки и техники, хранящихся в Архиве РАН. О его значении для Академии и властных структур советского периода говорит тот факт, что заведующий Московским отделением Архива АН СССР Ф.Д. Гетман лично информировал президента АН СССР академика С.И. Вавилова о ходе его описания. Экспертиза ценности архива В.И. Вернадского не проводилась, и таким образом он дошел до нашего времени почти в первоизданном физическом виде. «Почти» потому, что в ноябре 1948 г., в период борьбы с «космополитизмом», из его состава были изъяты материалы сына и дочери академика; документы Партии народной свободы (Конституционно-демократической), одним из основателей и членом которой являлся В.И. Вернадский, а также письма академика к «одиозным лицам» (так в тексте акта)². По распоряжению Главного архивного управления МВД СССР и зав. Архивом АН СССР Г.А. Князева все эти документы — в количестве 22 «вязок», 53 и 11 единиц хра-

² АРАН. Дело фонда № 518. Ч. 1. Л. 34.

нения — были переданы в ГА РФ. Материалы Г.В. Вернадского и Н.В. Толль были выделены в этом архиве в отдельный фонд и хранятся ныне как личный фонд Г.В. Вернадского (№ 1137). В состав фонда № 523 (Конституционно-демократическая партия) было также передано дело из академического фонда В.И. Вернадского под названием «Партия народной свободы: Разные материалы. Переписка отдельных членов Партии народной свободы, законопроекты, телефонограмма № 513 о Севастопольском совещании Партии народной свободы с целью возобновления ее деятельности. 1901–1920 и б. д.»³. Письма В.И. Вернадского «одиозным» лицам, т. е. репрессированным партийным и государственным деятелям Советского государства (А.С. Бубнову, Н.И. Бухарину, Н.П. Горбунову и др.), составили еще один личный архивный фонд В.И. Вернадского в ГА РФ — № 1698 (11 дел). Этот фонд долгие годы был засекречен и стал доступен для исследователей лишь в эпоху перестройки.

С удалением политически «опасных» документов в 1948 г. изъятия из личного фонда В.И. Вернадского в Архиве Академии наук не закончились. В декабре 1950 г. газетная часть фонда — преимущественно белогвардейские и эмигрантские газеты, часть из них со статьями В.И. Вернадского и его инскриптами, удостоверяющими авторство этих, как правило печатавшихся под псевдонимами, статей была передана в спецхран Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР (ИНИОН АН СССР / РАН)⁴. После этого других зафиксированных изъятий из личного фонда В.И. Вернадского в Архиве Академии наук не производилось.

Личный архив профессора Йельского университета (США) Георгия Вернадского передавался самим историком в Бахметевский архив Колумбийского университета частями с 1953 г. После его кончины в 1973 г. по завещанию оставшиеся документы поступили в дар Колумбийскому университету, где фонд Г.В. Вернадского и его семьи насчитывает ныне 234 коробки (по американской системе описания) документальных материалов. В 1975–1976 гг. в состав этого же фонда в качестве дара были переданы материалы дочери В.И. Вернадского — Н.В. Толль и принадлежавшие ей документы семьи Вернадских. Хотя опись фонда Г.В. Вернадского указывает на пять коробок документов непосредственно В.И. Вернадского (№ 84–88), в действительности их значительно больше, они хранятся в различных делах этой коллекции.

Анализ состава и содержания документов семьи Вернадских, хранящихся в архивах различных стран, показывает их полную комплиментарность. Поэтому сегодня ни одна историко-научная работа, связанная с именем и деятельностью В.И. Вернадского и членов его семьи, претендующая на статус научного исследования или научной публикации, не может быть выполнена без привлечения фондов разных архивохранилищ. Только совокупно они образуют то единое документальное пространство, которое дает возможность приобщиться к механизмам тончайшего мыслительного процесса, его идейному и историческому контекстам, шаг за шагом проследить направления по-

³ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 24.

⁴ АРАН. Дело фонда № 518. Ч. 1. Л. 35. Кроме того, в декабре 1946 г. А.Д. Шаховской была передана семейная переписка Шаховских (Там же. Л. 5, 33).

иска ученого — от момента интуитивного зарождения идей до нахождения их окончательных формулировок.

Историки, выступившие на конференции в Доме русского зарубежья, — М. Байсвингер (МГУ / Германия), А.Г. Гачева (ИМЛИ РАН), П.А. Алипов (РГГУ), Н.Ю. Стоюхина (Нижегородский гос. университет), Н.А. Ёхина и М.М. Горинов-мл. (ДРЗ им. Александра Солженицына) — представили новые интерпретации и архивные материалы, отражающие широкий исторический контекст бытования российской научной диаспоры. Они говорили о судьбе дочери академика Н.В. Вернадской-Толль и ее роли в становлении «научного» евразийства; несколько докладов были посвящены биографии и научной деятельности зятя В.И. Вернадского — известного археолога и искусствоведа Н.П. Толля, а также оценке идей В.И. Вернадского в интеллектуальном контексте «молодой эмиграции» и евразийского движения (К.А. Чхеидзе, П.С. Боранецкий, М.М. Карпович).

О важности развития дальнейших исследований научного наследия В.И. Вернадского для современного естественно-научного и гуманитарного познания говорили Г.Б. Наумов (Государственный геологический музей РАН им. В.И. Вернадского), В.В. Вышкварцев (НОУ ВПО «Международный юридический институт») и У. Джонс («21st Century Science & Technology Magazine», США). Американский исследователь представил также «американский взгляд» на значение биосферных идей Вернадского в современном мире. Параллельно А.Н. Дмитриев (ИГИТИ НИУ ВШЭ) подробно остановился на рецепции научно-организационных идей В.И. Вернадского 1917–1920-х гг. в оценках украинской эмиграции.

Отдельная сессия конференции затрагивала проблемы становления и бытования научных школ, амбивалентных взаимоотношений учителей и учеников, коллег и оппонентов. О.А. Валькова (ИИЕТ РАН), оттолкнувшись от неизвестного ранее письма В.И. Вернадского к В.А. Варсанофьевой, представила доклад о «боях за историю геологии», Н.М. Щагина (Институт кристаллографии РАН) рассказывала о новых архивных документах, свидетельствующих о поддержке В.И. Вернадским известного кристаллографа А.В. Шубникова. Ряд докладов был посвящен коллегам и ученикам В.И. Вернадского, работавшим в эмиграции: Е.Е. Седова (Воронежский гос. педагогический университет) впервые в историографии сделала обзор жизни и деятельности французского радиолога русского происхождения Екатерины Шамье, Ю.И. Блох (Российский гос. геологоразведочный университет) остановился на своих изысканиях по реконструкции биографии кристаллографа-эмигранта Д.Н. Артемьева, Е.Л. Минина (Государственный геологический музей РАН им. В.И. Вернадского) — на истории формирования минералогической коллекции князей Гагариных, некоторые из которых были учениками В.И. Вернадского и после 1917 г. работали в эмиграции.

Для публикации в «Ежегоднике Дома русского зарубежья» отобраны те доклады, которые вводят в научный оборот новые исторические данные и / или предлагают новые интерпретации известного материала и не публиковались ранее. Надеемся, что и пост юбилейное «вернадсковедение» пойдет тем же путем.

А.Н. Дмитриев

ВЛАДИМИР ВЕРНАДСКИЙ,
«АКАДЕМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
1917–1918 гг. И УКРАИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ¹

Взаимоотношения украинской и российской эмиграции в научном изменении — тема, исследованная еще явно недостаточно, и наша статья касается лишь нескольких сюжетов этой большой и непростой проблемы. И спор о вкладе и наследии В.И. Вернадского, о событиях и перипетиях периода революции и Гражданской войны, начатый еще в 1920-х гг., пока не стал сюжетом чисто академическим, касающимся только истории науки и организации знания. В дискуссиях об этих сюжетах неизбежно сказываются и давние и актуальные размежевания, идеологические предпочтения, столкновения имперских и национальных подходов относительно видения прошлого и будущего России и Украины².

В мемуарных заметках 1943 г., написанных уже на склоне жизни, В.И. Вернадский довольно детально изложил свои впечатления от создания и первых месяцев деятельности Украинской академии наук в 1918–1919 гг. Еще из семейных преданий и впечатлений от общения с отцом он осознавал важность и специфику украинской (южнорусской, малороссийской) исторической традиции и культурного своеобразия³. Украинские интересы и перспективы молодой Вернадский начал осмысливать и в общении с историком и публицистом Михаилом Драгомановым, к личности которого он потом в дневниках и мемуарных заметках не раз возвращался. И уже у Драгоманова мы видим истоки той сложной двойственности украинско-российской идентичности, которая, в принципе, была характерна для личности и мировоззрения Вернадского в разные периоды⁴. Но в моменты общественно-политических кризисов и катаклизмов, как

¹ В работе использованы результаты, полученные в рамках реализации проекта «Отечественные университеты в эпоху революции и Гражданской войны (1917–1922)» Научного фонда НИУ ВШЭ № 12-01-0207.

² См.: *Сорокина М.Ю.* Россия и Украина в научном наследии В.И. Вернадского: исторические судьбы славянства // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. М., 2001. С. 118–131; *Анастасьин Д., Вознесенский И.* [Ф.Ф. Перченко] Начало трех национальных академий // Память: историч. сборник. Вып. 5. М., 1981; Париж, 1982. С. 165–225.

³ См. его оставшуюся неопубликованной до конца 1980-х гг. работу «Украинский вопрос и русское общество», написанную в период Первой мировой войны.

⁴ См. книгу отца Вернадского с обширной вступительной статьей В.Д. Базилевича и В.А. Короткого: *Вернадський І.* Витоки: Творча спадщина у контексті історії економічної думки в Україні. Київ, 2009; см. также: *Круглашов А.* Драма інтелектуала: політичні ідеї Михайла Драгоманова. Чернівці, 2000.

в 1918 или 1919 г., эта двойственность стала и противоречивой, трагической, и в то же время созидательной. В конце концов, не просто в силу биографических обстоятельств именно Вернадский стал первым президентом и одним из главных создателей Украинской академии наук осенью 1918 г.

В переломных событиях, изменивших облик и судьбу Российской империи, актуальным оказалось и создание особой научной институции, собравшей вокруг себя интересы и усилия ученых Киева, Харькова и других регионов отныне самостоятельной республики. Именно с 1917 г. Вернадский оказался вовлечен в государственную политику и организацию науки в большом административном масштабе. Первый опыт пришелся на последние бурные месяцы существования Временного правительства, когда ученый согласился занять пост товарища министра народного просвещения — Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934). (В кругу служебных интересов Вернадского были академические вопросы и проблемы высшего образования.) Уже там вопрос о дезинтеграции прежнего общеимперского пространства, вопрос о создании новых институтов и кафедр, учитывающих местные интересы и специфику, становится вполне очевидным⁵. На исходе весны 1918 г. из своего имения на Полтавщине Вернадский переехал в Киев и там стал во главе усилий по организации украинской академии наук.

В Киеве уже с 1907 г. работало Украинское научное товарищество, которое выпускало периодические издания на украинском языке и после перерыва, вызванного Первой мировой войной и антиукраинскими репрессиями, вновь активизировало свою деятельность уже в послереволюционных условиях. Существовавшее с конца XIX столетия во Львове Научное товарищество имени Шевченко (НТШ) тоже претендовало на создание национальной академии наук (по образцу восточноевропейских наций, под формальным патронатом имперских органов Вены). Однако после перенесения центра деятельности лидера НТШ историка Михаила Грушевского в Киев после 1905 г. и его открытого конфликта с большей частью руководства НТШ в 1912–1913 гг. именно приднепровская Украина стала местом концентрации украинского научного движения⁶.

Можно усмотреть своего рода «хитрость истории» в том, что создателем украинской науки не как некоторого интеллектуального проекта, но уже как определенной институциональной платформы оказался ученый, весьма далекий от идей полного обособления украинской и российской культур и заинтересованный в укреплении начал государственности российской. Здесь стоит отметить, что украинские запросы, интерес к национальной проблематике вообще, включая и польскую, и угорско-русскую стороны⁷, у Вернадского связывались не только с политическим измерением его деятельности (в связи с эволюцией Конституционно-

⁵ См.: Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 168–174.

⁶ Подробнее см.: *Он же*. Украинская наука и ее имперские контексты (XIX — начало XX века) // *Ab Imperio*. 2007. № 4. С. 121–172.

⁷ См.: Вернадский В.И. [Из записок по польскому вопросу, 1916] // Вернадский В.И. Труды по истории наук. М., 2002. С. 180–181; Мазурок О., Пеняк П., Шевера М. Володимир Вернадський про Угорську Русь. Ужгород, 2003.

демократической партии⁸), но касались куда более широкого круга методологических и общенаучных проблем, включая связку философии и естествознания. Если мы обратимся к его историко-научным работам, переписке, диалогу с учеными следующих поколений, то в нашем контексте мы можем упомянуть такие неочевидные для разговора об украинских сторонах биографии ученого фигуры, как Борис Леонидович Личков (1888–1966), Евгений Васильевич Спекторский (1875–1954), Николай Николаевич Алексеев (1879–1964). Все они как раз в 1910-х гг. занимались в духе Вернадского схожей проблематикой на стыке новейшей методологии общественных и естественных наук⁹. И эта методологическая сторона оказалась неслучайно сопряжена и с эволюцией распавшейся царской и ново-созданной советской империи, с украинско-российскими аспектами деятельности Вернадского.

Этот интерес к национальному вопросу, обострившийся у ученого в годы Первой мировой войны, также отражается и в научно-организационных идеях Вернадского, в частности в том, как он видел летом 1918 г. будущую Украинскую академию наук. Судя по всему, он потому так горячо взялся за ее создание, что почувствовал, что там можно реализовать те идеи, которые в силу разных обстоятельств трудно или невозможно было осуществить в Петрограде. Особенно это касалось как раз постановки вопроса об общественных или экономических науках как сопоставимых по значимости с гуманитарными и естественными. Это — реализованная Вернадским идея III отдела Академии, где были представлены экономика, социология и статистика, а также юридические науки¹⁰. В создании этого отдела активную роль играл другой талантливый российско-украинский ученый младшего поколения — Богдан Александрович Кистяковский, автор «Вех» и оппонент Петра Бернгардовича Струве в дискуссиях о перспективах украинской культуры начала 1910-х гг.¹¹ Кистяковский, сын киевского университетского профессора и брат влиятельного министра в кабинете П.П. Скоропадского, вернулся после 1917 г. на Украину, но, к сожалению, как и Михаил Иванович Туган-Барановский, скоропостижно скончался на втором году существования Украинской академии (вскоре после совместной поездки с Вернадским в Ростов). И перекличка идеологических позиций и социальных взглядов Вернадского и Кистяковского через Драгоманова¹² — тоже отдельный и интересный сюжет русско-украинской истории идей начала XX в.

⁸ См.: *Брейар С.* Украина, Россия и кадеты // *In memoriam: истор. сборник памяти Ф.Ф. Перченка / сост. А.И. Добкин, М.Ю. Сорокина.* М.; СПб., 1995. С. 350–361; *Он же.* Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // *Исследования по истории Украины и Белоруссии.* М., 1995. Вып. I. С. 89–110.

⁹ См. его пространную рецензию на работы Е.В. Спекторского и Н.Н. Алексеева: *Вернадский В.И.* Из истории идей // *Русская мысль.* 1912. № 10.

¹⁰ См.: *Історія Академії наук України. 1918–1923: Документи і матеріали.* Київ, 1993. С. 22–188; *Члени-засновники Національної академії наук України: зб. нарисів / упоряд. С.В. Кульчицький.* Київ, 1998.

¹¹ См.: *Василенко М.П.* Академик Богдан Александрович Кистяковский // *Записки социально-экономического отдела УАН.* Київ, 1923. Т. 1; *Депенчук Л.П.* Богдан Кистяковский. Київ, 1995.

¹² См.: *Кистяковский Б.А.* М.П. Драгоманов: Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь // *Политические сочинения М.П. Драгоманова / ред. И. Гревс, Б. Кистяковского.* М., 1908.

Между тем власть в стране от Рады перешла в конце апреля 1918 г. к режиму гетмана Скоропадского, при котором и была основана Академия¹³ (а уже в середине декабря того же года на место гетманского режима пришла Директория Украинской народной республики (УНР), где на первые роли выдвинулся Симон Петлюра). На несколько месяцев 1919 г. в Киев вошли части Добровольческой армии, затем вытесненные оттуда большевиками. То, что начал делать Вернадский на Украине, в Киеве, обращаясь то к деятелям гетманата, то к генералу А.И. Деникину, пытаясь эту Украинскую академию сделать Киевской (а его продолжатели стремились позднее найти поддержку и у большевиков), было связано и с новым видением науки, заданным форсированными переменами времен мировой войны¹⁴. Вернадский понимал идею современной академии не просто как сообщества избранных умов, но как совокупности специализированных научно-исследовательских институтов, как масштабной исследовательской организации, построенной по определенному плану и охватывающей весь фронт научных работ.

Потом, почти четверть века спустя, в 1943 г., возвращаясь к этим идеям «географизации», расширения области научного или академического знания по всему пространству империи, он упоминает и Н.Я. Марра с его идеей основания высшей школы в Закавказье. Фактически зачаток ее тоже относится к этому же периоду, 1917 г. и основанию Историко-филологического института в Тифлисе, откуда потом вышла и Грузинская академия наук. Здесь же Вернадский упоминает и о Сибири (разумеется, он тогда не мог предположить ни будущую деятельность М.А. Лаврентьева, ни создание Сибирского отделения Академии наук¹⁵), вновь связывая национальное и государственное преобразование с академическими, административными сюжетами и с вопросами гораздо более масштабными, общенаучными, методологическими и т. д. В этом смысле деятельность Вернадского в условиях системного социального кризиса отвечала глубинной перемене в функциях и предназначении науки в XX столетии вообще — от «надпартийного» поиска всеобщих истин и ценностей к процессу социально управляемого познания / преобразования мира. В конечном счете, анализируя деятельность нашего героя и его оценки современниками, мы должны учитывать, что перед нами предстает не просто Вернадский-политик, с одной стороны, Вернадский-ученый, с другой стороны, и Вернадский-философ, а также историк науки, с третьей и четвертой. На самом деле, оценивая заслуги Вернадского и его общественную роль, мы неизбежно затрагиваем сложную, все более укрепляющуюся с течением времени взаимосвязь и политических, и чисто научных, интеллектуальных сторон его биографии и деятельности.

В разных работах, посвященных деятельности Вернадского как основателя Украинской академии наук, практически никогда не упоминается, что он одно-

¹³ См.: Ульяновский В.И. Гетьман Павло Скоропадський і справа заснування Української академії наук // Український історичний журнал. 2008. № 6. С. 26–38.

¹⁴ См.: Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны: сб. ст. Пг., 1915. С. 62–76; Он же. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Русские ведомости. 1917. 22–23 июня (вошли в кн.: Он же. Публицистические статьи. М., 1995. С. 199–206, 241–251).

¹⁵ См.: Он же. Первый год Украинской академии наук // Вернадский В.И. Труды по истории наук. М., 2002. С. 373–374.

временно с июня и до конца 1918 г. занимал на Украине важный пост, аналогичный тому, что годом ранее он получил при министре народного просвещения Временного правительства академике С.Ф. Ольденбурге. И тогда в Петрограде, и теперь в Киеве Вернадский практически отвечал за переустройство высшей школы, и особенно — университетов, возглавляя специальную Комиссию по делам высшей школы и научных учреждений. Учитывая, что территория, контролируемая украинской властью, постоянно менялась, в первую очередь это касалось университета столичного. И здесь ученый столкнулся с довольно сложной, почти неразрешимой проблемой преобразования Киевского университета, который еще с весны 1917 г. находился не просто в глубоком кризисе, а фактически в состоянии внутренней (академической) гражданской войны.

Достаточно упомянуть острый конфликт преподавателей со студенчеством, активные представители которого в сентябре — октябре 1917 г. просто физически препятствовали вновь переизбранному ректору Н. Цытовичу исполнять свои обязанности, не пуская его в университет. С одной стороны баррикад находилась старая профессура, а также сменивший одиозного Цытовича ректор, историк обществоведения Евгений Спекторский, который так или иначе занял позицию профессорского большинства. Эти исследователи стремились в условиях разгорающегося общественного и национального конфликта — в духе Михаила Булгакова и его героев — воспринимать Киев как органическую часть общероссийского пространства¹⁶. Все, что творилось вокруг: украинская власть и ее универсалы, украинское движение и провозглашенная независимость, а также немецкая оккупация — воспринималось этими кругами как дурной сон, спектакль, который должен был как можно скорее исчезнуть, чтобы жизнь снова вернулась в нормальное русло. И до 1917 г. близкая к черносотенству часть профессуры теперь активно поддерживала сторонников «единства Руси» — против большевиков, социалистов или украинских национальных сил. Позиция этих профессоров отражена в протесте Совета Университета св. Владимира против насильственной украинизации Южной России, принятом 26 июля 1917 г.¹⁷ Этому консервативному профессорскому мейнстриму активно противостояли часть младших преподавателей (например, ученик Дм. Граве молодой математик Отто Шмидт) и студенчество, значительная часть которого была охвачена или левыми, или украинскими настроениями, что нередко смешивалось в годы Гражданской войны. Разумеется, профессорским корпусом это активное течение, имеющее поддержку у новой киевской власти, было встречено крайне негативно. Вместе с тем идея создания кафедр, посвященных местной истории и филологии, инициированная еще Временным правительством, воспринималась достаточно положительно.

¹⁶ См. мемуары Спекторского, обнародованные С. Михальченко: *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2010. Vol. 3. № 1. P. 161–198; *Михальченко С., Ткаченко Е.* Академическая жизнь Киевского университета св. Владимира в 1917–1918 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. 2008. Вып. 5. № 1(41). С. 180–186.

¹⁷ *Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції: Матеріали, документи, спогади: у 3 кн.* / автори-упорядники: Короткий В.А., Ульяновський В. І. Київ, 2000. Кн. 1: Університет св. Володимира між двома революціями. С. 84–86.

Как видно по страницам дневника тех лет, Вернадский в этих конфликтах занимал позицию арбитра, который больше сочувствовал старой профессуре. Но вместе с тем ученый понимал, что изрядная часть умонастроений старого профессорского корпуса связана еще с тем черносотенством, принципов которого он сам никогда не разделял и не принимал. Кроме того, Вернадский учитывал, что за радикализмом и национальным движением масс, солдат и молодежи стоит определенный вызов времени и новых общественных сил и течений, который тоже можно попытаться использовать ради пользы науки. И в этом смысле его деятельность как основателя Украинской академии нужно учитывать в более широком контексте его работы по переустройству всей образовательной системы, в попытках достичь некоего компромисса внутри университетского корпуса, особенно в Киеве.

В частности, это касалось открытия второго, собственно украинского университета в Киеве, который был то народным (по сути общественным), то государственным и пользовался достаточно большой поддержкой как снизу, так и в министерских кругах. Тогда в зависимости от политической конъюнктуры активно обсуждались разные варианты и его самостоятельного существования, и его организационного взаимодействия или слияния с прежним (русским) Университетом св. Владимира¹⁸. В целом позиция Комиссии по делам высшей школы была гораздо более взвешенной и конструктивной, чем платформа предшествовавших ее деятельности съездов представителей высшей школы на Украине (они собирались 14–17 апреля 1918 г. и 21–25 мая 1918 г.). Секретарем комиссии был молодой геолог Борис Личков, будущий биограф академика; с ним у Вернадского с тех пор завязались весьма приятные отношения и содержательная переписка¹⁹. Главными в резолюциях съезда было противодействие украинизации высшей школы и стремление сохранить прежнюю систему образования под знаком автономии учебных заведений. Вернадский и Н.П. Василенко в Комиссии по делам высшей школы активно содействовали идее открытия народных (украинских) университетов на местах (в Екатеринославе, Виннице и т. д.); преобразованию бывшего Историко-филологического института в Нежине²⁰. Особенно масштабным оказался реализованный план создания университета в Каменце-Подольском (во главе с филологом Иваном Огиенко) — в этом городе несколько месяцев действовали органы управления УНР, эвакуированные из Киева. Потом, уже в эмиграции, к спорам о правильной тактике поведения в те кризисные месяцы участники событий не раз будут так или иначе возвращаться и заново обсуждать возможности и перспективы ушедших лет.

¹⁸ См. публикации: *Завальнюк О.М.* Українська еліта і творення національної університетської освіти: фундатори і будівничі (1917–1920 рр.). Кам'янець-Подільський, 2005; *Он же.* Історія Кам'янець-Подільського державного українського університету в іменах (1918–1921 рр.). Кам'янець-Подільський, 2006.

¹⁹ К методологическим размышлениям междисциплинарного порядка принадлежит работа Личкова «Границы познания в естественных науках» (Киев, 1914).

²⁰ Материалы съездов представителей высших школ см.: *Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції.* С. 7–49, 531–539; протоколы заседания комиссии: Там же. С. 430–481.

Тогда же, летом 1918 г., когда дебатировались разные планы устройства академии, происходит очень интересный и характерный диалог между Вернадским и находящимся тогда в подполье Грушевским. Тут столкнулись две идеи строительства национальной науки (которые были куда шире российско-украинских дебатов послереволюционного времени), отражавшие серьезные типологические дилеммы восточноевропейской академической жизни в целом — например, развития тогдашней чешской науки вопреки более этаблированной немецкой и т. п.

Вернадский предлагал более широкое, во многом интернационалистское видение: не важно, какой язык, главное — строить эту новую науку, где приоритетную роль будет играть естествознание, научно-исследовательские институты, а также новые дисциплины, такие как социология. Кроме того, в Киеве необходимо было создать при Академии наук и Национальную библиотеку²¹. И все это будет завязано на изучение производительных сил страны, связь общественного и естественно-научного знания. А Грушевский отстаивал старую идею в духе 1848 г. о том, что Академия наук должна быть зеркалом национальной интеллигенции. Там должны быть люди национально ориентированные, занимающиеся в первую очередь, и это неизбежно, историей и филологией, своим прошлым именно в гуманитарной плоскости.

Вскоре после смерти украинского историка, в 1934 г., Вернадский в дневнике вспоминал их давний разговор так: «Он убеждал меня отказаться от моего решения создать Академию... Он считал, что сейчас Украина не имеет настоящих ученых и неизбежно, раз вопрос будет идти о высоком научном уровне Академии (а это он считал условием *sine qua non*), то это будет русская Акад<емия> на Украине, занимающаяся укр<аинскими> предметами и научной работой в международном масштабе. Он считал, что Укр<аинская> акад<емия> должна быть создана позже, а сперва достаточно существ<ования> Науков<ого> Товарищества, надо дать ему средства развернуться. Я не согласился с этой точкой зрения, я считал, что дело роста украинской культуры есть не только дело украинцев, но и русских, что историческим фактом является совместное сожитие и участие украинцев в создании русской культуры за последние два столетия. Но я уверен, что роль русских ученых, [нрзб] в Укр<аинской> Акад<емии>; в первое время в большом числе будут работать для украинской культуры, тем самым работая для правильного развития русской культуры, что я так верю в будущее укр<аинской> культ<уры> и укр<аинского> языка, что совершенно не боюсь возможности ухудшения условий их развития созданием Укр<аинской> Акад<емии>: наоборот, с ходом времени — в этих рамках, не враждебных русской культуре — укр<аинский> язык и укр<аинская> культура вырастут и быстро достигнут равенства. Беседа была искренняя и откровенная. Он был, видимо, огорчен. Быстро проводил до дверей комнаты и скрылся»²².

²¹ См.: Дубровіна Л.А., Онищенко О.С. Діяльність М.П. Василенка та В.І. Вернадського як фундаторів Національної бібліотеки Української держави та створення Тимчасового комітету Національної бібліотеки // Дубровіна Л.А., Онищенко О.С. Історія Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського, 1918–1941. Київ, 1998. С. 9–35.

²² Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 354–355 (запись от 30 ноября 1934 г.). Ср. описание ситуации с иной стороны: Сохань П., Ульяновський В., Кіржаєв С. М.С. Грушевський і Academia. Київ, 1993.

Здесь очевидна преемственность принципа «пусть похуже, да свое», который Грушевский отстаивал для проекта национальной науки в рамках империи еще в 1907–1908 гг.²³ Речь шла о том, чему отдать приоритет: медленному развитию действительно украинской науки или скорейшему содействию той науке на Украине, какая есть, независимо от склонностей ее проводников. Эти две стратегии очень остро столкнулись летом 1918 г.²⁴ Можно даже сказать, что тогда Вернадский победил Грушевского. Случилось это и в силу политических причин, и из-за желания гетмана Скоропадского заручиться поддержкой ученых кругов, и особенно благодаря содействию и инициативе бывшего кадета историка и правоведа Николая Прокофьевича Василенко, который был тогда министром просвещения²⁵. И даже когда кабинет Скоропадского пал, а Василенко стал академиком (и был избран президентом Академии после Вернадского), их отношения и искренняя дружба, начавшиеся летом 1917 г., не прервались, а лишь укрепились.

Близкие к позиции Грушевского круги украинских ученых, сосредоточенные в Украинском научном обществе в самом конце 1918 г., при Директории УНР пытались «отыграть» ситуацию с созданием Академии в свою пользу. Тогда в устав по инициативе руководства УНТ 3 января 1919 г. (т. е. одновременно с принятием закона о языке) указом Директории были внесены важные дополнения о печатании продукции АН преимущественно на украинском языке (из иностранных допускались только французский, немецкий, итальянский, английский и латынь — и лишь в размере четверти от тиража украиноязычных изданий); сотрудники Академии должны были свободно владеть украинским, а ее члены — приносить присягу новому правительству²⁶. Но уже вскоре, с приходом Добровольческой армии, а также после окончательной победы большевиков и создания Украинской ССР, эти нововведения были отменены. Национальную академию наук тогда все же не ликвидировали как «остаток» гетманского режима, а, напротив, было решено сохранить ее и поддержать.

Как известно, с самого конца 1919 г., после переезда в Крым и тяжелой болезни началась новая глава в деятельности Вернадского, которая связана уже с возвращением в Петроград и эмиграцией в Европу. К украинским делам он потом

²³ См.: *Грушевський М.* Не пора [1908] // Грушевський М. Твори: у 50 т. Львів, 2005. С. 79.

²⁴ Грушевский был далеко не единственным оппонентом Василенко и Вернадского; первоначальные планы организации Академии остро критиковал и филолог В.Н. Перетц, будущий украинский академик, см.: *Робинсон М.* Выборы В.Н. Перетца в Украинскую академию наук в 1919 г. // *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture: Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff / a cura di M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedina.* Firenze, 2008. P. 513–519.

²⁵ См. о его биографии: *Вороненко В.В., Кистерска Л.Д., Матвеева Л.В., Усенко І.Б.* Микола Прокопиевич Василенко. Київ, 1991; Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского: Письма украинским академиком Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. Київ, 1991; *Гирич І. М.* Грушевський і М. Василенко: (до історії творчих взаємин) // *Український археологічний щорічник.* 1999. Вип. 3/4 (Т. 6/7). С. 344–355.

²⁶ Эти новации, призванные вытеснить именно русский язык за пределы академического употребления, были негативно встречены Вернадским, Кистяковским и Крымским (также и членами УНТ). См.: *Храмов Ю., Руда С., Павленко Ю., Кучмаренко В.* Рання історія Академії наук України: 1918–1921. Київ, 1993. С. 130–132. Правда, по специальному решению Общего собрания допускалась в отдельных случаях и публикация на ином языке.

возвращался скорее спорадически, но связи с Украинской академией и ее членами никогда не терял (в частности, председательствовал на заседании, посвященном выборам нового президента — Д. Заболотного — в мае 1928 г. в Киеве²⁷).

Теперь обратимся к ретроспективным спорам и оценкам деятельности Вернадского и альтернатив академического развития на Украине в период Гражданской войны. Отметим только важнейшие узловые точки. Одна — это 1927 г., полемика вокруг работы Николая Трубецкого «К украинской проблеме»²⁸, где основатель евразийства и структурной лингвистики фактически будет повторять аргументы Петра Струве о приоритете общерусской «высокой» культуры. Та позиция коллеги Вернадского по кадетской партии была высказана в 1911–1912 гг. на страницах «Русской мысли» против Богдана Кистяковского. Но Вернадский в этом смысле оказался гораздо чувствительнее к новым политическим настроениям (и после избрания президентом Украинской академии приостановил членство в кадетской партии), а Струве уже давно и последовательно двигался в иную сторону политического спектра, будучи тогда «либералом справа», по известному выражению его биографа Ричарда Пайпса.

Трубецкой повторял аргументы Струве о том, что украинская культура — это некий ценный и своеобразный локальный, народный фундамент единой русской культуры, которая в академической плоскости прекрасно будет выражаться в общероссийской науке. И с этой точки зрения никакой развитой украинской культуры, украинского научного языка и соответствующего высшего образования не нужно²⁹. Все это будет искусственным и нежизнеспособным изобретением. Украинская нота должна пребывать в единой симфонии нового евразийского пространства наряду с другими — включая более мощную и основную великорусскую и западнорусскую — белорусскую, решительно противостоя западному (в частности, польскому и католическому) влиянию. Но если Струве писал о перспективах украинства еще гипотетически, в условиях старого порядка, то выступление евразийцев прозвучало полтора десятилетия спустя в абсолютно иной политической обстановке на фоне ускоренной украинизации высшей школы и культурной сферы времен нэпа³⁰.

Возражая Трубецкому и защищая права украинской культуры, видный деятель времен Скоропадского министр иностранных дел Дмитрий Иванович Дорошенко, видный историк и до определенного момента последователь Грушевского³¹, упомянул фигуру Вернадского и его вклад наряду с Туган-Барановским, Кистяковским

²⁷ См. донесение секретного отдела ГПУ УССР от мая 1928 г.: *Даниленко В.* Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. Київ, 2012. С. 353.

²⁸ Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. Ответ Трубецкого Дорошенко опубликован: Евразийская хроника. Кн. 5. Вып. X. Париж, 1928.

²⁹ См.: *Делл'Агата Д.* Николай Трубецкий и проблема украинского языка // Слово и культура: сб. памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 370–384.

³⁰ См.: *Савицкий П.Н.* Великороссия и Украина в русской культуре // Родное слово (Варшава). 1926. № 8. С. 10–14.

³¹ См.: *Досталь М.Ю.* Д.И. Дорошенко в Праге в 20-е годы: (Страница из жизни украинской эмиграции) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 53–77.

и другими учеными из России в создание украинской науки: «Когда же в 1918 г. возникла Украинская Держава, то организатором Украинской академии наук явился член Петербургской академии наук В.И. Вернадский, а в числе первых академиков, равно как и в числе профессоров украинских государственных университетов, мы видим такие имена, как проф. М. Туган-Барановский, проф. Д.И. Багалий, проф. Н.И. Петров, проф. М.Ф. Кащенко, проф. С.П. Тимошенко, проф. Ф.В. Тарановский, проф. В.А. Косинский, проф. В.В. Зеньковский и длинный ряд других профессоров и ученых»³².

Трубецкой в полемике воспроизводил аргументы оппонента, упоминая, с одной стороны, деятелей российской науки с развитым украинским самосознанием вроде Александра Потемби или Максима Ковалевского, с другой — таких ученых, как В.И. Вернадский, В.А. Косинский, Ф.В. Тарановский, В.В. Зеньковский, которые во время немецкой оккупации Украины приняли участие в основании Украинской академии наук и тем самым «оптировали за украинскую культуру как за культуру верхнего этажа». Основоположник евразийства тут же указывает: «Однако моим утверждениям эти факты нисколько не противоречат: ни та, ни другая группа ученых, утверждая свое украинство, в то же время не думала отказываться от своей общерусскости и продолжала творить на поприще общерусской культуры. В частности, на вторую из упомянутых выше групп ученых вообще лучше не ссылаться, так как обстоятельства, при которых они оптировали, были не совсем нормальны.

Оставляя в стороне всю политическую сторону дела и характеристику той обстановки, при которой состоялось основание Украинской академии наук, укажем только на то, что по окончании Гражданской войны и по упразднении государственной границы между Украиной и РСФСР акад. В.И. Вернадский переехал в Ленинград, где продолжает быть (как я до революции) активным членом Общерусской (ныне Всесоюзной) академии наук, а проф. Косинский, Тарановский и Зеньковский эмигрировали за границу, где оказались в среде не украинской, а русской эмиграции»³³

Тем самым реализация проекта украинской науки сводится у Трубецкого, по сути, к незначительному эпизоду кризисных 1917–1918 г. и трактуется как вынужденный ответ ученых на давление политических обстоятельств. Что это было далеко не так — свидетельствуют хотя бы страницы из воспоминаний упоминаемого Трубецким киевского профессора-философа Василия Зеньковского «Пять месяцев у власти». Зеньковский, министр исповеданий в кабинете времен Скоропадского, весьма сдержанно отзывался в этих мемуарах об ограниченной позиции своих коллег по университету, которые недооценили важность и мощь именно украинского фактора. Правда, нужно упомянуть, что оставшийся на русской стороне (при том что он читал в 1918–1919 гг. лекции в Украинском народном университете) Зеньковский эти написанные в начале 1930-х гг. мемуары при жизни не опубликовал, и они впервые увидели свет лишь в 1995 г.³⁴

³² Дорощенко Д.И. К украинской проблеме: (По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 388.

³³ Трубецкой Н.С. Ответ Д.И. Дорощенко // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 401–402.

³⁴ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти: Воспоминания / под ред. М.А. Колерова. М., 2011.

Сам Дорошенко в основательном двухтомнике «История Украины 1917–1923 гг.» (Ужгород, 1930) в рамках главы об образовательной политике посвящает более десяти страниц деятельности Вернадского по созданию Украинской академии и усилиям Василенко по украинизации высшей школы (включая основание университета в Каменец-Подольском) и оценивает результаты весьма высоко³⁵.

Следующая вспышка полемики о том, как нужно было и что нужно было делать в переломные месяцы 1918 г., приходится на середину 1930-х гг., когда в Белграде выходит — переизданная недавно в Киеве — книга «Столетие киевского Университета Святого Владимира». Ее автором был Евгений Спекторский, который излагает весьма апологетическую (в политических красках — скорее октябристскую, не черносотенную, но и не кадетскую) картину поведения профессоров Киевского университета того времени. Он там упоминает и Вернадского, притом весьма уважительно: «В период с марта 1918 года до февраля 1919 года над университетом Св. Владимира висела опасность украинизации. Но ему удалось сохранить свой русский характер. Этим он в значительной степени обязан как академику В.И. Вернадскому, который в качестве председателя Комиссии по делам высшего образования направил энергию украинцев в сторону Украинской академии наук и Украинского университета в Киеве, а также украинских факультетов в Виннице и Каменец-Подольском, так и целому ряду своих питомцев, которые, заняв руководящие места в украинском правительстве и ведомстве народного просвещения, продолжали бережно относиться к своей alma mater»³⁶.

Но в целом «общерусские» установки эссе Спекторского прослеживаются очень хорошо, что не осталось незамеченным украинскими культурными деятелями в эмиграции. В архивных фондах Киева сохранилось письмо, цитируемое современными украинскими авторами, занимающимися биографией Спекторского. В нем Михаил Дмитриевич Антонович (1910–1955), внук выдающегося историка и профессора Университета св. Владимира В.Б. Антоновича, писал своему отцу Дмитрию (в 1918–1919 гг. активисту национально ориентированного Украинского научного товарищества), что «вся книжка выдержана в духе Царинного и его мировоззрения»³⁷. Известная публицистическая книга А. Царинного «Украинское движение» (Берлин, 1925), приписываемая киевскому историку радикально правой ориентации Андрею Стороженко, была все-таки гораздо более заостренной по выводам и оценкам относительно «мазепинства», чем исторический очерк Спекторского, но характерно ее упоминание в контексте такого на первый взгляд академического сюжета, как недавняя история университета. Тем самым полемика времен Гражданской войны эхом продолжала звучать и в эмиграции 1930-х гг.

³⁵ См.: *Дорошенко Д.* Історія України 1917–1923 рр. Т. 1–2. Київ, 2002. Т. 2: Українська Гетьманська Держава 1918 року. С. 241–252.

³⁶ *Спекторский Е.В.* Столетие Киевского университета Св. Владимира: 1834–1934. Белград, 1935. [факсимильное переиздание: Київ, 2007]. С. 68.

³⁷ Цит. по: *Ульяновский В.І., Короткий В.А., Скиба О.С.* Останній ректор університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський: монографія. Київ, 2007. С. 210–211 (письмо от 7 марта 1937 г.).

В 1935 г. в короткой мемуарной заметке о культурном строительстве времени своего пребывания у власти Скоропадский подробно пишет о недавно умершем Грушевском, но не называет имени Вернадского³⁸. В представительных лекциях «Украинская культура» (1940, 1947, 1988) Вернадский без оговорок упоминается как украинский ученый, внесший вклад в возрождение философии после десятилетий господства позитивизма, в разделе, который принадлежал перу Дмитрия Чижевского, крупнейшего русско-украинского философа и историка литературы³⁹. Чижевский еще в середине 1930-х гг. опубликовал на немецком языке в эмигрантском журнале «*Slavische Rundschau*» («Славянское обозрение»), издававшемся в Праге, интересную статью про натурфилософию Вернадского. Он одним из первых представил в Европе идеи русского естествоиспытателя и натуралиста уже не только как ученого-биохимика, но и как мыслителя, предлагающего в духе Гегеля оригинальную картину эволюции природы. Опираясь на революцию в атомной физике и изучении радия, Вернадский, как подчеркивает украинский автор, был одним из немногих людей его поколения, кто смог этот новый поворот в естественных науках переосмыслить и в мировоззренческом ключе⁴⁰. Чижевский, который переписывался с Вернадским⁴¹, был среди совсем немногих деятелей, почти одинаково активно проявлявших себя и в украинской, и в российской эмиграции (по-русски он тогда часто печатался под псевдонимом «П. Прокофьев»).

Со второй половины 1920-х гг. в литературе российских эмигрантов-интеллектуалов об Украине, нередко выдержанной в мемуарном ключе, не утихает полемическая нота по отношению к тогдашней украинской эмиграции. Это относится и к сочинениям авторитетного публициста и историка Венедикта Мякотина⁴², и к весьма глубокой работе бывшего преподавателя Новороссийского университета в Одессе Петра Бицилли⁴³, и к «геополитическим» газетным очеркам ставшего евразийцем Н.Н. Алексеева⁴⁴, и к статьям министра УНР по делам национальных меньшинств и будущего просоветского деятеля и возвращенца Дмитрия Оди́нца (в «Современных записках»)⁴⁵. Уже в 1950-х гг. выходят очерк престарелого Николая Лосского⁴⁶ и публицистическая книга историка второй волны эмиграции Николая Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма» (1966). Политические пер-

³⁸ См.: *Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції*. С. 368–372 (впервые опубли.: *Наша культура*. 1936. Кн. 4 (13)).

³⁹ См.: *Українська культура: Лекції за редакцією Дмитра Антоновича*. Київ, 1993. С. 186.

⁴⁰ См.: *Чижевський Д. Натурфилософія В.І. Вернадського [1935] // Чижевський Д. Філософські твори: у 4 т.* Київ, 2005. Т. 2. С. 237–243.

⁴¹ См.: *Янцен В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов*. СПб., 2008.

⁴² См. подробнее в 4-й главе диссертации: *Йогансон Е.Н. В.А. Мякотин: Историк и политик: Дисс. ... канд. ист. наук*. М., 1994.

⁴³ *Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории*. Прага, 1930.

⁴⁴ *Алексеев Н.Н. Украинский вопрос в немецком освещении // Новая Россия (Париж)*. 1938. № 49. С. 8–9; *Он же. Украина в свете германского империализма // Там же*. № 58. С. 8–10.

⁴⁵ *Одинец Д.М. Украинский сепаратизм // Современные записки*. Т. 60. 1936. С. 369–387; *Он же. Из истории украинского сепаратизма // Там же*. Т. 68. 1939. С. 369–387.

⁴⁶ *Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Грани*. 1958. № 39.

турбации двух мировых войн в середине XX в. далеко увели мировоззрение российских интеллектуалов от былого украинофильства Федора Корша и Алексея Шахматова. Параллельная жизнь русских и украинских эмигрантских институций и научных организаций также способствовали закреплению шаблона «сепаратизма» не только на политическом, но и на идейно-культурном уровне. Это препятствовало серьезному изучению украинских и прочих «областных» интересов у Вернадского, вниманию к «чужим» аспектам его биографии.

Позицию самого ученого уже в 1920-х гг. хорошо иллюстрирует его письмо дочери Нине, где он подробно высказывается о перспективах и приоритетах украинского развития в связи с будущим России и мировой политики: «Я смотрю очень тревожно на украино-русские отношения — думаю, что русские совершенно не понимают происшедшего и изменения и возрождения. В нашем прошлом были такие элементы, которые не нашли себе места в современном (и царском) русском строе и ничем сейчас не могут быть уничтожены. Я считаю законными стремления украинцев-самостийников — но думаю, что Украина вполне самостоятельная, учитывая все, не может существовать; ее вхождение в Польшу (хотя бы федерации) приведет к ее поглощению Польшей, ее принадлежность к большому государству — России — ее прямой интерес. Однако в его пределах она должна иметь *maximum* самостоятельности. Мое различие с украинцами заключается в том, что их якобинско-централистический идеал мне столь же чужд, как и централистический идеал русских. Историю последних веков не вычеркнешь, и Новороссия — да и Слободская Украина и исторически и этнически не связаны тесно с Киевом. Может быть, выход — штаты. Все зависит от будущего хода истории “Союза советских республик”. Я очень сочувствую твоему участию в украинско-русском кружке... Рад всякой весточке об украино-русских отношениях»⁴⁷.

Здесь нужно сказать об одном интересном историографическом парадоксе. В конце советского времени во многом стараниями киевских ученых получилось так, что кадет и политически умеренный деятель Вернадский на момент 1918 г. стал признанным «хорошим», правильным сторонником чуть ли не извечной научной дружбы русского и украинского народов. А вполне левый, эссеровски настроенный, почти большевик на момент начала 1920-х гг. Михаил Грушевский представлялся как «плохой» и ограниченный (буржуазный) националист, который всячески хотел украинскую науку оторвать от русской и т. д. И в ряде современных украинских работ эта альтернатива: «хороший» Вернадский против «плохого» Грушевского, как ни странно, сохраняется, притом что Грушевский сейчас канонизирован как создатель национального государства⁴⁸. Все-таки очень трудно удержаться от искажения во имя современной политической или институциональной конъюнктуры (или относительно персональной позиции «своего героя») тех очень противоречивых проблем, которые встали тогда, в 1918 г., перед

⁴⁷ «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России»: Письма В.И. Вернадского детям / публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // *Природа*. 2004. № 1. С. 69 (письмо от 11 декабря 1923 г.).

⁴⁸ См.: *Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М.* В.И. Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1988; *Ситник К.М., Шмиговська В.В.* Володимир Вернадський і Академія. Київ, 2006. С. 131–136 и др.

учеными разных взглядов и ориентиров, которые желали реализовать свой научный или организационный потенциал даже в тех крайне неблагоприятных политических обстоятельствах.

Здесь обязательно нужно упомянуть очень нетривиальную и ревизионистскую работу о Вернадском киевского историка Игоря Борисовича Гирича, который много занимался биографией Грушевского (отчасти близок к его оценкам и другой известный киевский историк, Сергей Белоконь⁴⁹). В середине 1990-х гг. Гирич помещает на страницах инициированного историками из украинской диаспоры сборника в честь видного львовского историка Ярослава Дашкевича большую, аргументированную статью о Вернадском⁵⁰. Основываясь главным образом на материалах недавно опубликованного дневника ученого и на собственной комментаторской работе, Гирич показывает, что Вернадский тогда по своим взглядам гораздо был ближе к Спекторскому, чем было принято считать всеми последующими историками. Показывая, что на самом деле Вернадский хотел спасти в первую очередь русскую науку, Гирич как будто поддерживает аргументы Трубецкого против Дорошенко из давней полемики конца 1920-х гг.⁵¹

Собственно, Гирич переворачивает эту позднесоветскую схему «плохой Грушевский, хороший Вернадский» ровно наоборот — хорошим оказывается великий украинский историк Михаил Грушевский, а Вернадский становится «обруселым украинцем», примкнувшим к украинскому научному проекту в силу внешних обстоятельств. Далеко не все комментаторы с Гиричем согласились⁵². Но к заслугам историка нужно отнести то, что, хотя и сильно перегнув палку, он остро и откровенно поставил вопрос идентичности Вернадского, сняв излишний глянец и лоск с украинской «вернадскианы». Другое дело, что вопросом о ценностях и личных ориентирах обсуждение вопроса об объективной значимости ученого для эволюции национальной науки, на наш взгляд, далеко не исчерпывается. Но характерно, что и в самые последние годы эти споры о переопределении фигуры Вернадского, границы его мировоззрения и повторном присвоении его наследия продолжают и не утихают⁵³.

⁴⁹ См.: *Білоконь С.І.* Революція і громадянська війна // Нариси історії української інтелігенції (перша пол. ХХ ст.): у 3 кн. Кн. 1. Київ, 1994. С. 122–129.

⁵⁰ *Гирич І.Б.* Між російськими і українськими берегами: Володимир Вернадський і національне питання (у світлі щоденника 1917–1921 років) // *Mapra Mundi*: зб. наук. праць на пошану Я. Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 735–756.

⁵¹ См. дальнейшее изложение его идей: *Гирич І.В.* Вернадський і політичне українство // *Хроніка* 2000. Володимир Вернадський: наукова думка, як планетне явище; листування; щоденники. Вип. 57/58. [Київ, 2003]. С. 743–771. Стаття вошла в книгу: *Он же.* Між наукою і політикою: Історіографічні студії про вчених-концептуалістів. Тернопіль, 2012.

⁵² Ср.: *Лучка-Гай Е.* Чи був Володимир Вернадський українським націоналістом // *Сучасність*. 1997. № 1. С. 89–96 и более нейтральную публикацию: *Дражевська Л.* Володимир Іванович Вернадський (1863–1945) // 125 років київської української академічної традиції. 1861–1986 / ред. М. Антонович. Нью-Йорк, 1993.

⁵³ См.: *Брюховецький В.С.* Еволюція української ідеї в системі поглядів В.І. Вернадського // *Наукові записки / Національний університет «Києво-Могилянська академія»*. 1999. Т. 9. Спеціальний випуск: у 2 ч. Ч. 1. С. 4–9; *Даниленко В.М.* Володимир Вернадський про українсько-російські взаємини // *Україна дипломатична: науковий щорічник*. Вип. 5. Київ, 2005. С. 605–616.

В связи с вопросом о несовпадении самоистолкования и модусов рецепции можно кратко упомянуть и об украинских сюжетах в творчестве сына Вернадского, Георгия (который, в частности, писал о Богдане Хмельницком в 1940-х гг.)⁵⁴. Георгий Вернадский как наследник евразийства был в оценке украинских дел в целом скорее ближе к Трубецкому, чем к позициям своего отца. Однако украинские диаспорные историки, например Наталья Полонская-Василенко⁵⁵, жена уже упоминавшегося выше Н.П. Василенко (в ее обширной книге «Історія України») или Иван Лысяк-Рудницкий⁵⁶ уже после 1950-х гг. ссылались как раз на Георгия Вернадского, развивая такой взгляд на прошлое Украины, который отвечал скорее позиции Грушевского и его национально ориентированных единомышленников.

Подводя итоги, отметим, что тема «Вернадский, Украина, революция в университете и наследие эмиграции» касается сразу многих аспектов эволюции науки и академической сферы в целом в условиях трансформирующихся имперских и национально-государственных порядков. Здесь должны быть учтены и притязания ученого на создание нового общенаучного мировоззрения, которое позволило бы примирить и отрефлексировать его оригинальную философию, научные открытия и новые социальные процессы первой половины XX в. И сама эта попытка синтеза, и ее конкретные исторические воплощения продолжают быть интересными далеко за пределами историко-научных споров и квалификаций.

⁵⁴ См. подробнее: Гыйдел Э. Об «украинофильстве» Георгия Вернадского, или Вариация на тему национальных и государственных лояльностей // *Ab Imperio*. 2006. № 4. С. 329–346.

⁵⁵ См. ее воспоминания о Владимире Вернадском: *Полонська-Василенко Н.* Академік Вернадський: (Спогади) // *Хроніка*. 2004. № 57/58. С. 496–509.

⁵⁶ См.: *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1. С. 91; Т. 2. С. 293 (соответственно, в очерках «Польско-украинские отношения» и «Новый Переяслав»).

О.А. Валькова

БОИ ЗА ИСТОРИЮ ГЕОЛОГИИ:
НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО
В.И. ВЕРНАДСКОГО к В.А. ВАРСАНОФЬЕВОЙ

...Благодарю Вас за те воспоминания о прошлом,
которые Вы возбудили во мне Вашей книгой.

В.И. Вернадский — В.А. Варсановфьевой¹

В ноябре 1941 г. в Москве, в издательстве Московского общества испытателей природы вышла в свет монография Веры Александровны Варсановфьевой (1889–1976) «Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии»², посвященная жизни и творчеству выдающегося отечественного геолога и палеонтолога, основателя московской геологической школы, академика, профессора геологии Московского университета Алексея Петровича Павлова (1854–1929). Книга была встречена доброжелательно научным сообществом. В подробной, развернутой рецензии, опубликованной в «Известиях Академии наук СССР» в марте 1942 г., Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956) отмечал: «В.А. Варсановфьева, тщательно использовав обширный материал, создала не только подробную характеристику жизни, научной и общественной деятельности А<лексея> П<етровича>, но и обзор развития разных отраслей геологии в нашей стране за половину века и прекрасно выявила роль и значение покойного академика в этом развитии»³.

Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) так же не остался равнодушен к выходу книги. 3 ноября 1942 г., все еще находясь в эвакуации в Боровом, он написал В.А. Варсановфьевой подробное письмо, начинавшееся словами: «На днях с величайшим интересом прочитал Вашу книгу об А.П. Павлове. Для меня это был пересмотр и моей жизни с 1889 по 1911, первый московский период моей жизни»⁴. Однако в отличие от В.А. Обручева, В.И. Вернадский был согласен далеко не со всеми выводами и оценками автора. О чем он не замедлил заявить. «Позволю сделать все-таки несколько замечаний»⁵, — писал он Вере Александровне. Замечания В.И. Вернадского носили совершенно конкретный характер и касались оценок деятельности и вклада в развитие геологических наук таких известных деятелей отечественной геологии, как К.Ф. Рулье, В.О. Ковалевский, Г.Е. Щуровский, М.А. Толстопятов. Прежде всего оценок роли Г.Е. Щуровского и М.А. Толстопятова. Пожалуй, можно выделить три основных пункта «несогласия»:

¹ В.И. Вернадский — В.А. Варсановфьевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 3.

² *Варсановфьева В.А.* Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1941.

³ *Обручев В.А.* [Рец.:] В.А. Варсановфьева. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. Изд. Московского общества испытателей природы, Москва, 1941, 348 стр. с 4 портретами и 3 таблицами // Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. 1942. № 3. С. 74.

⁴ В.И. Вернадский — В.А. Варсановфьевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

1. «А<лексей> П<етрович> в Москве явился не только учеником Ковалевского, но по существу явился первым после Рулье крупным в Московском университете геологом, и в разговорах моих с ним он нередко оттенял влияние Рулье»⁶, — писал В.И. Вернадский, полностью отрицая таким образом роль Г.Е. Щуровского в развитии геологии в России второй половины XIX в.

2. «То, что он (А.П. Павлов. — О. В.) говорит о Щуровском, которому он, конечно, многим обязан, совсем не отразилось на его личной работе, кроме его истории геологии Московской губ. ...»⁷, — добавлял он.

3. «Когда я приехал молодым в Москву, в 1889 году <...> то захотел ознакомиться с нашими предшественниками и думаю, та оценка, которую дает А<лексей> П<етрович>, не отвечает действительности, особенно по отношению к Толстопятову»⁸.

Далее В.И. Вернадский дал свою, достаточно резкую, оценку работы А.М. Толстопятова. О его научной работе В.И. Вернадский писал: «Это был Обломов в университете. Он и его диссертации представляют из себя компиляции, правда, литературно, к моему удивлению, полные»⁹. О работе А.М. Толстопятова в Геологическом кабинете Московского университета: «Значительная часть коллекций была на полу, лежала кучами. Пришлось восстанавливать этикетки по номерам. Т<олстопятов> в 1860-х годах начал разбирать и приводить в порядок коллекции, которые при Щуровском были в полном порядке, а потом забросил. И те части коллекции, до которых он не дошел и которые сохранились с 60-х годов, остались в порядке»¹⁰. О его работе в Румянцевском музее: «Так же Толстопятов сделал и с коллекцией Румянцевского Музея»¹¹. Наконец, В.И. Вернадский сравнил диссертацию М.А. Толстопятова с диссертацией Г.Н. Вырубова: «Это было время до А<лексея> П<етровича>, было время борьбы двух обществ. Толстоп<ятов> поддерживался Об-вом Естествоиспытат<елей>¹², а О-во Любителей¹³ поддерживало Вырубова¹⁴, диссертация которого была маленькая, но экспериментальная в отличие от Толст<опятова>, и до сих пор с ней можно считаться»¹⁵.

В отличие от В.И. Вернадского, В.А. Варсанофьева в своей книге очень высоко оценивала заслуги и Григория Ефимовича Щуровского (1803–1884) (с 1835 г. возглавлявшего кафедру геологии и геогнозии Московского университета, в 1848–1849 гг. декана физико-математического факультета, в 1868–1869 гг. прорек-

⁶ В.И. Вернадский — В.А. Варсанофьевой. 3 ноября 1942 г. Л. 2 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Московское общество испытателей природы (МОИП).

¹³ Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

¹⁴ В.И. Вернадский, видимо, случайно перепутал два общества, вернее, кто именно из них кого поддерживал: МОИП поддерживало Г.Н. Вырубова, а ОЛЕАЭ — М.А. Толстопятова.

¹⁵ В.И. Вернадский — В.А. Варсанофьевой. 3 ноября 1942 г. Л. 3.

тора Московского университета, заслуженного профессора, высокоуважаемого современниками создателя геологического образования в Московском университете) и его ученика Михаила Александровича Толстопятова (1836–1890), первого профессора минералогии Московского университета. О Г.Е. Щуровском В.А. Варсанофьева писала подробно, объясняя это следующим образом: «...профессора, менее выдающиеся по своим научным заслугам, обладая лекторским талантом и искренней любовью к своей науке и к преподаванию, могут дать своим слушателям очень много и привлечь к изучению своей специальности много молодых сил. К числу таких профессоров относились Г.Е. Щуровский и М.А. Толстопятов. Учитель А<лексея> П<етровича> Григорий Ефимович Щуровский, во многих отношениях близкий ему по духу, был, по словам С.Н. Никитина, “последним отголоском той блестящей плеяды московских профессоров 40-х и 50-х годов, эпохи Грановского, Рулье, Кудрявцева и др., от которых в наше время сохранились одни только рассказы”. Он, несомненно имел влияние на А<лексея> П<етровича> в его студенческие годы и, вероятно, сыграл роль в выборе им геологической специальности и в направлении его дальнейшей научной деятельности. Интересно поэтому подробнее осветить здесь фигуру Щуровского»¹⁶.

Давая оценку деятельности Г.Е. Щуровского, В.А. Варсанофьева приводит слова самого Алексея Петровича, произнесенные им на заседании, посвященном памяти ученого: «Я имел счастье быть слушателем Григория Ефимовича уже в последние годы его профессорской деятельности...»¹⁷ — говорил А.П. Павлов. Дальнейший панегирик Г.Е. Щуровскому занимает не менее двух страниц. Видимо, это те самые слова А.П. Павлова, о которых говорит в своем письме В.И. Вернадский.

Сравнение А.П. Павлова с Г.Е. Щуровским в глазах В.А. Варсанофьевой — величайшая похвала: «Перед глазами тех, кто ближе знал А.П. Павлова, слушал его лекции, бывал с ним на экскурсиях и читал его популярные книги, невольно встает его образ при чтении строк, посвященных памяти Щуровского, невольно бросается в глаза громадное сходство между учителем и его одаренным учеником. Если Щуровский и не вложил в него, как нечто новое, тех дарований и склонностей, которые отличали А<лексея> П<етровича> как ученого и педагога, он безусловно способствовал их пробуждению, он направил их своим примером в определенное русло, он заставил его задуматься над тем, как подходить к изучению и преподаванию науки, как способствовать ее распространению в широких кругах населения. Так же как и его учитель, А<лексея> П<етрович> был блестящим лектором и всю жизнь до последнего года серьезно готовился к каждой лекции и волновался перед нею. Так же неутомим и увлекателен был он как руководитель экскурсий, так же отзывчив ко всякому проявлению интереса к любимой им науке, так же внимателен к каждому из своих учеников и горячо предан делу популяризации геологии»¹⁸.

¹⁶ Варсанофьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. 2-е изд. М., 1947. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 19.

Об А.М. Толстопятове В.А. Варсанофьева также пишет с большим уважением: «Профессор минералогии М.А. Толстопятов был тоже исключительно хорошим и интересным человеком и блестящим лектором. <...> Любимой областью его была кристаллография, и в частности процессы кристаллообразования, которым была посвящена и его докторская диссертация “Общие задачи учения о кристаллогенезе”. Толстопятов вел в этом направлении очень интересную работу...»¹⁹

Подводя итог сказанному, В.А. Варсанофьева отмечает: «Таковы были два ближайших руководителя А<лексея> П<етровича>. Общение с ними могло только укрепить и развить ту любовь к науке и истине, то глубокое уважение к университету как рассаднику культуры, то горячее и серьезное отношение к работе педагога, которые характеризовали А<лексея> П<етровича>»²⁰. Как мы видим, мнение это прямо противоположно мнению В.И. Вернадского. Законный вопрос: откуда взялось такое разногласие в оценке ключевых для истории московской геологии фигур? Почему В.И. Вернадский, являвшийся коллегой А.П. Павлова и преемником М.А. Толстопятова по кафедре в Московском университете, и В.А. Варсанофьева, считавшая себя ученицей А.П. Павлова, чьи научные и историко-научные взгляды формировались в одном и том же месте и почти в одно и то же время, придерживались таких разных взглядов?

Посмотрим, откуда началось расхождение. Вернемся для этого к первому несогласию между В.И. Вернадским и В.А. Варсанофьевой. «А<лексей> П<етрович> в Москве явился не только учеником Ковалевского, но по существу явился первым после Рулье крупным в Московском университете геологом, и в разговорах моих с ним он нередко оттенял влияние Рулье»²¹, — писал В.И. Вернадский, считая оценку деятельности Г.Е. Щуровского неправильной, проводя ряд московских геологов напрямую от Рулье к Павлову, минуя Г.Е. Щуровского вообще.

РАУНД 1

Возвращаясь к научно-политическим конфликтам середины XIX в. в Москве, легко заметить существование двух лагерей среди московской профессуры, возглавлявшихся Г.Е. Щуровским, с одной стороны, и Карлом Францевичем Рулье (1814–1858), с другой. Конфликт этот имел, на наш взгляд, не столько отношение к сути и / или направлению научных исследований, сколько к философско-моральным концепциям о роли и значении науки в жизни государства, о долге ученого перед своей страной и ее народом, об отношении к распространению и / или популяризации знаний. Тогда, в 1850–60-х гг. обсуждение этих тем вылилось в дискуссию о языке научных периодических изданий.

Дело в том, что по сложившейся еще в XVIII в. и все еще сохранявшейся в середине XIX в. традиции как Императорская Академия наук, так и многие из

¹⁹ Варсанофьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. С. 20.

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Там же. Л. 2 об.

наиболее авторитетных научных обществ, как, например, Московское общество испытателей природы, публиковали свои научные периодические сочинения на иностранных языках (несмотря на то что получали свое финансирование из казны Российского государства). И это не вызывало особых возражений. К середине XIX в., однако, ситуация начала постепенно меняться. С распространением в стране университетского образования (хоть и медленным, но неуклонным), развитием научных учреждений и увеличением количества русскоязычных людей, занятых профессиональной научной деятельностью, появились первые признаки того, что требование обязательного знания иностранных языков, предъявлявшееся к ученым, стало (или скоро должно было стать) своеобразным барьером для желающих заниматься наукой и, соответственно, фактором, тормозящим развитие фундаментальной науки в стране. Некоторые представители научного сообщества сознавали возникшую проблему и пытались найти пути ее разрешения. Среди них был и Г.Е. Щуровский.

Одно из первых публичных выступлений Григория Ефимовича по этому поводу (насколько нам известно) состоялось весной 1851 г., когда в Московском обществе испытателей природы (далее — МОИП) обсуждался вопрос об издании естественно-научного журнала на русском языке. На заседании МОИП 15 марта 1851 г. его превосходительство президент Общества Владимир Иванович Назимов (1802–1874), занимавший в этот период также должность попечителя Московского учебного округа, предложил: «...не найдет ли Общество полезным издавать по-русски какой-либо труд по естественной истории, общедоступный для читателя, не знакомого специально с этим предметом»²². Предложение В.И. Назимова вызвало неоднозначную реакцию среди членов МОИП. Как записано в протоколе заседания: имело место «продолжительное суждение об этом предложении»²³. В итоге было решено, что специально выбранные господа — Г.Е. Щуровский, Н.А. Варнек и К.Ф. Рулье — упорядочат существующие точки зрения и представят их на рассмотрение общества.

На чрезвычайном заседании МОИП 18 мая 1851 г.²⁴ члены общества «слушали по порядку мнения назначенного Комитета из гг. Щуровского, Варнека и Рулье». Первыми свое совместное мнение зачитали Г.Е. Щуровский и Н.А. Варнек. Они оба считали, что следует приступить к изданию русскоязычного журнала под названием «Вестник Императорского московского общества испытателей природы»²⁵. Необходимость этого, по их мнению, вытекала из «самого Устава <Общества>, которым постановляется Обществу в непрременную обязанность распространять естественно-исторические сведения внутри самой России. Русский язык есть, без сомнения, главный орган такого распространения сведений»²⁶. Таким образом, была высказана вслух, публично, в одном из самых уважаемых научных собраний

²² Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года, марта 15 дня // Архив МОИП. Д. 271. Л. 13 об.

²³ Там же.

²⁴ То же 1851 года мая 18 дня // Архив МОИП. 1851. Д. 271. Л. 26–32 об.

²⁵ Там же. Л. 22 об.

²⁶ Там же. Л. 23.

Москвы мысль, утверждению которой в умах отечественных ученых, интеллигенции, властей Г.Е. Щуровский впоследствии отдал немало сил и энергии. Конечно, нельзя сказать, что Григорий Ефимович является первооткрывателем данной идеи. Значение национального языка для распространения знаний в стране прекрасно понимал уже Г.Ф. Миллер, приступая в 1728 г. к изданию «Исторических, генеалогических и географических примечаний в ведомостях». Однако в русской культурной традиции популяризация науки среди широких слоев населения рассматривалась скорее как некая просветительская миссия, имеющая абсолютную ценность и потому важная, но никоим образом не связанная с развитием науки как таковой.

Позицию, оправдывающую ненужность русскоязычных научных изданий, прекрасно сформулировал К.Ф. Рулье, выступивший на том же чрезвычайном заседании МОИП со своим отдельным мнением. Во-первых, по словам К.Ф. Рулье: «Очевидно, кто работает для науки вообще, тот работает и для науки каждой страны <...> Язык нерусский не только не помеха для этой цели, всеми нами искомым, а напротив, существенное средство, чтобы Россия, всеми нами высоко чтимая, была и по своим естественным произведениям, и по мере их разработки высоко и достойно чтимой за границей...»²⁷ Во-вторых: «От несоблюдения этого отношения в науке рождаются чрезвычайные неудобства: нужно бывает открывать вновь сведения, уже давно приобретенные в какой-либо стране, но высказанные на ее родном местном языке»²⁸. В-третьих: «...мы не можем себе представить русского читателя, который не понял бы статьи в Bulletin только потому, что она написана не на русском языке. Чтобы понять нашу статью, нужно предварительно научное образование, а этого научного образования нельзя получить, не зная по крайней мере французского и немецкого языков»²⁹. В-четвертых: «Наконец, и это нам кажется чрезвычайно важным, наше Общество изданием своих журналов на иностранном языке вполне выполняло цель, предписанную ему 3 § Устава: распространять сведения по естественной истории России (подчеркнуто автором. — О. В.), а отнюдь не в России»³⁰.

Надо отметить, что с подобными мнениями Григорий Ефимович и его единомышленники сталкивались неоднократно. Тем не менее Г.Е. Щуровский продолжал отстаивать свою позицию по данному вопросу. Он одним из первых пришел к пониманию взаимозависимости между уровнем образованности широких слоев общества в том или ином государстве и характером развития науки в данной стране. Однако в Московском обществе испытателей природы

²⁷ Мнение г<осподина> действительного члена Императорского московского общества испытателей природы профессора Рулье по случаю предложения его превосходительства господина президента не полезно было бы издать при обществе повременного труда по части естественной истории на русском языке в изложении общедоступном для всех сколько-нибудь образованных читателей. [1851] // Архив МОИП. Д. 275. Л. 42–42 об.

²⁸ Там же. Л. 44.

²⁹ Там же. Л. 46 об.

³⁰ Мнение г<осподина> действительного члена Императорского московского общества испытателей природы профессора Рулье... Л. 45 об.

Г.Е. Щуровский и его единомышленники остались в меньшинстве. Это привело к фактическому разрыву Г.Е. Щуровского с МОИП и созданию им в 1864 г. нового общества — Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), что вызвало неоднозначную и бурную реакцию в академических кругах.

На первом же заседании ОЛЕАЭ 14 мая 1864 г. Г.Е. Щуровский (избранный президентом) говорил, определяя задачи вновь созданного научного объединения: «Деятельность естественно-исторических обществ может выражаться в двух различных и трудно соединимых на практике направлениях: можно или заботиться о развитии и обогащении науки о природе вообще специальными исследованиями и разработкой новых нетронутых вопросов, или же стараться преимущественно о распространении науки в массе публики, о подготовке новых деятелей для нее, об облегчении средств к серьезному изучению естествознания, т. е. иметь в виду преимущественно не развитие науки вообще, но развитие, распространение и укоренение ее в данной местности. <...> Если мы окинем беглым взглядом деятельность естественно-исторических обществ в России, то не можем не убедиться, что они собрали много капитального в науке... Не в специальных исследованиях, не в ученых материалах чувствуется у нас недостаток: он чувствуется в людях, которые бы могли пользоваться этим материалом и которые бы могли далее вести его. Это выражают косвенно и существующие уже ученые общества тем, что издают свои исследования на иностранных языках. В тех странах, где наука уже пустила глубокие корни, где она стала уже общим достоянием, там такое явление было бы немислимо; следовательно, если где может быть полезна деятельность нового Общества и где, скажем это с полным убеждением, она особенно необходима, так это в изыскании средств к распространению серьезных занятий естествознанием в России. Этим и определяется та цель, которую, по мнению Совета, полезно усвоить себе Обществу, т. е. изыскание средств, могущих содействовать распространению естествознания в России»³¹.

Надо сказать, что мысль о создании нового естественно-научного общества при Московском университете, когда при нем уже существовало всемирно известное Московское общество испытателей природы, многими учеными была принята в штыки. Организаторов ОЛЕАЭ обвиняли в самых разных грехах. Как они сами вспоминали позднее, им приписывали «желание фигурировать в области какой-то не существующей по тогдашним воззрениям русской науки, потому что им не по силам была общечеловеческая, европейская наука...»³². Но подобная реакция научного сообщества не смутила Г.Е. Щуровского и его коллег, а значительные успехи ОЛЕАЭ в выполнении поставленных ими перед собой задач вскоре заставили недоброжелательных критиков умолкнуть.

³¹ Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском Московском университете. Год первый. Первое заседание 14 мая 1864 года // Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. М., 1866. С. 3.

³² [Воспоминания А.П. Богданова] [В изд.:] Юбилей Григория Ефимовича Щуровского (27 августа 1878 г.) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 33. Вып. 1. М., 1880. С. 13.

Итоги этого первого раунда вкратце таковы: 1) научные периодические издания МОИП продолжали публиковаться на иностранных языках; 2) Г.Е. Щуровский для продвижения своих идей создал новое научное общество; 3) между двумя обществами (МОИП и ОЛЕАЭ) возникла вражда, длившаяся как минимум до начала XX в. Камнем преткновения между ними стало расхождение во взглядах по вопросу элитарности или демократичности науки.

РАУНД 2

Возникшее в начале 1860-х гг. противостояние никуда не делось с появлением на исторической сцене следующего поколения. В геологической науке Московского университета оно было представлено Григорием Николаевичем Вырубовым (1843–1913) и Михаилом Алексеевичем Толстопятовым (1836–1890). М.А. Толстопятов, ученик Г.Е. Щуровского, начал читать курс минералогии в Московском университете с 1861 г. на только что впервые образованной кафедре минералогии. Г.Н. Вырубов записался вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета в 1862 г., сразу по окончании Лицея. И тут же разочаровался как в самом университете, так и в его преподавателях. Современные историки науки, биографы Г.Н. Вырубова Г.И. Любина и Е.А. Зайцева пишут со ссылкой на его «Школьные воспоминания»: «Канули, по его наблюдениям, в прошлое 40-е годы с романтическим увлечением высокими идеалами. Стремление к “высокому” у части студентов Вырубов все же нашел, но оно было смутным и неявным. В начале 60-х годов, особенно после принятия университетского устава 1863 г., в высшие учебные заведения России хлынул поток разночинной молодежи. Среди студентов возобладал тип тургеневского Базарова. Приобретение знаний отодвинулось на второй план, основной целью стало получение диплома и устройство жизненной карьеры “ради куска хлеба”. “Фабрикой дипломов” называл Вырубов Московский университет»³³. Конечно, Г.Н. Вырубова, более чем обеспеченного потомка двух знатных родов, проблемы карьеры «ради куска хлеба» занимали мало. В отличие от научного знания.

Геология и минералогия особенно интересовали Г.Н. Вырубова в научном отношении, но преподавание, предлагавшееся Г.Е. Щуровским и М.А. Толстопятовым его не устраивало. Он оставил несколько очень резких отзывов об обоих. О Г.Е. Щуровском Г.Н. Вырубов писал: «...у него мне нечему было поучиться; я и без него мог вычитать из книг все нужное»³⁴. Даже смерть Г.Е. Щуровского в 1884 г., по словам Г.И. Любиной и Е.А. Зайцевой, не изменила мнения Вырубова: «Бедный русский Мурчисон! Я уже было привык считать его бессмертным, потому что мне казалось, что в наше время ему было уже за 80 лет, до такой степени были допотопны его знания»³⁵. Что касается М.А. Толстопятова, то они были знакомы не только по университету. В 1864 г. во время поездки Толстопятова по Западной Европе Г.Н. Выру-

³³ Зайцева Е.А., Любина Г.И. Григорий Николаевич Вырубов. 1843–1913. М., 2006. С. 30.

³⁴ Цит. по: Там же. С. 32 (примеч.).

³⁵ Цит. по.: Там же. С. 32.

бов взялся быть его гидом (он сам отправился в Европу в мае 1864 г., сразу же после сдачи университетских экзаменов), показать ему Париж и Берлин. Но друзьями это путешествие их не сделало. Наоборот, впоследствии Вырубов писал, что во время совместного путешествия его раздражало «дремучее» невежество Толстопятова³⁶. Сегодня трудно восстановить, что произошло между ними на самом деле и каким образом переплелись личные и научные отношения, но далее Вырубов отзывался о Толстопятове не иначе как следующим образом: «...в научном отношении это был квадратный корень, извлеченный из его учителя (Г.Е. Щуровского. — О. В.), от которого он отличался еще необычайной, неизлечимой ленью»³⁷ или «Разные Толстопятовы, Богдановы, Кирилловы и прочая чушь...»³⁸

В отличие от разочаровавших Г.Н. Вырубова Г.Е. Щуровского и М.А. Толстопятова, члены МОИП, наоборот, привлекли молодого исследователя. «Показательно отношение Вырубова к Московскому обществу испытателей природы, — пишут Г.И. Любина и Е.А. Зайцева. — Он признавался, что своих научных наставников он нашел вне стен Московского университета. Он встретил их в МОИПе. <...> Вырубов был благодарен МОИПу за то, что именно там реализовал свой интерес к научной работе: познакомился со знающими специалистами, опубликовал первые статьи. Его привлекал международный статус общества, половину членов которого составляли иностранцы»³⁹.

Характерно, что Г.И. Любина и Е.А. Зайцева сочли необходимым остановиться на взглядах Г.Н. Вырубова по поводу элитарности vs. демократичности науки. Они пишут по этому поводу: «Вырубов выступал как демократ, когда касался вопроса об использовании результатов исследований. Он рассматривал их как общее достояние, источник материального достатка, залог умственного и нравственного развития народа. Он приветствовал распространение знаний среди широких слоев населения. Что касается доступа к самим исследованиям, здесь он обнаруживал определенную корпоративную замкнутость. Вырубов считал, что занятие наукой — это удел немногочисленной группы людей, специальным образом подготовленных и имеющих необходимые способности. Он выступал как консерватор по отношению к демократическим формам преподавания и науки. Он скептически относился к общедоступным лекциям, научным съездам и выставкам, к новому типу научных обществ (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии — ОЛЕАЭ). Он полагал, что, привлекая дилетантов, они снижают профессиональный уровень исследований. В этом он не был одинок. Многие ревнители “строгой науки” поначалу окрестили ОЛЕАЭ обществом “губителей естествознания”»⁴⁰.

Придерживаясь подобных взглядов, Г.Н. Вырубов не мог с уважением относиться к Г.Е. Щуровскому, являвшемуся основателем ОЛЕАЭ, организовавшего уже в первые годы своего существования (при активном участии Г.Е. Щуровского)

³⁶ См.: Там же. С. 33.

³⁷ Цит. по.: Там же. С. 32.

³⁸ Цит. по.: Там же. С. 37.

³⁹ Там же. С. 46; 48.

⁴⁰ Там же. С. 36.

несколько крупных выставок (участие в которых приняли сотни тысяч человек), результатом которых стало создание в Москве целого ряда музеев, в том числе Политехнического; ставшего активным участником I съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге, проходившего с 28 декабря 1867 г. по 4 января 1868 г.; организовавшему и принимавшему в Москве II съезд русских естествоиспытателей и врачей в августе 1869 г.; бывшего неумолимым пропагандистом русского научного языка и таким же неумолимым популяризатором науки.

Надо заметить, что сам Г.Е. Щуровский, всегда активно поддерживавший талантливых и заинтересованных наукой молодых людей, видел потенциал Г.Н. Вырубова и даже предлагал ему работу в Московском университете. Но Г.Н. Вырубова это предложение не устроило: окончательно рассорившись с университетским начальством, решив переехать жить в Европу, он писал на прощание Г.Е. Щуровскому 24 октября 1866 г.: «Еще в прошлом году, когда Вы предложили мне занять кафедру в университете, еще прежде этого я должен был понять, что быть мне в университете так же невозможно, как и невозможно мне возвратиться к прежним, наивным понятиям моего детства. Я думал, что возможно какое-нибудь примирение, какое-нибудь взаимодействие, — спешу признаться, что смешна и наивна была эта надежда. В длинном ряду философских систем, выработанных человечеством, я и Московский университет занимаем две крайние точки: я занимаю скромное место на конце левой стороны, Московский университет блестящим образом занимает край правый. И так велико разделяющее нас расстояние, что нечего и думать подать друг другу руку: только жалкие болезненные продукты могло бы породить наше сотрудничество. Наш разрыв, тихий и миролюбивый, не пройдет без плодотворных последствий: университет избавится от беспокойного последователя новых идей, я избавлюсь от неприятной обязанности стесняться в приложении и популяризировании этих идей. Московский университет, захлопывая мне свои двери, открыл мне невольно другой выход, из которого видна широкая и беспредельно длинная дорога. Я наскоро уложил свой нетяжелый дорожный мешок, взял свою дорожную палку и завтра утром пускаюсь по этой дороге. В ней мы с Вами, Григорий Ефимович, не встретимся и на ней мы с Вами не будем конкурировать — это можно сказать наверное...»⁴¹

Итак, Г.Н. Вырубов покинул Россию, сохранив на всю жизнь чувство неприязни к Московскому университету. Впоследствии он станет признанным автором работ в области кристаллографической химии; редактором первого русскоязычного собрания сочинений А.И. Герцена; в 1891 г. будет избран президентом Парижского минералогического общества; в 1904 г. займет кафедру истории науки в Коллеж де Франс, отказавшись ради этого от русского подданства. А.М. Толстопяттов, в свою очередь, станет блестящим лектором и минералогом, чьи научные труды будут оценены достаточно высоко впоследствии. Он умрет преждевременно, всего 54 лет, оставив многое незавершенным и неопубликованным.

⁴¹ [Прилож.] Письмо Г.Н. Вырубова к Г.Е. Щуровскому [24 октября 1866 г.] // Зайцева Е.А., Любина Г.И. Григорий Николаевич Вырубов. 1843–1913. С. 292–293.

В 1892 г. его вдова обратится к президенту МОИП Ф.А. Слущкому (1841–1897)⁴² с просьбой опубликовать в «Бюллетене МОИП» труды ее покойного мужа. Исследования, озаглавленные «О хохолках», не были закончены при жизни ученого. Его вдова с помощью члена Общества А.А. Крылова привела в порядок и подготовила к публикации разрозненные материалы. Статью передали на экспертизу редакционной комиссии, состоявшей из А.П. Павлова и В.И. Вернадского. Комиссия доложила свое мнение по поводу статьи на заседании Совета МОИП 19 марта 1892 г.

Члены комиссии нашли некоторые чисто технические недоделки и несоответствия. Прежде всего, они отметили, что приложенные к статье рисунки не пронумерованы, а в самом тексте исследования на них нет ссылок. Во-вторых, в первой части работы были обнаружены начатые, но незаконченные описания наблюдений, по мнению комиссии «нарушающие ход изложения остальных частей текста, содержащих ценный научный материал»⁴³. В-третьих, требовалось отредактировать не совсем удачный перевод (в оригинале статья была написана по-русски, а публиковалась на одном из европейских языков), в основном научных терминов. В итоге комиссия сделала следующий вывод: «По мнению комиссии, этого рода изменения в тексте во всяком случае необходимо будет сделать, если печатание работы состоится; более же детальное ознакомление с сочинением и доклад о нем Совету Общества комиссия откладывает до получения остальных рисунков»⁴⁴. Взятое в отдельности, подобное решение кажется несколько странным, поскольку некоторые, главным образом незначительные, недоделки не могли помешать оценить научное значение работы в целом и принять решение о ее публикации. Одновременно редактор изданий Общества заявил, «что на изготовление раскрашенных таблиц к этой статье понадобилось бы по крайней мере 500 руб.»⁴⁵.

На основании предварительного вывода редакционной комиссии и заявления редактора «г. Президент ответил г-же Толстопятовой, что изготовление таблиц Общество не может в настоящем году принять на свой счет; что Редакционная комиссия признает необходимым сделать кое-какие поправки и, кроме того, просит доставить остальные таблицы и сделать указания, к каким листам текста относятся прилагаемые рисунки, так как без таковых указаний статья не может быть напечатана»⁴⁶. В ответ на это постановление г-жа Толстопятова попросила вернуть ей рукопись, что и было сделано *немедленно*. В журнале заседания Совета МОИП 19 марта 1892 г. записано следующее постановление Совета Общества: «Совет постановил немедленно возвратить рукопись»⁴⁷. Постановление подписано президентом Общества Ф.А. Слущким, секретарями Общества В. Льво-

⁴² *Слущкий* (Слудский) Федор Алексеевич (1841–1897), механик, геодезист, астроном; профессор Московского университета, с 1886 г. вице-президент МОИП, в 1890–1897 гг. президент МОИП.

⁴³ Журнал заседания Совета Московского общества испытателей природы 19 марта 1892 г. // Архив МОИП. Д. 658. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 3 об.

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

вым и А.П. Павловым, а также членами Совета Общества И.Н. Горожанкинским, В.А. Дейнегой, Е.Д. Кислаковским, В.Д. Соколовым⁴⁸.

В самом журнале заседания есть две особенности, которые стоит отметить. Прежде всего, в официальном и уже подписанном тексте журнала заседания встречаются редакторские правки. Случай крайне редкий, так как текст протокола составлялся сначала начерно, затем просматривался и исправлялся заинтересованными лицами (секретарем и президентом Общества) и только потом переписывался начисто и подписывался всеми участниками заседания. Правки в окончательном варианте текста практически отсутствуют. Их неожиданное появление свидетельствует о горячих дебатах, не укладывавшихся в традиционно официальные рамки. Второй особенностью является само слово «немедленно». Подобная лексика отсутствует в тексте протоколов, писавшихся подчеркнуто официально. Проявление каких-либо эмоций в тексте протоколов МОИП встречается настолько редко, что привлекает пристальное внимание.

Работы М.А. Толстопятова были изданы впоследствии его вдовой Е. Толстопятовой на ее собственные средства⁴⁹. Через много лет, 24 октября 1942 г., размышляя над книгой В.А. Варсанофьевой об А.П. Павлове, В.И. Вернадский запишет в дневнике: «Вдова Толстопятова издала на французском языке его посмертную работу — предлагала мне ее редактировать. Я решительно отказал»⁵⁰. Никаких объяснений, никаких сожалений.

Как мы видим, кроме личных обид и несовпадений характеров, причиной конфликта представителей второго поколения московских геологов стало также расхождение в представлениях о путях развития геологической и минералогической науки, а также расхождение во взглядах на элитарность vs. демократичность науки.

РАУНД 3

И в этот момент на исторической сцене появляется третье поколение: А.П. Павлов и В.И. Вернадский (В.А. Варсанофьева присоединится к ним чуть позже — она моложе). Как мы видели, именно они отказали вдове М.А. Толстопятова в публикации его трудов. Одной из причин, безусловно, было очень личное отношение В.И. Вернадского к Толстопятову. Когда он писал в начале письма к В.И. Варсанофьевой: «Для меня это был пересмотр и моей жизни с 1889 по 1911 первый московский период моей жизни»⁵¹, он ничуть не кривил душой. В.И. Вернадский достаточно хорошо знал Г.Н. Вырубова и относился с уважением к его научным достижениям. По его дневникам разбросано немало упоминаний о Вырубове, о том, как В.И. Вернадский составил свое мнение о том или ином

⁴⁸ См.: Журнал заседания Совета Московского общества испытателей природы 19 марта 1892 г. Л. 3.

⁴⁹ См.: *Толстопятов М.А.* Топазы и включения в них турмалинов. Пг., 1916; *Он же.* Особенности оптических фигур в кристаллах эпидота и пушкinitа. Пг., 1917.

⁵⁰ *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 148.

⁵¹ В.И. Вернадский — В.А. Варсанофьевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 2.

ученом на основании его убеждений. Об отношениях между Г.Н. Вырубовым и М.А. Толстопятовым и своем отношении к М.А. Толстопятову В.И. Вернадский писал, например, в дневнике 15 июля 1941 г.: «Неожиданно я получил от А.П. Павлова в Париже письмо, извещавшее о смерти Толстопятова, о котором я имел самые дурные известия от Вырубова (Толстопятов был выбран профессором вместо Вырубова: научно не сравнимые величины), с которым я часто виделся в Париже»⁵².

В дневниковой записи от 24 октября 1942 г. В.И. Вернадский пишет: «В 1889 году получил в Париже письмо от А.П. <Павлова>, который приглашал меня в Москву и перевернул всю мою жизнь. О Толстопятове, моем предшественнике, я слышал, вероятно, тогда от Вырубова. Я не знал, что, д<олжно> б<ыть>, Вырубов сам подумывал о кафедре? Он тогда был еще русским подданным. Он (Вырубов) рассказывал, что Толстопятов занимался палеонтологией и что он был кандидатом на кафедру минералогии и диссертацией его была его работа о красящем веществе плитняков, оттиск которой он мне дал. Вырубов связывал это с борьбой старого “казенного” Общества исп<ытателей> прир<оды> и Общ<ества> люб<ителей> естествознания (Богданов), где Вырубов играл яркую (по его словам) роль. Хронологически это как будто не сходится. Толстопятов читал в 1861 г. уже минералогию (Варсанюфьева, *стр.* 16). <...> Я прочел обе диссертации Т<олстопятова> — это исторические очерки, которые показывали хорошее знакомство с литературой, (что) меня удивило — и ничего своего. Кислаковский восхищался его франц<узской> речью, изд<анной> Об<ществом> исп<ытателей> прир<оды> — но она мне показалась внешней и не глубокой. Надо перечитать»⁵³. Таким образом, В.И. Вернадский сформировал свое мнение о М.А. Толстопятове и, возможно, по экстраполяции о Г.Е. Щуровском на основании отношения к ним Г.Н. Вырубова, вовлеченного в философский, научный, профессиональный конфликт с ними обоими, в то время как В.А. Варсанюфьева в своей работе следовала оценкам А.П. Павлова.

В письме к В.И. Варсанюфьевой В.И. Вернадский писал: «Эта борьба двух обществ была большим злом московской научной жизни. Она кончилась в наш период с А<лексеем> П<етровичем>, мы работали в обоих об<ществ>вах»⁵⁴. Но закончилась ли эта борьба на самом деле? Или разногласия, возникшие в середине XIX в., пережившие два поколения московских геологов, продолжали жить и в веке XX?

Для Веры Александровны ее книга об А.П. Павлове стала данью памяти учителя, человека, которого она глубоко уважала, чьи взгляды на развитие науки она впитала. 31 марта 1942 г. она писала супруге Владимира Афанасьевича Обручева Еве Самойловне Бобровской-Обручевой (?–1956): «Многоуважаемая Ева Самойловна! Меня очень порадовало Ваше письмо и то, что Вам так понравилась и заинтересовала Вас книга об Алексее Петровиче Павлове. Я писала

⁵² Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Волков. М., 2006. Кн. 2. С. 268.

⁵³ Он же. Дневники: 1926–1934. С. 143.

⁵⁴ В.И. Вернадский — В.А. Варсанюфьевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 3.

эту книгу с совсем особенным чувством и с большим желанием передать в ней действительный образ Алексея Петровича как человека, педагога и ученого. Он сыграл большую роль в моей жизни, и с ним связаны для меня самые светлые и радостные воспоминания первого юношеского увлечения наукой. В этой книге хотелось передать то светлое и хорошее, что неразрывно связано для меня с образом Алексея Петровича, хотелось написать ее как выражение моей глубокой благодарности за все хорошее, что он мне дал. Выход в свет этой книги является для меня моральной поддержкой в те тяжелые дни, которые я сейчас переживаю»⁵⁵.

Для В.И. Вернадского исторические события, описанные В.А. Варсанофьевой, были частью его жизни. Именно приглашение А.П. Павлова занять кафедру после смерти М.А. Толстопятова привело В.И. Вернадского в Московский университет, что во многом определило его дальнейшую судьбу. Как он сам говорил в речи, посвященной памяти А.П. Павлова, 2 марта 1930 г.: «Сорок лет я был с ним связан на нашем жизненном пути. Молодыми мы встретились с ним в Бате, в Уэльсе, вместе совершали во время Международного геологического конгресса захватившие обоих нас <...> геологические экскурсии... Через него, благодаря этой случайной встрече я вместо Украины, куда думал уехать, попал в Московский университет, и здесь мы бок о бок, в постоянном общении поработали вместе почти 22 года»⁵⁶.

Неудивительно поэтому, что именно В.И. Вернадский выступал 2 марта 1930 г. на заседании АН СССР с речью памяти А.П. Павлова. Неудивительно, что он подготовил и хотел опубликовать развернутую статью об А.П. Павлове в «Бюллетене МОИП». Однако статья эта опубликована не была. В дневниковых записях и письмах В.И. Вернадского 1941 г. сохранились сведения о его попытках добиться публикации, оставшихся безуспешными. Еще 4 марта 1941 г. В.И. Вернадский писал: «Глупость наделал. Мирчинк дал приписку (с моего согласия), что они помещают мою статью о Павлове, но отказался написать, в чем они с ней не согласны. Надо будет обращаться к Н.Г. Садчикову — Главлиту. Мирчинк — по трусости, правда понятной, потому что за ничтожную “вину” можно пострадать — и все близкие (тоже) — жестоко и бессмысленно»⁵⁷. 20 ноября 1941 г. В.И. Вернадский записал в дневнике: «Вчера на Обществе испытателей прир<оды>: цензура в связи с моей статьей о Павлове А.П. — затруднено ее помещение. С моего согласия редакция [Bulletin] (пр<офессор> Мирчинк) сделала замечание, что редакция поместила мою статью о Павлове, хотя не согласна, но с чем [именно] не согласна — не сказано. Цензор К., с которым я говорил, требует, чтобы они сказали с чем [не согласны]. Липшиц в отпуску и был против отмены — и был прав. Цензор — не натуралист-геолог — было со мной говорил, что я не указываю отношение к дарвинизму Павлова — но выяснилось из разговора, что он

⁵⁵ В.А. Варсанофьева — Е.С. Бобровской-Обручевой. 31 марта 1942 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 2. Д. 357. Л. 1-1 об.

⁵⁶ Вернадский В.И. Памяти академика Алексея Петровича Павлова // Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 260.

⁵⁷ Он же. Дневники. 1935–1941. Кн. 2. С. 218.

[А.П. Павлов] ничего не сказал [на эту тему]»⁵⁸. Но несмотря на все усилия, статья так и не вышла. Она была опубликована только в 1997 г.

Книга же В.А. Варсанофьевой вышла в Москве, в издательстве МОИП как раз в ноябре 1941 г., и никаких известных проблем с цензурой у нее не возникало. Неудивительно, что В.И. Вернадский прочитал ее буквально с карандашом в руках, выписывая номера страниц и делая замечания по каждой отдельной странице: человеку, событию, что отразилось в его дневниковой записи от 24 октября 1942 г.⁵⁹ Он выписывал из книги факты, о которых не знал или не помнил; вставлял свои комментарии о людях, событиях, оценках как научных идей, так и политических интриг. Записывал работы, которые он перечитывал или хотел бы перечитать в связи с книгой Варсанофьевой, вставлял кусочки своих воспоминаний, которые иногда совпадали, а иногда и не совпадали с информацией, содержащейся в книге. Как хорошо известно, В.И. Вернадский не стеснялся в выражениях, когда делал записи в своем дневнике. Данный случай не стал исключением. Например, характеристику М.А. Толстопятова, данную В.А. Варсанофьевой, В.И. Вернадский комментирует следующим образом: «Характеристика М.А. Толстопятова (1836–1890) — по некрологам учеников, в том числе А.П. (Павлова), — явно неверная. Как учитель он — был ничто»⁶⁰. Фразу В.А. Варсанофьевой о смерти Г.Е. Щуровского В.И. Вернадский комментирует так: «Это имя тогда мне было совершенно чуждо, и оно было локальным и провинциальным для русской геологии»⁶¹.

Неудивительно, что В.И. Вернадский не смог удержаться и написал личное письмо Вере Александровне, указав на их наиболее фундаментальные расхождения, Вере Александровне, которую он уважал как профессионала⁶², но с которой никогда до этого не состоял в переписке. Удивительно только, что письмо это оказалось таким коротким.

Тем не менее на примере одного коротенького письма мы со всей наглядностью имеем возможность наблюдать, как личные взгляды, пристрастия и убеждения влияют на оценку исторических событий, сделанную даже наиболее выдающимися историками науки.

⁵⁸ Там же. С. 212.

⁵⁹ См.: *Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934*. С. 143–155.

⁶⁰ Там же. С. 155.

⁶¹ Там же. С. 145.

⁶² В письме Борису Леонидовичу Личкову (1888–1966) по поводу хлопот о его (Личкова) диссертации В.И. Вернадский, например, пишет: «...я написал самому крупному из членов этой комиссии (экспертной. — О.В.), проф. В.А. Варсанофьевой, биографию А.П. Павлова, которой, Вы, кажется, читали. Она — крупный геолог» (В.И. Вернадский — Б.Л. Личкову. 24 июня 1943 г. // Архив РАН. Ф. 518 (Вернадский). Оп. 2. Д. 55. Л. 128).

М. Байсвенгер

Н.В. ВЕРНАДСКАЯ-ТОЛЛЬ
И СТАНОВЛЕНИЕ «НАУЧНОГО» ЕВРАЗИЙСТВА
(конец 1920-х гг.)

Исследователи евразийского движения, как правило, обращают внимание на его основателей и главных идеологов: экономиста и географа Петра Николаевича Савицкого, лингвиста и этнографа Николая Сергеевича Трубецкого, музыковеда и литературного критика Петра Петровича Сувчинского и философа и богослова Георгия Васильевича Флоровского. Немалый интерес вызывают также известные ученые, временно сотрудничавшие с евразийским движением, например историк и философ Лев Платонович Карсавин, филолог и лингвист Роман Осипович Якобсон или историк Георгий Владимирович Вернадский¹.

Действительно, после основания евразийского движения в 1921 г. в Софии именно эти люди разработали важнейшие идеи евразийства. Именно они в своих работах предложили рассматривать Россию как Евразию и утверждали, что страна представляет собой особый географический и культурный мир, не принадлежащий ни Европе, ни Азии, а, наоборот, представляющий собой гармоничный синтез Запада и Востока².

Тем не менее круг авторов, печатавших свои статьи в евразийских альманахах и сборниках, был значительно шире. Среди них оказывались порой люди довольно неожиданные, которые, несмотря на свое эпизодическое участие в евразийстве, вносили немаловажный вклад в становление евразийских идей.

Представителем таких «эпизодических евразийцев» является Нина Владимировна Вернадская-Толль (1898–1986). Дочь академика Владимира Ивановича Вернадского и сестра историка Г.В. Вернадского, Нина Толль не упоминается в исследованиях о евразийском движении. По своим профессиональным интересам она, казалось бы, была далека от евразийства. В 1920-х гг. Нина Владимировна получила медицинское образование в Праге и по специальности была врачом-психиатром³. Однако именно она скрывалась за инициалами «В.Т.», которыми

¹ См., например: Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск, 2003; Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004; Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М., 2010.

² Краткое изложение истории и идей евразийского движения см.: Байсвенгер М. Евразийство // Новая российская энциклопедия: в 18 т. М., 2009. Т. 6 (1). С. 108–109.

³ О биографии Н.В. Вернадской см.: Сорокина М.Ю. Прага в судьбе семьи Вернадских // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. 2011. Vol. 80. № 2/3. P. 227.

была подписана статья, вышедшая в 1927 г. в 8-м номере «Евразийской хроники» и исследовавшая население Евразии по «антропологическому признаку»⁴.

Как могла Нина Владимировна Вернадская-Толль оказаться среди авторов статей, публиковавшихся в евразийских журналах? Безусловно, важную роль в этом должен был сыграть тот факт, что ее брат, Георгий Владимирович Вернадский, долгие годы плодотворно сотрудничал с членами евразийского движения, в первую очередь с П.Н. Савицким. Уже в августе 1922 г. П.Н. Савицкий упоминал Г.В. Вернадского как участника евразийского движения⁵. Начиная с 1923 г. его статьи появлялись в евразийских изданиях. Среди евразийских публикаций Вернадского было несколько текстов, знаковых для евразийского движения, как, например, «Два подвига святого Александра Невского» или же «Монгольское иго в русской истории»⁶. Благодаря этим статьям Вернадский выдвинулся на роль главного специалиста по истории Евразии среди членов движения. Уже в первых своих публикациях он особенно подчеркивал положительную роль монгольского фактора в истории России-Евразии. Эти идеи он позже развил в целом ряде монографических исследований, начиная с «Начертания русской истории» (1927) и «Опыта истории Евразии» (1934) и заканчивая «Звеньями русской культуры» (1938). Приверженность евразийским историческим конструкциям, которые Вернадский впервые сформулировал, находясь в эмиграции в Праге, он сохранил и после своего переезда в США в 1927 г., где он получил работу в Йельском университете⁷. Оставаясь долгие годы близко связанным с евразийством, Георгий Вернадский тем не менее никогда не входил в организационную структуру движения. Он весьма критически относился к планам многих евразийцев, в частности П.Н. Савицкого, намеревавшихся сделать движение политической партией, для того чтобы свергнуть советское руководство и превратить Советский Союз в новое государство — Евразию⁸.

Контактам Г.В. Вернадского с евразийцами в немалой степени способствовало его участие с 1921 г. — вначале как члена, а впоследствии в качестве директора — в работе Кондаковского семинария (*Seminarium Kondakovianum*) в Праге. Это был исследовательский институт по изучению русского, византийского и восточного миров и их взаимоотношений начиная с древнейших времен⁹. Уже сама тема се-

⁴ В.Т. [Н.В. Вернадская-Толль]. Понятие Евразии по антропологическому признаку // Евразийская хроника. 1927. № 8. С. 26–31.

⁵ П.Н. Савицкий — У.А. и Н.П. Савицким. 11 августа 1922 // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 326. Л. 113 об.

⁶ Вернадский Г.В. Два подвига святого Александра Невского // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 318–337; Он же. Монгольское иго в русской истории // Там же. 1927. № 5. С. 153–164.

⁷ О биографии Г.В. Вернадского и развитии его идей см.: Halperin Ch.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. Vol. 36. P. 55–194; Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. С. 330–347.

⁸ См., например: Г.В. Вернадский — П.Н. Савицкому. 2 марта 1930 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA. George Vernadsky Papers. Box 7. Folder «1930».

⁹ Об этом институте см.: Басаргина Е.Ю. Археологический институт им. Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*): По материалам архивов Праги // Мир русской византистики: Мат-лы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 766–811.

минария, безусловно, содержала очевидные «евразийские» мотивы. Но также в рядах участников семинара были активные члены евразийского движения, в частности Татьяна Николаевна Родзянко. Связи между Кондаковским семинаром и теми семинарами, которые с 1925 г. регулярно проводили пражские евразийцы, были достаточно тесными. Кондаковцы регулярно выступали в евразийских семинарах с докладами или присутствовали на них в качестве слушателей¹⁰.

Самым активным участником обоих семинаров был, пожалуй, историк и археолог Николай Петрович Толль. В 1928 г. в евразийском издательстве вышла его научная монография «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира», своего рода дополнение к монографиям Вернадского, разрабатывавшая с евразийской точки зрения более ранний период истории Евразии¹¹. Профессиональные занятия историей как Вернадского, так и Толля, а также их интерес к Востоку делали их связи с евразийством вполне объяснимыми и даже ожидаемыми. Увлечение Н.П. Толля, а также его жены (каковой с 1926 г. была Нина Владимировна Вернадская-Толль) кочевниками и Востоком, по-видимому, приобрело даже бытовые формы. По воспоминаниям Н.Е. Андреева, коллеги Толля по Кондаковскому семинару, «у них по восточному обычаю не было мебели <...> так что все сидели на циновках и каких-то неудобных подушках»¹².

Таким образом, участие в евразийстве Нины Вернадской-Толль, как сестры Георгия Вернадского и жены Николая Толля, было вполне объяснимым. Однако, как врач-психиатр, на первый взгляд, Нина Толль едва ли могла внести вклад в идейные концепции евразийцев. Тем не менее ее статья под названием «Понятие Евразии по антропологическому признаку», вышедшая в 1927 г. в 8-м номере «Евразийской хроники», сыграла немаловажную роль в определении Евразии.

Появление этой статьи в евразийском издании стало возможным благодаря тому, что к концу 1920-х гг. евразийство поменяло свой характер. В начале 1920-х евразийские идеи отличал метафизический и философский пафос. Евразия, находящаяся между Востоком и Западом, Европой и Азией, провозглашалась и проповедовалась как предмет веры. Однако к концу 1920-х гг. евразийцы стали пытаться систематически доказать эмпирическое существование Евразии как особого мира, отличавшегося целым рядом характерных признаков и закономерностей. В евразийских изданиях в 1927 г. было опубликовано несколько таких «научных» исследований Евразии, в частности принадлежавших перу одного из главных основателей движения — П.Н. Савицкого. Он писал об особой евразийской географии, на основе которой Евразия конструировалась как особый мир, особый континент¹³. Несколько позже, в 1931 г., Роман Якобсон опубликовал похожий систематический

¹⁰ См., например, информацию о сообщении Е.Н. Клетновой на пражском Евразийском семинаре 6 мая 1926 г. по теме «Скифо-сарматские элементы в восточном славянстве», где присутствовали «кондаковцы» Н.М. Беляев и Н.П. Толль: Евразийская хроника. 1926. № 5. С. 83–84.

¹¹ Толль Н.П. Скифы и гунны: Из истории кочевого мира. Прага, 1928.

¹² Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982): [в 2 т.] / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 296.

¹³ Савицкий П.Н. Географические особенности России. Ч. I: Растительность и почвы. Прага, 1927; Он же. Россия: Особый географический мир. Прага, 1927.

анализ евразийского пространства, основываясь на лингвистических, в частности фонологических, признаках¹⁴.

В связи с этими попытками евразийцев конца 1920-х гг. «научно» сконструировать Евразию специальность Нины Толль пришлась как нельзя кстати. Ей было поручено, вероятнее всего Савицким, выявить особенности Евразии на основе антропологических принципов. Именно этой цели посвящена была ее упомянутая выше статья. В своей работе Нина Толль сравнивала распространение групп крови, т. е. групп 1, 2, 3, 4 — в разных странах. В основу исследования Толль положила коэффициент, предложенный польским биологом Л. Гиршфельдом (Hirszfeld; 1884–1954). Коэффициент вычислялся в результате деления процента жителей данной страны с группами крови 2 и 4 на количество людей с группами 3 и 4. Сравнивая коэффициенты, полученные для различных наций, Вернадская-Толль пришла к следующему выводу: «Русские по своему коэффициенту находятся гораздо ближе к азиатским и африканским народам», чем к европейцам¹⁵. Она суммировала: «По признакам строения и свойствам человеческой крови Европа резко отличается от Азии и представляет собой маленький замкнутый мир. Россия находится между группой европейской и азиатской — почти примыкает к азиатской группе, имея очень мало общего с Европой»¹⁶.

Эта статья Нины Толль, безусловно, является наиболее проблематичной из всех попыток научно обосновать евразийство и близко подходит к расистским идеологиям. Возможно, сами евразийцы осознали это. Поэтому планировавшаяся вторая статья, о еврейской крови, которая была также написана Толль, так и не появилась в печати¹⁷. Дальнейших подобных попыток «биологизировать» Евразию не предпринималось, тем более что в 1930-х гг., в контексте распространения нацистских расовых концепций, такие намерения выглядели бы еще более одиозно. Другая работа Н.В. Толль, а именно «заметка о критике западной науки», также не появилась в печати, несмотря на то что, по сведениям П.Н. Савицкого, в начале сентября 1927 г. она уже находилась в наборе¹⁸.

Впрочем, участие Нины Толль, как и ее мужа, в евразийском движении не ограничилось всего лишь публикациями. Так, летом 1927 г. по поручению Савицкого во время своего пребывания в Берлине супруги раздавали в киоски евразийскую литературу для продажи. Как предполагал Савицкий, таким образом евразийские публикации должны были попадать в руки советских граждан, проезжавших через Берлин по пути в другие европейские страны. Савицкий писал Толлю: «Теперь вот такая просьба к Н<ине> В<ладимиров>не и Вам. Вы знаете, в связи с какими соображениями является желательным, чтобы в наиболее бойких киосках Берлина (где имеются издания на всех языках) были выставлены на видном месте наши издания»¹⁹.

¹⁴ Савицкий П.Н., Якобсон Р.О. Евразия в свете языкознания. [Прага,] 1931; Якобсон Р.О. К характеристике евразийского языкового союза. [Париж,] 1931.

¹⁵ В.Т. [Н.В. Вернадская-Толль]. Понятие Евразии по антропологическому признаку. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ См.: П.Н. Савицкий — Н.П. Толлю. 18 августа 1927 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 412. Л. 32.

¹⁸ См.: П.Н. Савицкий — Н.П. Толлю. 5 сентября 1927 // Там же. Л. 53 об.

¹⁹ П.Н. Савицкий — Н.П. Толлю. 18 августа 1927 // Там же. Л. 33.

Какие именно соображения Савицкий имел в виду? Дело было в том, что до апреля 1927 г. евразийцы распространяли свои издания в Советском Союзе с помощью «Треста» — подставной организации, инициированной ОГПУ. После разоблачения «Треста» в апреле 1927 г. данный путь проникновения литературы в СССР был закрыт²⁰. Поэтому для Савицкого временное пребывание супругов Толль в Берлине пришлось очень кстати, и он активно использовал его в целях пропаганды евразийства.

Совместное пребывание Толлей в Берлине в связи с евразийской «миссией» наводит на мысль, что евразийский эпизод в жизни Нины Вернадской-Толль был, в первую очередь, обусловлен семейными обстоятельствами, а именно влиянием как со стороны ее мужа Н.П. Толля, так и со стороны ее брата Г.В. Вернадского. Однако отнюдь не все члены ее семьи сочувствовали евразийству. Хорошо известно, что отец Нины Толль — В.И. Вернадский — в середине 1920-х гг. однозначно высказался против евразийства, считая, что «евразийцы <...> хорошие и, может быть, интересные люди — но они плохие мыслители — с неясной головой, с религиозно-философскими априориями, но самое главное — скучные и неживые, по статьям своим».²¹ Безусловно, семью Вернадских характеризовала удивительная «мировоззренческая и профессиональная полярность ее членов» без ущерба для внутрисемейных взаимоотношений²², и участие Н.В. Толль в евразийских изданиях лишний раз иллюстрирует эту особенность.

В то же самое время, нам кажется, что, помимо семейных связей, евразийство Нины Толль могло также быть результатом ее собственных идейных поисков. Насколько можно судить по ее переписке с отцом, их личные беседы в Праге в 1924 г. касались «оценки того сложного положения, в котором сейчас находится ищущий правды человек в русском движении»²³. И вполне вероятно, что она нашла эту свою правду, хотя бы на некоторое время, как раз в евразийском движении.

Таким образом, роль «эпизодических» сотрудников евразийского движения вполне заслуживает внимания исследователей. В частности, Нина Вернадская-Толль сыграла, хотя и непродолжительную, но вместе с тем вполне существенную роль в становлении «научного» евразийства. Тот факт, что до сих пор ее участие в евразийстве оставалось практически неизвестным, объясняется тем, что ее псевдоним «В.Т.», которым она подписала свою статью, не был расшифрован. Участие Нины Толль в евразийстве приобретает, на наш взгляд, еще большее значение из-за того, что она была первой женщиной, публиковавшейся в евразийских изданиях. Это обстоятельство также открывает новые возможности для изучения евразийства, в частности с гендерной перспективы, которая пока еще не была исследована.

²⁰ О «Тресте» см.: Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

²¹ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 1 августа 1924. Цит. по: «За СССР выявляется лик пострадавшей России»: Письма В.И. Вернадского детям / Публ. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 75.

²² Сорокина М.Ю. Прага в судьбе семьи Вернадских. С. 227–228.

²³ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 3 июня 1924. Цит. по: «За СССР выявляется лик пострадавшей России». С. 70.

ИДЕИ В.И. и Г.В. ВЕРНАДСКИХ
В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЯ, ПУБЛИЦИСТА,
ДЕЯТЕЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ К.А. ЧХЕИДЗЕ¹

В истории отечественных пореволюционных течений евразийству принадлежит особое место. И по оригинальной системе идей, развернутых в разные сферы социального бытия (в экономику, культуру, политику, образование), и по авторитетности участников, среди которых были выдающиеся представители русской гуманитарной науки, и по численности лиц, либо прямо входивших в движение, либо испытывавших его идейное и творческое влияние. Семья Вернадских с евразийством была связана самым непосредственным образом. Сын академика Георгий Вернадский и зять Николай Петрович Толль активно разрабатывали историко-культурную сторону евразийской доктрины. Что касается В.И. Вернадского, то, хотя сам он евразийских идей не разделял, его работы оказались важны и авторитетны для некоторых членов движения, таких как В.Н. Ильин и К.А. Чхеидзе.

Владимир Ильин, философ, богослов, один из блестящих преподавателей знаменитого Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже в представлении не нуждается. Что касается писателя, публициста, литературного критика Константина Александровича Чхеидзе (1897–1974), то пока для широких гуманитарных кругов это фигура малоизвестная, и интересуются им в основном историки русского зарубежья и исследователи наследия Н.Ф. Федорова², идеи которого К.А. Чхеидзе транслировал на эмигрантскую среду.

Между тем обращение к личности К.А. Чхеидзе, изучение его литературно-публицистического и эпистолярного наследия, его роли в евразийском движении, контактов с представителями пореволюционных течений позволяют увидеть некоторые характерные оттенки духовных и философских исканий русской эмиграции первой волны в той их части, которая связана с философией истории и

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Философ, писатель, публицист, деятель русского зарубежья Константин Александрович Чхеидзе (1897–1974). Художественное, публицистическое, мемуарное, эпистолярное наследие» (№ 13-04-00423).

² См.: Гачева А.Г. Неизвестные страницы евразийства: К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147–167; Макаров В.Г. Евразийство; К.А. Чхеидзе // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 142–149, 613–616; Hagemister M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. S. 430–435; Из истории Fedoroviana Pragensia // Н.Ф. Федоров: Pro et contra: в 2 кн. СПб., 2008. Кн. 2. С. 836–848; Гачева А.Г. Fedoroviana Pragensia: Вехи создания, фондообразователи, историко-культурное значение // Slavia: časopis po slovansku filologii. Roč. 80. 2011. № 2–3. S. 233–248.

философией человека, с попыткой построения целостного, религиозно ориентированного проекта социального действия.

Особенность Чхеидзе-мыслителя — тяготение к глобальным, масштабным идеям, стремление к синтезу, взывание совершенства. Такое устройство мысли заставляло искать в поле идейных и философских систем человечества тот идеал, который отвечал бы внутреннему порыву к правде, к совершенному устройению жизни. Этот идеал Чхеидзе обрел в лоне философии русского космизма, соединив в себе интерес к религиозной (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий) и естественно-научной (В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский) его ветвям. Более того, идеи, высказанные в целом ряде философско-публицистических статей Чхеидзе, обсуждавшиеся в переписке с философом-космистом Н.А. Сетницким, рождавшиеся из осмысления наследия Н.Ф. Федорова, из чтения работ как самого Сетницкого, так и его друга и единомышленника А.К. Горского, позволяют полнее представить философский и общественный контекст становления идеи ноосферы.

Когда познакомился К.А. Чхеидзе с идеями В.И. Вернадского и мог ли лично встречаться с ученым или слышать его? Вопрос этот нуждается в детальной разработке, в том числе и архивной. К.А. Чхеидзе читал работу Вернадского «Биосфера», и скорее всего, в русском переводе, так как книга эта имелась у Г.В. Вернадского, с которым Константин Александрович поддерживал прямые контакты. Мог он познакомиться и с французским изданием этой работы, ибо неплохо владел французским языком. Именно на французское издание «Биосферы» активно опирался В.Н. Ильин в книге «Шесть дней творения» (Paris, 1930), в которой стремился выстроить мост между Шестодневом и эволюцией, убеждая своих современников: «Библия и наука не могут враждовать, они говорят об одном и том же, но часто на разных, несоизмеримых <...> языках»³. Книгу В.Н. Ильина и заявленные в ней идеи К.А. Чхеидзе хорошо знал и высоко ценил, сам выступал за примирение и благое сотрудничество веры и знания. Мог он бывать и на лекциях, которые В.И. Вернадский периодически читал в Праге. Не исключено знакомство писателя с книгой В.И. Вернадского «Биогеохимические очерки. 1922–1932» (М.; Л., 1940). О Вернадском Чхеидзе мог читать в советской, эмигрантской и чешской печати. В 1931 г., работая над статьей «Наука в СССР» для карманной энциклопедии «Russia USSR. A Complete Handbook» (N. Y., 1933), он изучал труды по истории науки, выходившие в советской России.

Но обо всем по порядку. В июне — начале июля 1922 г., когда В.И. Вернадский впервые приехал в Прагу, бывший белый офицер князь Константин Чхеидзе работает чернорабочим в Болгарии и делает дневниковые заметки, которые затем под заглавием «Снимки и думы» будут напечатаны в 1926 г. в пражском журнале «Годы». Пройдя через братоубийственный опыт Гражданской войны, разгром Русской армии генерала Врангеля, бегство из Крыма, горькие мытарства изгнанников в Константинополе и на о. Лемнос, он задается вопросом: куда движется история и что значит в ней человек; размышляет о трагическом и гротескном

³ Ильин В.Н. Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира. Р., 1930. С. 9. Ссылки на В.И. Вернадского см. в главах «Третий день» творения и геологические периоды» и «Происхождение жизни. Биосфера».

столкновении самонадеянных «бумажных» мечтаний, шапкозакидательских настроений деятелей Февральской революции, гордо заявлявших, что за четыре-пять месяцев Россия совершила путь, «который другие народы совершали в столетия», став «самой свободной страной», и жесткой реальности большевистского переворота, в пожаре которого гордые либеральные прожекты сгорели дотла⁴.

В Прагу молодой офицер попадает в сентябре 1923 г., нелегально перейдя границу Чехословакии. Он одержим жадной жаждой знания и творческого делания, чувствует себя представителем той новой России, которая «волит жить» и «волит трудиться»⁵. В воспоминаниях «События, встречи, мысли», над которыми Чхеидзе работал уже на излете жизни, в 1967–1971 гг., он описывал удивление и восторг, которые испытал в тот момент, когда зашел в Комитет помощи русским студентам и наткнулся на объявления о работе знаменитой Славянской библиотеки и библиотеки Земгора, где можно было получить книги («Книги!» — он так изголодался по ним за годы мытарств!), и о приеме на Русский юридический факультет: «Список профессоров. Читаю. Петр Бернгардович Струве — знаменитость! Профессор философии Н.О. Лосский (впоследствии признанный во всем мире глава школы персонализма). Ив. Ив. Лапшин. Вспоминаю его перевод книги У. Джемса “Многообразие религиозного опыта”. Новгородцев, Кизеветтер, Шахматов, Вернадский — сын академика Владимира Ивановича. Какие имена!..»⁶

На первый взгляд, имя Вернадского упомянуто здесь сугубо в нейтральном ключе (указан лишь академический статус ученого), однако если вслушаться, имя и отчество без фамилии звучат не официально, но камерно, интимно-домашне. Спустя 2–3 страницы появится уже прямая оценка: «гениальный биохимик, мыслитель, советский академик», а в конце главы о русской Праге мемуарист еще раз упомянет Вернадского с характеристикой «великий ученый»⁷.

Эти отзывы — итог многолетнего внимания К.А. Чхеидзе к идеям автора «Биосферы». Внимания, которое возникло в 1920–1930-х гг. на фоне интереса к идеям Н.Ф. Федорова и получило новый импульс по возвращении писателя из советских лагерей, где он провел целое десятилетие (1945–1955). В письмах О.Н. Сетницкой, дочери философа Н.А. Сетницкого, с которым Константин Александрович переписывался и был духовно близок в 1929–1935 гг., подчеркнута давность знакомства с идеями ученого: «В.И. Вернадского уже давно знаю и высоко ценю»⁸.

Восхищение В.И. Вернадским шло рука об руку с восхищением его сыном, историком-евразийцем Г.В. Вернадским, автором книги «Начертания русской истории» (Прага, 1927), в которой была обоснована идея Евразии как «особого

⁴ Чхеидзе К.А. Снимки и думы // Чхеидзе К.А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М., 2011. С. 139.

⁵ Он же. Как живут и работают... // Там же. С. 155.

⁶ Он же. События, встречи, мысли. Гл. VIII. Прага — Париж — Прага // Воспоминания. Дневники. Беседы: (Русская эмиграция в Чехословакии) / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Кн. 1. Прага, 2011. С. 29.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 15 мая 1970 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Собрание Ю.Р. Берковского.

географического и исторического мира», расположенного «срединою», между Европой и Азией, и имеющего свою незаемную творческую судьбу⁹. К.А. Чхеидзе считал Г.В. Вернадского «основоположником новой — евразийской — историографии России»: «Он первый из русских историков проследил и увязал историческое развитие России в рамках евразийского континента, проводя при этом параллели с окружающим миром (Иран, Индия, Китай и пр.)»¹⁰

Именно контакты с Г.В. Вернадским положили начало знакомству К.А. Чхеидзе с семейством Вернадских. Георгий Владимирович, как и ряд других членов евразийского движения (П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев), преподавал на Юридическом факультете в Праге. К.А. Чхеидзе стал одним из его деятельных учеников. Он прослушал у Г.В. Вернадского курс лекций по истории русского права, принимал деятельное участие в семинаре под тем же названием, подготовив доклады: «Сперанский и его место в развитии Русского права (2 части)», «Сперанский и его воззрения на право», «Степенная книга и ее историко-политическая философия»¹¹. В докладной записке на имя декана Русского юридического факультета, поданной в связи с отъездом в США по приглашению Йельского университета, Г.В. Вернадский назвал Чхеидзе в числе студентов, которые «в течение нескольких лет подряд серьезно занимались в семинаре по истории русского права», и просил главу факультета «взять под свое попечение означенных лиц при окончании ими курса Факультета и прохождении государственных экзаменов»¹². А когда в 1928 г. Чхеидзе защитил дипломную работу «Опыт анализа социальных норм», пригласил молодого ученого «специализир<оваться> в области юридич<еских> наук»¹³.

Предложения о продолжении научных занятий поступили и от двух других профессоров факультета: А.Н. Фатеева и Н.Н. Алексеева¹⁴, однако ученой карьере Чхеидзе сложиться было не суждено. Уже в первые месяцы пребывания в Праге бывший корнет увлекся идеями евразийства, а в 1924 г. вступил в Пражскую евразийскую группу. Особенно он сблизился с главой группы П.Н. Савицким, став его другом и верным помощником. И в сентябре 1928 г. по договоренности П.Н. Савицкого и П.П. Сувчинского¹⁵, которые еще согласно решали евразийские дела, не предполагая, как непримиримо и резко вскоре столкнутся на идеологической почве, переехал в Париж в качестве члена редколлегии газеты «Евразия».

«Евразия» была задумана предводителями движения как орган, призванный «идеологически организовывать свою среду и вырабатывать единый круг хлебника»¹⁶, «орган гибкий и подвижный, могущий отзываться на все события

⁹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2004. С. 24, 28.

¹⁰ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли. С. 31.

¹¹ См.: Личное дело К.А. Чхеидзе // ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1037. Л. 59.

¹² Прошение Г.В. Вернадского от 4 августа 1927 // Там же. Л. 50.

¹³ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли. С. 62.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: П.П. Сувчинский — П.Н. Савицкому и Н.С. Трубецкому. Апрель 1928 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 422. Л. 152–152 об., 160 об.

¹⁶ «Хлебник» — на эзоповом языке евразийцев — «евразиец».

и факты русской и европейской жизни»¹⁷. Для того чтобы осуществить этот замысел, инициаторам издания нужно было согласовать свои позиции, самим быть едиными идейно, духовно и организационно. Увы, этого единства в редколлегии нового печатного органа не было. Напротив, еще до выхода в свет первого номера между ее членами начались разногласия. В столкновении парижан (П.П. Сувчинского, П.С. Арапова, С.Я. Эфрона), склонявшихся влево и настаивавших на повороте лицом к СССР, и пражан, державшихся правой линии (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев), К.А. Чхеидзе твердо держал сторону последних. Стремясь укрепить позиции Пражской группы, повысить ее влияние на страницах нового органа, он пригласил к сотрудничеству Г.В. Вернадского, который, хотя и преподавал уже в США, не прерывал связей с пражскими евразийцами.

Г.В. Вернадский сотрудничество обещал. Однако события начали разворачиваться совсем не так, как хотелось бы правым евразийцам. Идейное лидерство в газете захватили П.П. Сувчинский и Д.П. Святополк-Мирский. От номера к номеру разногласия между правым и левым крылом евразийства становились все явственнее и в конце концов выплеснулись на страницы печати. В № 7 было напечатано открытое письмо Н.С. Трубецкого, заявлявшего о своем выходе из евразийской организации, вскоре состоялось публичное выступление правых евразийцев, во время которого было заявлено об «отпадении» парижской группы, была издана брошюра «О газете “Евразия” (Газета “Евразия” не есть евразийский орган)» (Париж, 1929) за подписью П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева, В.Н. Ильина, в которой раскол был зафиксирован окончательно.

Г.В. Вернадский, которому К.А. Чхеидзе послал первые шесть номеров газеты «Евразия», отреагировал взволнованным письмом. Он критиковал мировоззренческую установку газеты, «общий тон», «подлаживающийся к советским властям», заключал, что «Евразия» нанесла страшный удар идейному «евразийству» и определенно заявлял, что сотрудничать с ней он не будет¹⁸.

Гнев против «Евразии» Г.В. Вернадский не переносил на Чхеидзе. Он только констатировал — и справедливо — что «направить работу в редакции» его корреспондент не имеет возможности. Более того, отказывая в сотрудничестве, Г.В. Вернадский делал специальную оговорку: «Позвольте сказать, что мое дружественное отношение лично к Вам, конечно, не изменилось, и я верю, что и Ваше ко мне также не изменится»¹⁹. И в этой уверенности был, безусловно, прав. «Нечего и говорить, что на Ваше дышащее справедливым негодованием письмо я несколько не обиделся. Напротив, Вы выразили мне личное доверие. И этого я никогда не забуду и дай мне Бог оправдать Ваше доброе мнение»²⁰, — писал корреспондент Вернадского в ответном письме. Более того, К.А. Чхеидзе, который уже с пятого номера «Евразии» снял свое имя из списка членов редакционной коллегии, а в январе 1929 г., оставив Кламар, вернулся в Прагу, мог только со-

¹⁷ П.П. Сувчинский — П.Н. Савицкому и Н.С. Трубецкому. Апрель 1928 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 422. Л. 152.

¹⁸ Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 12 января 1929 // ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–3.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ К.А. Чхеидзе — Г.В. Вернадскому. 9 февраля 1929 // Там же. Л. 4.

лидаризироваться с мнением своего наставника: «Конечно же, газета “Евразия” не только НЕ евразийская, но антиевразийская и даже провокационная в отношении к Евразийству»²¹.

«Энергичный пропагандист, организатор»²², К.А. Чхеидзе и позднее стремился привлекать Г.В. Вернадского к участию в евразийских изданиях, посылал ему книги, поддерживал эпистолярный контакт. Одушевленный в начале 1930-х гг. идеей синтеза евразийства и «философии общего дела» Н.Ф. Федорова, но без введения в этот синтез третьего члена — марксизма, как то делали на страницах «Евразии» левые евразийцы П.П. Сувчинский и Д.П. Святополк-Мирский, он отправил Г.В. Вернадскому первые три выпуска переиздания I тома «Философии общего дела», которое было предпринято в Харбине в 1928–1930 гг. философом Н.А. Сетницким, а затем, по просьбе Георгия Владимировича, послал еще по одному экземпляру этих выпусков²³.

Взаимное внимание учителя и ученика питалось уважением к идеям друг друга. На правах наставника Г.В. Вернадский время от времени давал разъяснения и советы своему студенту и соратнику по евразийскому движению. Высоко ценя его доклад о Степенной книге, советовал напечатать текст «в Евраз<ийской> хронике или Временнике», сообщая, что пишет об этом и П.Н. Савицкому²⁴, а когда К.А. Чхеидзе в одной из статей, напечатанной в 1928 г. в евразийском журнальчике «Внутренняя связь», «выразил надежду», что чаемое <...> Государство Правды “осуществится с благословения Патриарха Московского и всея России”, предостерег его от провоцирующих и неосторожных высказываний: «Это надо иметь в сердце, но об этом нельзя писать, чтобы нечаянно не дать лишних поводов к необоснованному обвинению нашей Церкви в России в политической интриге и лишнего козыря к обвинению Сов<етским> Правительством наших иерархов в сношениях с политическими партиями. Вы мне возразите, что это сказано в издании, не предназначенном к публичному распространению, но как Вы можете ручаться, что хотя бы один экземпляр не попадет в ГПУ, а если они захотят инсценировать какой-нибудь новый процесс духовенства, то ничем не побрезгуют. А сейчас видимо опять у коммунистов вспышка их бешенства и полоса процессов. Тут надо быть щепетильно осторожным, чтобы какой-нибудь неловкостью не причинить зла»²⁵.

В истории эпистолярных контактов К.А. Чхеидзе и Г.В. Вернадского особое место занимает письмо последнего от 2 ноября 1927 г. Поблагодарив Чхеидзе за отзыв о книге «Начертания русской истории», Г.В. Вернадский подробно отвечает на его вопрос о перспективах сотрудничества России и США (во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. идея такого сотрудничества весьма занимала евразий-

²¹ К.А. Чхеидзе — Г.В. Вернадскому. 9 февраля 1929 // ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

²² Так в письме П.Н. Савицкому от 16 февраля 1929 г. характеризует Чхеидзе представитель Белградской евразийской группы Э. Хара-Даван, выражая сожаление, что в этой группе нет подобного ему деятеля (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 520. Л. 187).

²³ См.: Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 13 августа 1932 // ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 19. Л. 13 об.

²⁴ См.: Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 2 ноября 1927 // Там же. Л. 1 об.

²⁵ Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 1 июля 1928 // Там же. Л. 6–6 об.

цев): «Мне кажется, что люди проникательные здесь провидят эту близость и к ней стремятся, но таких людей здесь пока мало. Вообще же, у среднего обывателя здесь полное равнодушие и отсутствие интереса к России, за исключением евреев, которые здесь очень многочисленны и влиятельны и которые в массе, конечно, сочувствуют большевикам. И все-таки, тем не менее, я думаю, что отношения России и Америки должны иметь огромное значение в будущем, и отношения эти могут (и мне кажется, неизбежно *должны*) быть их сближением. Повторяю, люди проникательные здесь начинают это видеть. Поэтому я очень сочувствую и кружку изучения Америки, о котором Вы пишете, и, в частности, тому что Вы начали изучать англ<ийский> язык. Не надо только упускать из виду двух вещей. 1) В ближайшем будущем, мне кажется, нельзя надеяться на *быстрый* подъем интереса Америки к России, 2) Каждый год коммунистической разрухи уменьшает удельный вес России в мировой жизни и ее практическую важность для Америки. Экономическая производительность России теперь приближается только к довоенному уровню. Экономическая<ая> производительность Америки с 1914 г. возросла в 6 раз. Вот о чем надо думать»²⁶.

В том же письме содержатся следы интереса евразийцев к другой державе, в отличие от США, враждебной интересам России-Евразии. Вопрос о Японии и стратегических задачах России на Дальнем Востоке неоднократно поднимался идеологами движения. Не обошел этот интерес и Г.В. Вернадского: «Я здесь знакомлюсь понемногу с сочинениями японцев (на англ. языке, конечно) и японофилов о России — и мне теперь особенно ясно вырисовывается все значение принципа Евразии в мировом масштабе. Они все пишут о русском империализме в Азии — мы можем ответить — *мы не захватчики в Азии, а у себя дома в Евразии*. Вот принцип, на котором надо строить наши международные отношения в будущем!»²⁷

Подобные геополитические комментарии для К.А. Чхеидзе имели особую ценность. С самых первых шагов в евразийском движении он стремился к обобщающему взгляду на судьбу России как многонационального, полифонического этнокультурного мира, размышлял об основаниях единства, связующего в составе единого державного целого большие и малые народности, о месте этого целого на мировой геополитической карте. Общение с Г.В. Вернадским, чтение его работ стимулировало умственную и духовную работу Чхеидзе-мыслителя, отозвалось в его писательском творчестве.

В книге «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский активно использует и по-своему обосновывает введенное П.Н. Савицким понятие «месторазвитие», одно из ключевых в евразийской теории: «Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде»²⁸. Для Чхеидзе эта источная связь истории и культуры того или иного

²⁶ Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 2 ноября 1927 // Там же. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 26.

этноса с окружающей природой, влияние климата и ландшафта на облик, быт, творчество народов земли были не только теоретическим положением, но частью личного опыта. Выросший на Кавказе, «в степях Моздокских»²⁹, с детства помнивший бурный Терек, цветущие долины, снежные шапки Эльбруса, сохранивший в памяти образ жизни и быта обитателей Кабарды и Балкарии, он, как никто другой, ощущал правду выводов своих евразийских учителей. И в книге «Страна Прометея», написанной в 1930 г., напечатанной два года спустя в Шанхае, а в 1933 г. вышедшей на чешском языке в Праге, представил Кавказ как особый духовный и этнокультурный мир, органически вписанный в природную среду, как месторазвитие населяющих его народов. При этом, рисуя уклад жизни горцев, материальную культуру, традиции, он не скатывался к узкому этнографизму, видя свою задачу в другом — воспроизвести целостный образ мира и человека, как слагается он в этой точке планеты, показать его источную связь с кавказским месторазвитием.

Г.В. Вернадский, обосновывая понятие «месторазвитие», указывал на двуправленность взаимодействия географических и социально-исторических факторов. С одной стороны, природная среда формирует народ, с другой — становится объектом его хозяйственно-культурного творчества. «Сама природа Евразии в наше время есть природа, в значительной мере переработанная русским народом в своих хозяйственных нуждах»³⁰. Можно расслышать здесь отголосок многолетних размышлений В.И. Вернадского о роли разума в биосфере, о творческой деятельности человека, меняющей лик земли, которые позднее оформятся в концепцию перехода биосферы в ноосферу.

Неуловимое веяние идей отца присутствует на начальных страницах книги сына — там, где изложены принципы, по которым строится в ней «начертание» русской истории. Г.В. Вернадский трансформирует введенный В.И. Вернадским принцип *давления жизни*, характеризующий степень захвата ею земной поверхности, и говорит о *давлении* народа «на окружающую этническую и географическую среду»³¹. Он пишет о «жизненной энергии, заложенной в каждой народности» и стремящейся «к своему наибольшему проявлению», что заставляет вспомнить и *élan vital* (жизненный порыв) А. Бергсона, и рассуждения В.И. Вернадского в работе «Биосфера» (М., 1926) о внутренней энергии жизни, влекущей ее к распространению, «растеканию» по планете. Как живое вещество, движимое энергией Солнца, занимает новые области пространства, так и народ, движимый жизненным порывом, стремится освоить свое месторазвитие, окультуривая и претворяя его. Когда писалось и выходило в свет «Начертание русской истории», слово «ноосфера» еще не прозвучало в печати, хотя Э. Леруа в 1927–1928 гг. и использовал его в своих лекциях³². Сам В.И. Вернадский написал сыну о своей работе

²⁹ Чхеидзе К.А. Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 40.

³⁰ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 27.

³¹ Там же. С. 23.

³² *Le Roi E. Les origines humaines et l'évolution de l'intelligence*. P., 1928. См. подробнее: Семенова С.Г. Паломник в будущее: Пьер Тейяр де Шарден. СПб., 2009. С. 94–95.

над концепцией ноосферы в сентябре 1936 г.³³, но, по сути, еще с первых своих размышлений о живом веществе ученый искал место в биосфере ее разумной, человеческой части. Примечательно признание, сделанное в другом письме: «Я принимаю введенное Ле Руа понятие — ноосферы — т. е. сферы ума — результатом исторического процесса (огромного геологического значения: мы живем в психозойской эре (Шухард), выразившейся в ноосфере. Ле Руа (1927) развил логически мое представление о биосфере — но думаю, что я напечатал раньше, о чем Тейяр и он уже думали»³⁴. Так что нет ничего удивительного, что в книге сына возникают очертания идеи, над которой его отец думал «десятилетиями»³⁵. Народ, осваивающий месторазвитие, является творцом и строителем ноосферы, точнее той ее части, которая формируется в данной точке географического пространства.

Влияние географической среды на среду социально-историческую лежит в области природного, а значит, детерминированного, не зависящего от личных усилий и выбора человека. Обратное влияние человека на окружающую его природу необходимо включает в себя измерения активности и свободы. Именно этот акцент идеи месторазвития особенно привлекает К.А. Чхеидзе. В статье «Из области русской геополитики», напечатанной в программном сборнике посткламарского евразийства «Тридцатые годы» (Париж, 1931), говоря о слагаемых государственной формы организации людского сообщества, рядом с фактором месторазвития он ставит другой, не менее важный фактор — «творческие способности населения», готовность к «сорботе», к «сотрудничеству»³⁶.

Одной из ключевых проблем евразийства была проблема соотношения общечеловеческого и национального. При этом в начальном евразийстве, евразийстве эпохи сборника «Исход к Востоку» (София, 1921), идея особенности наций и культур, укорененных каждая в свое месторазвитие, превалировала над идеей вселенскости человечества. Последняя отождествлялась с обезличивающим космополитизмом, с европеизмом, что навязывает миру одну-единственную понятную ему мировоззренческую и социально-государственную модель. Именно такой взгляд исповедовал идеолог движения Н.С. Трубецкой. Духовный наследник Н.Я. Данилевского, он представлял себе пространство земли как арену жизни и действия

³³ «Я ввожу <...> новое понятие ноосферы (сферы ума), которое ввел, исходя из моих представлений в Париже Ле Руа (философ, заместитель Бергсона (в College de France)). Ноосфера — охват биосферы умом человека — «борьба с природой» (дикое выражение и резко противоречащее нашему научному пониманию реальности) — создалась в плеоциеновое время около 1 000 000 лет назад — но ярко проявилась только в последние десятки тысяч лет — от нее переход к историческому процессу» (В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 13–14 сентября 1936; цит. по: Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского / публ. М.Ю. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 333).

³⁴ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 6 октября 1936. Цит. по примеч. М.Ю. Сорокиной: Там же. С. 334.

³⁵ «Мне хотелось бы, особенно, чтобы ты прочел в «Проблемах биогеохимии» мой очерк VI «О ноосфере», но я его еще не начал писать — но много, десятилетиями об этом думаю» (В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 18 февраля 1941; цит. по: «Я смотрю на происходящее оптимистически»: В.И. Вернадский — детям: Письма 1941 г. / публ. Д. Холлоуэя, В.Я. Френкеля, И.И. Мочалова, Г.А. Фирсовой // Природа. 1993. № 9. С. 95).

³⁶ Чхеидзе К.А. Из области русской геополитики // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 340.

замкнутых, автономных культур, залог самобытности которых — в максимальном сосредоточении на себе и в минимальном пересечении и взаимодействии с другими культурами. В книге «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский следовал точке зрения Н.С. Трубецкого. Его заботила прежде всего судьба русско-евразийского мира, а вопрос о судьбе мира в целом он оставлял в стороне. Историк подчеркивал многонациональность России-Евразии, необходимость для ее державного целого «держаться внутренним чувством единства отдельных народностей»³⁷. Но «основным этническим элементом Евразии» и подлинным гегемоном на евразийском пространстве считал именно русский народ³⁸. Русский народ — «творец русской истории», и именно ему «в стихийном историческом процессе суждено усвоить» и претворить свое месторазвитие³⁹, собрать и соединить в лоне евразийской державы другие народности.

С доминантной ролью русского народа в России-Евразии К.А. Чхеидзе не спорил. Глубоко знавший и любивший русскую культуру, он сознавал ее важность не только для русского мира. В отличие от сепаратистски настроенных представителей эмигрантского Союза горцев Кавказа, выступавших за отделение от России северокавказских областей, а вслед за ними и других национальностей бывшей Российской империи и теперешнего СССР⁴⁰, он подчеркивал, что будущее кавказских народов, как и других народностей евразийского мира, в тесном союзе с Россией. Другое дело, что не пассивно, не на правах «материала» входят они в державное целое. Чхеидзе была близка выдвинутая философом Л.П. Карсавиным идея симфонической личности, и подлинное наднациональное целое виделось ему не стандартизированной массой, где стерты черты различия между национальными физиономиями, а симфонией наций и культур, в которой нераздельно и неслиянно соединяются голоса больших и малых народностей и каждая несет в общую духовную копилку свой индивидуальный творческий опыт⁴¹.

Большинство евразийцев, в том числе и Г.В. Вернадский, были готовы ограничить симфоническое единство народов только пространством Евразии, замыкая его на самом себе и обособляя от тех наций и культур, которые оказались за границами евразийского мира. К.А. Чхеидзе в конечном итоге не принял такую позицию, хотя в первые проведенные в движении годы и отдал дань евразийскому отталкиванию от европеизма, построив книгу «Страна Прометея» на контрасте цивилизации Запада, эгоистической, атомарной, не желающей знать о любви, загнавшей человека в каменные лабиринты городов, в душные клетки квартир, где ему остается только умереть незнанию и одиноко, и Кавказа, возделанной ойкумены, где человек живет в гармонии с миром и Богом, с собой и другими людьми. Сойти с точки зрения Н.Я. Данилевского, которого боготворили идеологи «Исхода к Востоку», помогла Чхеидзе духовная встреча с идеями Н.Ф. Федорова, мыс-

³⁷ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 296.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Там же. С. 22, 24.

⁴⁰ См.: Одиннадцатое мая // Горцы Кавказа. 1929. № 5–6. С. 2.

⁴¹ См.: Конст. Ал. [К.А. Чхеидзе]. Казачьему Сполоху // Казачий сполох. 1924. № 2–3. С. 22.

лителя, который выдвигал перед родом людским задачи не только общепланетарные, но и вселенские и был убежден, что человечество, сознавшее себя братством сынов, должно поставить образцом совершенного устройства образ Пресвятой Троицы, неслиянно-нераздельного, питаемого любовью единства Трех (многих) «я». Но в Троице не только отсутствует обособление ипостасей внутри целого, здесь невозможно *никакое* обособление, ибо нет ничего внешнего, чужеродного, нет чужих — все родные.

Смотря на евразийство сквозь федоровскую призму, Чхеидзе хочет видеть в нем учение об устройении не *части*, но *целого*, ищет не конфронтации России и Запада, а их примирения в новом духовно-творческом синтезе⁴². Не только Россия-Евразия, но все человечество должно осознать себя соборным единством народов, и это единство, чтобы быть действительно нерушимым, должно держаться пониманием абсолютной ценности и необходимости *каждого* своего звена.

Уважая и ценя труды Г.В. Вернадского, Чхеидзе тем не менее не нашел в них того духа вселенскости, которым питалась активно-христианская мысль Ф.М. Достоевского, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева. Но то, что не прозвучало в работах сына, звучало — и неоднократно — в работах отца, проговаривалось в дневниковых записях, в устных выступлениях и докладах. И именно эта точка зрения в конечном итоге оказалась близка К.А. Чхеидзе, определив его внимание и интерес к идеям Вернадского на долгие годы.

В свое время познакомившись со сборником «Исход к Востоку», где была заявлена идея консолидации — но лишь одной части земного шара — Евразии при не слишком скрываемом обособлении от европейского человечества, В.И. Вернадский писал: «Вчера закончил статьи Трубецкого и др. из сборника “Евразийцы”. Много интересного. Но в общем эти идеи мне кажутся одной стороной того общего, которое сейчас творится в человечестве. Главное и характерное — человечество единое. В этом смысле этот элемент единства (интернационала) имеет большое значение во всей истории человечества. Он в конце концов ведет к космичности сознательной жизни»⁴³.

Полагая одной из главных тенденций общественного развития стремление к единству, В.И. Вернадский придавал этому стремлению онтологичность, видел в нем один из важнейших законов развития жизни. В XX веке, по мысли Вернадского, «весь земной шар» оказался «охвачен единым»⁴⁴, человечество стало вселенским. Примечательно, что ученый тесно связывал явление планетизации «с будущей автотрофностью человечества»⁴⁵, а значит, с переходом рода людского на новый эволюционный виток, но не спонтанный, а направленный, творческий.

Размышления о евразийской доктрине, представленные в записи от 4 июля 1922 г., остались в архиве. Однако, как будто услышав упреки Вернадского, евразийцы в разработке и углублении своей идеологии постепенно преодолевали тен-

⁴² См.: Чхеидзе К.А. Моя тема — Кавказ // Чхеидзе К.А. Страна Прометея. С. 260.

⁴³ Запись в Праге от 4 июля 1922 // Вернадский В.И. Дневники, март 1921 — август 1925 / сост. В.П. Волков. М., 1998. С. 65.

⁴⁴ Там же. С. 66.

⁴⁵ Там же.

денцию к обособлению. Во многом это было связано с тем, что уже в первой половине 1920-х гг. к евразийству примкнули выдающиеся религиозные мыслители: А.В. Карташев, Л.П. Карсавин, В.Н. Ильин, для которых христианство было все-ленской религией. Наследники русской христианской историософии, они убеждали своих собратьев по движению прислушаться к идее всечеловечества Достоевского, к концепции всемирной теократии В.С. Соловьева, к «философии общего дела» Н.Ф. Федорова, для которого «человечество есть также *отечество*»⁴⁶, все люди — большая семья, разошедшаяся по пространству земли и забывшая о своем источном родстве. И их усилия не остались бесплодными. Во второй половине 1920-х гг., и особенно в постклармарский период, в евразийстве отчетливо обозначается вектор: от местного к планетарному, от локального ко вселенскому. В программном сборнике «Тридцатые годы» П.Н. Савицкий выдвигает лозунг «От россиеведения к мироведению»⁴⁷. Он подчиняет путь России-Евразии не только требованиям ее культурно-исторического типа, но и всечеловеческим, всемирным задачам. Другое дело, что восхождение ко всецелому и всемирному идеалу начинается для нации с самопознания и самоопределения, и через это познание *своего* и решение национальных задач закладывается путь «к познанию *общего*», «к выполнению задач вселенских»⁴⁸.

В направлении от частного к общему, от национального к всечеловеческому движется в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. и мысль К.А. Чхеидзе. Соединяя идеи П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского о месторазвитии, антропогеографию своего учителя А.Н. Фатеева и теорию государств-материков Н.Н. Алексеева, он встраивает их в контекст русской христианской историософии, прочерчивает лестницу восхождения: от древних племен, имевших свои локальные месторазвития, к античным полисам, затем к государствам, «где субъектом истории является народ или совокупность народов», к «государству-материку» и, наконец, к будущему всепланетарному единству, когда «месторазвитием будет весь земной шар, а субъектом истории — все человечество»⁴⁹. Публицист становится одним из создателей и горячих сторонников концепции «идеократического интернационала», которая утверждается в евразийстве на рубеже 1920–30-х гг. Если идеологи первоначального евразийства под влиянием интернационалистских лозунгов большевизма отрицательно относились к идее интернационализма, видя в ней продукт «романо-германского», космополитического мировоззрения, то Чхеидзе, как сказал бы Достоевский, поднимает эту идею «на высшую ногу». Объединение государств-материков и населяющих их больших и малых народов он мыслит как путь к всеземному единству, открывающему новую творческую эру истории.

⁴⁶ Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 305.

⁴⁷ Логовиков П.В. [П.Н. Савицкий]. Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 59, 62.

⁴⁸ Там же. С. 63.

⁴⁹ Чхеидзе К.А. Из области русской геополитики. С. 336, 340.

Историософская тема неразрывно сплетается у Чхеидзе с темой антропологической. Ответ на вопрос о задачах существа сознающего в истории и природе он находит в трудах русских религиозных мыслителей: Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского. Ему близка развитая в их творчестве идея богочеловеческого делания, пафос христианизации всех сфер и планов жизни: экономики, политики, социальных отношений, культуры, научного творчества, попытка взглянуть на эти сферы как на точки приложения благой активности человечества, сознающего свое сыновство Небесному Отцу и свою ответственность за бытие.

Внимание к истории и действию человека в истории не позволяло Чхеидзе уйти в сферу сугубо теоретической, философской работы, но постоянно направляло его в русло общественной активности и публицистического слова. Эта активность шла вразрез с установкой его учителя Г.В. Вернадского, который, критикуя кламарцев, бросал упреки Пражской евразийской группе, и в частности П.Н. Савицкому, за то, что тот ввязался в политическую игру, и призывал от запятнанных политических лозунгов перейти к чистому культурфилософскому творчеству, к разработке идейных и духовных оснований евразийства на его зрелом этапе⁵⁰. Чхеидзе последовательный отказ Г.В. Вернадского от политической мысли и действия, строгая установка на «теоретическую разработку вопроса»⁵¹ казались непозволительной узостью. Ближе ему была установка П.Н. Савицкого, стремившегося к соединению философской мысли и политического действия, причем действия, имеющего под собой мощный этический и духовный фундамент. К такому же синтезу мысли и дела Чхеидзе шел в своей публицистической, эпистолярной, общественной деятельности. Он опирался на выдвинутый Н.Ф. Федоровым принцип проективности, переводящий идеал из сферы отвлеченного философствования в сферу активного делания, причем делания не самостоятельного, а неразрывного с верой. И сама идея получала у него характер проекта, нудящего к своему воплощению, ведущего людей за собой⁵².

В одном из докладов на Пражском евразийском семинаре Чхеидзе так определил причину своего внимания к евразийству: «Евразийство воспринимал всегда как волю к созданию синтетической эпохи, целостного мировоззрения», причем такого, «в котором увязаны в одно целое идея, искусство, наука, техника и т. д.»⁵³ Волей к созданию целостного мировоззрения, которое стало бы опорой целостного действия, определялась мысль и жизнь писателя-евразийца. В философии в качестве скреп этого мировоззрения он брал наследие русских христианских мыслителей, и прежде всего Н.Ф. Федорова, который, «указывая конечную цель, поставлял на службу ей все области человеческого труда — будь то наука или техника»⁵⁴, на идеи «Творческой эволюции» А. Бергсона. А в сфере науки

⁵⁰ См.: Г.В. Вернадский — П.Н. Савицкому. 10 апреля 1929 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 79–80 об.

⁵¹ Там же. Л. 80 об.

⁵² См.: Чхеидзе К.А. Идея-проект // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 379–382.

⁵³ Стенограмма доклада К.А. Чхеидзе «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: Pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. С. 701.

⁵⁴ Там же.

опирался на концепцию «нотомогенеза», «эволюции на основе закономерностей» Л. Берга⁵⁵, работы Д.И. Менделеева, Л.И. Мечникова, С.И. Метальников и на идеи В.И. Вернадского.

Стремление К.А. Чхеидзе соединить внутри целостной идеи-проекта христианскую и научную мысль отвечало духу идей русского космизма. Представители этого течения стремились увидеть в науке и религии не врагов, а сестер, соратниц в общем планетарном действии. В одном из писем сыну, от 15 июня 1924 г., В.И. Вернадский подчеркивал значение «новой русской философии в рамках православия» для разрешения тех вопросов, которые ранее верующим христианам представлялись неразрешимыми, для приведения «в согласие с верой <...> того, что обычно в жизни подрывает и религиозное чувство и религиозное искание и веру и церковь как собрание верующих»⁵⁶. Ученый указывал, что для окончательного разрешения этих вопросов необходимо углубление и развитие самой веры, расширение ее духовного базиса⁵⁷. Именно к такому расширению призывали представители христианской ветви русского космизма Н.Ф. Федоров, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев, выдвигая идеи активного христианства, регуляции природы, бессмертия и воскрешения. В том же направлении двигался и К.А. Чхеидзе, впитавший эти идеи и транслировавший их в русскую эмигрантскую и чешскую среду⁵⁸. Перед своими братьями по движению, перед участниками других пореволюционных течений он ставил проблему согласования науки и религии, соединения веры и знания, подчеркивая, что такое соединение требует совершеннолетия веры, сознавшей себя не просто духовным актом, но, по слову апостола, «осуществлением чаемого» (Евр. 11: 1), и зрелости знания, не забывающего о своей ответственности перед бытием.

Согласование научной и религиозной картин мира означало для Чхеидзе признание целесообразности явлений жизни и разума, вело к оправданию человека и его творческого действия в мире. Неоднократно в статьях, выступлениях, письмах он апеллировал к христианству, которое утверждает ключевую роль «сынов человеческих» не только в истории, но и в бытии: «Совершенство дано в Евангелии, Христос — искупитель, Он победил разложение естества, победил “естественные законы” <...> а ап. Павел сказал: будьте подражателями мне, как я Христу»⁵⁹.

⁵⁵ Чхеидзе К.А. Антиномии современности // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 352.

⁵⁶ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 15 июня 1924 // «За СССР выявляется лик истстрадавшейся России»: Письма В.И. Вернадского детям / публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 73.

⁵⁷ См.: Там же.

⁵⁸ С 1929 по 1935 г. Чхеидзе состоял в переписке с Н.А. Сетницким (см.: Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1: Н.А. Сетницкий. М., 2003. С. 382–450), помогал распространению в Европе харбинских изданий последнего, посвященных федоровской тематике, неоднократно выступал с докладами и сообщениями о «Философии общего дела» и затрагивал идеи Н.Ф. Федорова в своих статьях и письмах (см.: Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. М., 2003. С. 337–344, 350–351, 357; Н.Ф. Федоров: Pro et contra. Кн. 2. С. 688–721, 726–771; Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 202, 210, 221, 227, 228, 376, 403–406).

⁵⁹ Стенограмма доклада К.А. Чхеидзе «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова». С. 701.

Закономерность явлений жизни, творческую «роль человека в познаваемом им мире»⁶⁰ подчеркивали в XX в. А. Бергсон, Н.А. Умов, В.И. Вернадский. Последний стремился ввести в космологию явления жизни и человека, соотнести эволюцию Вселенной и эволюцию жизни, представить их как единый процесс. В «Дневнике» 1928 г., констатируя «огромность Космоса по сравнению с ничтожным объемом охваченного жизнью пространства», он указывал на «неслучайность жизни», на человеческий разум как «ведущий в мире»⁶¹. А в работе «Научная мысль как планетное явление», ставшей развернутым обоснованием концепции перехода биосферы в ноосферу, утверждал: «Человек должен понять <...> что он <...> составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет», и с его появлением открывается «новая геологическая эра» в истории планеты — «психозойская или антропогенная»⁶², где ведущую роль играет его творческий разум, научная мысль.

Характерной чертой философского мышления русских космистов, вне зависимости от того, принадлежали они к естественно-научному или к религиозно-философскому крылу течения, было стремление опереть историческое действие на онтологический фундамент. Опереть не в духе социал-дарвинизма, механического переноса падших законов природы, оправдывающих вытеснение и борьбу особей, на человеческое сообщество, а в плане сознания единства исторического и космического процесса, глубинной взаимосвязи природы и истории. Космисты полагали в основу социальной философии представление о человеке как той инстанции, в которой природа приходит к самосознанию, «начинает не только сознавать себя, но и управлять собою»⁶³. Человек для них — добрый хозяин мира, которому Господь при сотворении дает заповедь хранения и возделывания Божьего сада — Вселенной (Быт. 1: 28) и который должен в соработничестве с Творцом вести бытие к преображению. К учету геологического и биологического факторов в построении стратегий общественного развития призывал В.И. Вернадский, выражая надежду на то, что «рано ли, поздно ли» «создание ноосферы в ее полном проявлении» «станет целью государственной политики и социального строя»⁶⁴.

Та же логика мысли присутствует у К.А. Чхеидзе. В статьях и докладах первой половины 1930-х гг., рассматривая проблему идеократии, ключевую проблему евразийской теории, он сразу же расширяет рамки анализа, переводя вопрос об идео-правительнице из области социально-политической в сферу онтологии и антропологии, возводя его к вопросу о сущности жизни, о смысле явления в мир человека. И

⁶⁰ Умов Н.А. Роль человека в познаваемом им мире // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 114, 129.

⁶¹ Запись от 14 мая 1928 г. // Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934 / сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 58. Примечательно, что, по мнению комментаторов, эта запись В.И. Вернадского связана с формированием идеи перехода биосферы в ноосферу.

⁶² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004. С. 253, 262, 268.

⁶³ Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 239.

⁶⁴ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 337.

прямо опирается на то понимание жизни, которое было выдвинуто в религиозной и естественно-научной ветвях русского космизма (у Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, Н.А. Умова и В.И. Вернадского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского): жизнь для него есть борьба с энтропией, противодействие силам дезорганизации и распада⁶⁵. «Борьба за жизнь есть, в сущности, организация бытия», и во главе ее стоит человек, «высшая и конечная форма жизни»⁶⁶, порожденная творческим усилием эволюции. Человек — «организационный центр вселенной», и заповедь «обладания землей», данная ему в книге Бытия, есть завет возделывать и преобразовать эту землю, требование его «соучастия в обожении мира»⁶⁷.

Книгу «Шесть дней творения», соотнося библейское и научное понимание происхождения мира и жизни, В.Н. Ильин завершал утверждением: «В Библии раскрыта генетическая эйдология космоса с землей в центре»⁶⁸, мир есть проявление действия Пресвятой Троицы — действия в благости и красоте⁶⁹. К.А. Чхеидзе, продолжая мысль Ильина и его духовных собратьев в русской культуре — Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, — говорит о задании человека в восьмой день творения, которым становится история человечества и который должен стать воплощением Царствия Божия во всей совокупности мироздания.

В такой онтологической и антропологической перспективе социальная организация мыслится первой ступенькой к организации бытия в целом. Государственная форма объединения становится объединением для регуляции. Государства-материки и должны, считает Чхеидзе, явить в своей исторической жизни «прообраз грядущего объединения человечества»⁷⁰, будущего общепланетарного единства.

Ключевую роль в этом единстве Чхеидзе отводил идеям и идеалам, представляющим собой ценностные ориентиры действия, его нравственные направляющие и маяки. Он был убежден: от того, какой идеал предносится перед миром, собирающимся в единое планетарное целое, зависит грядущий облик этого мира, а главное, то, станет ли планетарное единство реальностью или же человеческий род сорвется в очередную братоубийственную войну. Мыслитель опирался на идеи философа-космиста Н.А. Сетницкого, который в книге «О конечном идеале» (Харбин, 1932) выдвинул понятия дробного и целостного идеала, отведя созидательную роль в истории только последнему. И одновременно выражал мысль, которая позднее неоднократно будет звучать у В.И. Вернадского, — мысль

⁶⁵ В русском зарубежье последовательным сторонником такого понимания жизни был В.Н. Ильин, работы которого оказали существенное влияние на К.А. Чхеидзе. В брошюре «Загадка жизни и происхождение живых существ» (Р., 1929) он писал об антиэнтропийной сущности живого, противостоящей закону рассеяния энергии, действующему в бытии, и сочувственно цитировал Л.С. Берга: «Жизнь есть борьба не только со смертью организма, но и со смертью всего мира. Неорганическая материя вышла из хаоса и стремится превратиться снова в то же неупорядоченное хаотическое состояние <...>. Напротив, живое стремится упорядочить хаос, превратить его в космос» (цит. по: Ильин В.Н. Шесть дней творения. С. 34–35).

⁶⁶ Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 356.

⁶⁷ Там же. С. 16, 17.

⁶⁸ Ильин В.Н. Шесть дней творения. С. 205.

⁶⁹ См.: Там же. С. 207.

⁷⁰ Там же. С. 20.

о соответствии или несоответствии идей, воздвигавшихся человечеством на его знаменах в разные эпохи истории, эволюционному вектору, устремляющему род людской к созданию общепланетарной общности: «Без сомнения, мы вступили в фазу вселенскости. <...> Намечается состязание, и победит тот, кто возвысится до прозрения высшего, истинного идеала. В этом суть нашей эпохи»⁷¹.

Рассматривая идеократии прошлого и современности с точки зрения этого требования, Чхеидзе подчеркивал: ни одна из них не сумела вместить в себя представления о человеке как соратнике Творца, способном «организовать и преобразовать Космос»⁷². Главные идеократические системы современности — коммунизм и фашизм — основаны на идеалах дробных, ущербных. Они не ставят задачи онтологического восхождения мира и человека, пытаются создать идеальный строй с непреображенными, смертными, одолеваемыми самостью людьми, проповедуют селекционный подход (расовый или классовый)⁷³, полагают в свою основу насилие. Между тем истинная, совершенная идеократия может быть построена только на целостном, активно-христианском идеале, идеале обожения, победы над смертью, благого вселенского творчества. Этот целостный, богочеловеческий идеал Чхеидзе видел в философии Н.Ф. Федорова. И именно поэтому настаивал на необходимости «соразвития и взаимопроникновения» евразийства, выдвинувшего задачу общественного устройства на идеократических началах, и федоровской концепции «совершенной идеократии»⁷⁴.

В.И. Вернадский выстраивал концепцию ноосферы в поле свободного научного и философского поиска. Он признавал значение религиозных идей в «духовной жизни человечества»⁷⁵, но, утверждая разум как ключевой фактор развития мира, опирался всецело на научные данные. Иные акценты были у его современников С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского, которые в своем философском творчестве также приближались к идее ноосферы. Мысль «о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере, того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа»⁷⁶, представление о «хозяйстве» как «творческой деятельности человека над природой»⁷⁷ рождались у них из религиозного источника, питалась верой в Логос, правящий миром. То же религиозное измерение идеи ноосферы присутствовало у другого ее творца — П. Тейяра де Шардена. Подобно

⁷¹ Н.Ф. Федоров: Pro et contra. Кн. 2. С. 702.

⁷² Чхеидзе К.А. Проблема идеократии // Вселенское Дело. [Харбин], 1934. Вып. 2. С. 59.

⁷³ Против идеологии фашизма, утверждающей принципиальное «неравенство людей, — неравенство глубокое, биологическое», В.И. Вернадский выскажется в работе «Научная мысль как планетное явление» и статье «Несколько слов о ноосфере», подчеркивая, что эта идеология идет вразрез с объективным движением к единству и равенству людей (см.: *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. С. 279, 280, 479).

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

⁷⁵ *Вернадский В.И.* О научном мировоззрении // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. С. 209.

⁷⁶ П.А. Флоренский — В.И. Вернадскому. 21 сентября 1929; цит. по: Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского / публ. П.В. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 164–165.

⁷⁷ *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 155.

Вернадскому, говоря о планетизации, о мегасинтезе человечества, он поставлял основой этого мегасинтеза верующий разум: «Только христианство способно на современной земле синтезировать в едином жизненном акте Все и Личность»⁷⁸.

Позднее, уже в 1960-х гг., К.А. Чхеидзе будет внимательно присматриваться к идеям французского философа, реально осуществившего тот синтез веры и знания, в необходимости которого он сам так убеждал в 1930-х гг. своих собратьев по евразийству. Параллельно наследием Тейяра де Шардена занимался друг и философский собеседник Чхеидзе врач и мыслитель Г.Н. Полковников, мнение которого Константин Александрович высоко ценил. В переписке с О.Н. Сетницкой Чхеидзе упоминает его имя не раз: «Сейчас много пишут о философе “неокатолике”, им интересуются и марксисты. Зовут его Тейльяр де Шарден»⁷⁹; «Т. де Шардена читал — “О природе”, по-чешски. Замечательный мыслитель»⁸⁰. «Шарден глубок и значителен»⁸¹.

Впрочем, все это будет уже после войны. Пока же К.А. Чхеидзе задается вопросом о задачах рода людского, осознающего свою планету как месторазвитие. «Интегральное изучение и освоение» земного шара, регуляция «его природы, его сил»⁸², «организация материи, организация духа, организация Космоса»⁸³ — таковы перспективы, открывающиеся перед человечеством, вступившим в эру идеократии. Современная эпоха с ее динамизмом, с ее жаждой вселенского делания и доселе невиданной технической мощностью не может удовлетвориться тем, что предлагает ей секулярная материалистическая экономика. Муравьиный труд «в свое пузо» не для нее. Она ищет «Общего Дела, в котором соединены усилия веры и труда, воли и интеллекта, каждого в отдельности и всех вместе»⁸⁴.

Апология планетарного, вселенского делания заставляла Чхеидзе, критически настроенного к идеологии большевизма, внимательно присматриваться к размаху того строительства, которое осуществлялось в 1920–30-х гг. в советской России. В этом он отчасти был близок В.И. Вернадскому, который, при всем неприятии советской идеологической системы с ее давлением на свободную, в том числе и научную, мысль, в то же время понимал, что в огне революции и Гражданской войны совершался «процесс огромного внутреннего перерождения»⁸⁵, что советы гораздо больше, чем царская власть, уделяют внимания «великой ра-

⁷⁸ Цит. по: *Старостин Б.А.* От феномена человека к человеческой сущности // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 32. Подробнее о ноосферных идеях о. Тейяра см.: *Семенова С.Г.* Паломник в будущее: П. Тейяр де Шарден.

⁷⁹ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 21 апреля 1968 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Собрание Ю.Р. Берковского.

⁸⁰ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 15 мая 1970 // Там же.

⁸¹ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 22 августа 1970 // Там же.

⁸² *Чхеидзе К.А.* Из области русской геополитики // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 337.

⁸³ *Он же.* Записка о философии Н.Ф. Федорова // Евразийские тетради. № 4. Прага, 1934. С. 34.

⁸⁴ *Он же.* Идеократическое содержание хозяйства // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. 11. С. 54.

⁸⁵ *Вернадский В.И.* Русская интеллигенция и новая Россия // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. С. 568.

боте по развитию производительных сил государства» и что политика власти в области науки в целом лежит в русле требований, выдвинутых им самим еще в 1917 г.: «организация научной работы» должна выйти «из рамок личного, частного дела», стать «объектом могущественных организаций человечества, делом государственным»⁸⁶. Как В.И. Вернадский защищал перед сыном-эмигрантом советскую Россию середины 1930-х гг. («виден и чувствуется огромный рост»; «Страна бурлит, и население стремится среди тяжелых условий жизни с *огромной работой* улучшить свое материальное — и духовное — положение»⁸⁷), так и К.А. Чхеидзе давал оправдание строительству, вовлекающему в свою орбиту многомиллионные слои населения: с его точки зрения, в этом строительстве присутствовали трансформировавшиеся до неузнаваемости извечные чаяния «Царства Божия на земле», новой, «праведной и, как говорят простые русские люди, правильной жизни»⁸⁸. Социалистическая экономика, противостоящая хаотически-стихийной, зооморфной экономике капитализма, виделась мыслителю первой, еще неполноценной, дефектной пробой пера на путях ко всецелой организации жизни, понятой в самом высоком религиозном смысле этого слова. И задачу евразийства он полагал в том, чтобы вместо обрубленно-секулярного, спрямленно-плоского варианта хозяйственно-исторического делания дать своим соотечественникам и современникам «конечный идеал» преображения мира, устройства *всеземного, всекосмического* хозяйства, вытекающий из высокого представления о человеке «как орудии божественного разума, который (через веру, любовь и творчество) становится разумом Вселенной»⁸⁹.

В человечестве, вступившем в эру планетизации, возрастает роль научного знания. Этот тезис В.И. Вернадский отстаивал в целом ряде научных работ, публицистических статей и речей. Наука, с его точки зрения, выступает важнейшим фактором единства человечества, духовного и умственного сближения людей разных стран. А главное — она является силой, созидающей ноосферу, утверждающей ведущее место человека и его творческого разума на планете Земля. Мирозозренческую роль научного знания в современную эпоху, «когда практика жизни подводит человечество во всех концах земли к проблеме единства», подчеркивал и К.А. Чхеидзе. Задаваясь вопросом о том, «куда растет научно-техническая мысль», он так формулировал ее задачи: «...руководящей целью научно-технического прогресса является овладение *космическими* энергиями и, следовательно, овладение Космосом. Спектральный анализ, использование энергии морских волн, солнечных лучей, полеты в стратосферу, опыты радиопередачи в междупланетные пространства, искусственное дождевание, проекты оводнения Сахары и среднеазиатских пустынь — все это ввело и вводит нас в тесное общение с силами и жизнью Космоса. Недавний, ограниченный земными рамками, рационализм

⁸⁶ Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Там же. С. 557.

⁸⁷ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 19–20 августа 1936 // Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского. С. 327.

⁸⁸ Чхеидзе К.А. Философия Федорова и «пятилетка» // Литературный архив Музея национальной письменности (Прага). Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.27.

⁸⁹ Он же. Записка о философии Н.Ф. Федорова. С. 33.

преодолевается и земля, наша “низменная” земля, осознается небесным телом. Она — принадлежит небу и неотделима от начинаемой нами постигаться Большой Жизни Вселенной. Через это восстанавливается родство человека с природой, но не для того, чтобы человека низвести к природе, а для того, чтобы природу поднять до человека»⁹⁰.

Говоря о возрастающей роли науки, В.И. Вернадский ставил вопрос о нравственной ответственности за использование научных открытий: «Дорос ли он (человек. — А.Г.) до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?»⁹¹ Этот вопрос, заданный ученым в сборнике «Очерки и речи» (1922), волновал и Чхеидзе. Стремясь его разрешить, публицист опирался как на построения Федорова, стоявшего за синтез науки и религии в деле преобразования мира, так и на идеи космистов 1920–1930-х гг. А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, видевших в религии — образ цели, конечного идеала, а в науке — средства к осуществлению этого образа. Впрочем, и в самой науке мыслитель стремился раскрыть идеалотворческие потенции, подчеркивая, что научное мировоззрение, «материализм, монизм и эволюционизм», привели «к представлению о “самоодухотворяющейся материи”», что равносильно религиозно-метафизическому «представлению о “материализующемся духе”»⁹². Так наука и религия протягивают руки друг другу. «Из недр генетической “научной” постановки проблем непосредственно рождается “ненаучная” телеологическая, целеустремительная, религиозная проблема — назначения человека и мира. Чувство родства с Космосом вызывает уверенность, что воля, ум и вдохновение человека способны организовать и преобразовать Космос»⁹³.

В 1931 г. К.А. Чхеидзе пишет очерк «Наука в СССР» для карманной энциклопедии «Russia USSR». Он проводит ту же мысль о взаимном движении навстречу друг другу материалистов и идеалистов, сходящихся на признании направленности развития мира, неслучайности явления в нем человека, и ищет примирения обоих течений мысли в понятии «материологизма», которое философ В. Ильин определил как «признание Логоса, действующего в материи»⁹⁴. И хотя в своем очерке Чхеидзе пытается выявить специфику именно русской науки, идя вразрез с утверждением Вернадского, что наука национального лица не имеет, финальный его вывод близок ученому: «будущее русской науки» «лежит на путях увязки <...> национального со вселенским»⁹⁵.

⁹⁰ Чхеидзе К.А. Проблема идеократии // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 375.

⁹¹ Вернадский В.И. Очерки и речи. Пг., 1922. С. 13.

⁹² Чхеидзе К.А. Проблема идеократии. С. 375.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Ильин В.Н. Материализм и материологизм // Евразия. 1928. № 2. 1 декабря. К.А. Чхеидзе было близко и то понимание смысла научного познания, которое давал В.Н. Ильин в книге «Шесть дней творения»: «Человек, носящий образ и подобие Божественного Слова <...> поскольку он добросовестно мыслит, а значит — изучает, создает науку — делает это силой Логоса, Его именем; и то, что он открывает, есть действие Логоса в мире» (Ильин В.Н. Шесть дней творения. С. 8).

⁹⁵ Русский текст очерка: Литературный архив Музея национальной письменности (Прага). Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.37.

В статье «Наука в СССР», характеризуя современное состояние науки в советской России и ее крепнущее мировое значение, Чхеидзе дважды упоминает В.И. Вернадского. Один раз — говоря о развитии геохимии, а второй — о стремлении отечественных ученых построить целостную картину природы и готовых во имя этой задачи на любой риск. «Работы академиков Павлова, Ферсмана, Вернадского, Берна и других русских современных ученых получили мировую известность именно в силу их оригинальности, смелости, бесстрашия. Этот дух бесстрашия, столь необходимый в науке (вспомним Галилея, Ньютона), живет в русской науке, невзирая ни на какие препоны»⁹⁶. То же духовное бесстрашие Чхеидзе находил у Н.Ф. Федорова, поднявшего значение научного знания, неразрывного с верой, на недостижимую высоту. В статье «Наука в СССР» он называет мыслителя «деятелем-идеологом синтетического типа», родоначальником «нового учения, охватывающего духовную и практическую жизнь <...> не являющегося ни “идеализмом”, ни “материализмом”, но вбирающего то и другое и одновременно стоящего вне- и над- этими диаметрально противоположными учениями», — учения, которому вслед за В.Н. Ильиным Чхеидзе дает название «материологизм»⁹⁷.

Значение идей В.И. Вернадского и Н.Ф. Федорова для философии науки К.А. Чхеидзе будет утверждать и позднее. Уже на склоне лет в одном из писем О.Н. Сетницкой, характеризуя напечатанный в «Новом мире» за 1968 г. очерк М. Петрова и А. Потемкина «Наука познает себя», он скажет так: «Написано со знанием дела, проявлена большая эрудиция. Однако поражает отсутствие русских имен. Упомянут только (и то вскользь) Ленин. У меня после чтения появилось желание напомнить авторам о существовании замечательных произведений Вл. Ив. Вернадского, а применительно к России Д.И. Менделеева (“К познанию России” и “Заветные мысли”). Уж не говорю о Н.Ф. Федорове, которого следовало бы поставить в центр всего изложения»⁹⁸.

Духовная встреча с отцом и сыном Вернадскими определила многое в становлении Чхеидзе как писателя и мыслителя. И если общение с Г.В. Вернадским, знакомство с его концепцией русской истории имело значение для формирования историософских и геополитических идей писателя-евразийца, то вникание в работы В.И. Вернадского, шедшее рука об руку с углубленным вниманием к федоровской «Философии общего дела», дало ему тот планетарный и вселенский масштаб, который выделял его статьи и выступления в ряду евразийских писаний. Оценивая этот масштаб, можно увидеть в публицистическом творчестве писателя-евразийца впечатляющий пример влияния идей космизма на духовные искания русского зарубежья.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 1 ноября 1968 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Собрание Ю.Р. Берковского.

Н.А. Ёхина

МОЛОДАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В ПОИСКАХ НОВОЙ РОССИИ:
П.С. БОРАНЕЦКИЙ И ЕВРАЗИЙСТВО

В 1928 г. несостоявшийся аспирант-экономист Петр Боранецкий нелегально покинул СССР¹, открыв тем самым новую, эмигрантскую главу своей жизни. Как писал на страницах «Нового Града» В.С. Варшавский, он «был первым, появившимся в эмиграции человеком нового социального мира, поднятого на поверхность землетрясением революции»².

П.С. Боранецкому было 28 лет, когда он бежал из своей страны от власти, которая ему, выходцу из крестьянской семьи, дала возможность не только получить высшее образование, но и сделать карьеру ученого, ибо после окончания в 1925 г. экономического факультета Одесского института народного хозяйства он был приглашен в аспирантуру в Москву³.

Представляется необходимым чуть подробнее остановиться на данном вопросе, поскольку до настоящего момента об аспирантском периоде жизни Петра Степановича практически ничего не было известно. В Москву он приехал в 1925 г. Его фамилия фигурирует в списке аспирантов, проживающих по ул. Волхонке, д. 18/1, «во владении РАНИОН по подоходному налогу за 1925/26 гг.»⁴. В число штатных аспирантов Института экономики РАНИОН Боранецкий был зачислен 19 января 1926 г.⁵

Вполне вероятно, что по советским меркам судьба Петра Степановича могла сложиться более чем удачно и его ждала карьера ученого-экономиста с возможной перспективой получения высоких постов в советских учреждениях. Достаточно упомянуть лишь некоторых его сокурсников по аспирантуре⁶, жизненный путь которых сложился именно так. Среди них, в частности, были такие в последующем громкие имена, как З.В. Атлас (1903–1978) — советский экономист, доктор экономических наук, профессор Торговой академии, Всесоюзной академии

¹ До настоящего времени не было доподлинно известно, в каком именно году П.С. Боранецкий покинул Россию. Уточнить данную информацию удалось благодаря письму П.С. Боранецкого одному из идеологов евразийства П.Н. Савицкому (от 2 марта 1929 г.), отложившемуся в ГА РФ. В письме Боранецкий называет точное время своего бегства из СССР — 1928 г. (см.: ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48).

² *Варшавский В.С.* «Третья Россия» // Новый Град. 1938. № 13. С. 175.

³ См.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 130.

⁴ ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 54. Л. 11.

⁵ См.: Там же. Д. 18. Л. 22–22 об.

⁶ Их имена фигурируют в списке аспирантов Института экономики за 1926–1927 гг. (см.: ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 56. Л. 27–27 об.).

внешней торговли, старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР; Н.А. Цаголов (1904–1985) — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ; Л.М. Гатовский (1903–1997) — советский экономист, член-корреспондент АН СССР, директор Института экономики, позднее главный научный сотрудник института; В.И. Кац (1899 — после 1967) — доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела в научно-исследовательском экономическом институте (НИЭИ) при Госплане Совета министров СССР и другие.

Однако П.С. Боранецкий выбрал другой путь, что было обусловлено вполне объективными для него причинами. Переезд в Москву как центр политической жизни и обучение здесь в аспирантуре окончательно лишили его иллюзий в отношении способности большевиков осуществить вековые чаяния народа. Уже позже, в эмиграции, для характеристики диктатуры пролетариата Боранецкий использовал народную поговорку: «Не дай Бог из Ивана — пана». Эту диктатуру «Ивана-пана» он рассматривал не иначе как подлинную охлократическую диктатуру, самую страшную из диктатур, ибо «тут низший — интеллектуально и морально — властвует над высшим»⁷. По утверждению же Боранецкого, «будучи выходцем из народа и не принадлежа в то же время к сословию “новых дворян”», в России он «имел возможность наблюдать обе стороны медали нового “предсоциалистического” господства-подчинения», испытывая, как и многие, «молчаливо-подавленный ужас повседневных унижений, попираний самых элементарных прав человеческого достоинства; наглого, подчеркнуто-господского своего положения новых бар, которые держатся в отношении беспартийных подобно завоевателям среди диких народностей»⁸. Помимо этого, одной из важнейших причин, обусловивших отношение Боранецкого к большевизму, являлась его догматизированная, безрелигиозная идеология⁹. Боранецкий же, хотя и отрицал «Бога Сущего», но грезил о «Боге Становящемся», но об этом чуть позже.

В аспирантуре это понимание нашло свое отражение в отношении П.С. Боранецкого к учебе. В частности, в протоколе заседания проверочной комиссии РАНИОН от 30 сентября 1926 г. указывалось на то, что Боранецкий оставлен в аспирантуре условно на один год «с тем, чтобы со стороны Коллегии Института было обращено внимание на его академическую работу»¹⁰. Как показывают отчеты о семинарских занятиях за 1926/27 учебный год, камнем преткновения для новоиспеченного аспиранта стала «Теоретическая экономия»: из одиннадцати семинарских занятий по данному предмету он посетил лишь два¹¹.

Однако далеко не лень была причиной столь несерьезного отношения к семинарам по специальности. Комиссия по учету годичной работы аспирантов

⁷ Боранецкий П.С. Сталин и оппозиция // Третья Россия. 1938. № 8. С. 35–36.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ См.: В поисках нового синтеза: Пореволуционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов: Переписка П.С. Боранецкого и К.А. Чхеидзе / публ. А.Г. Гачевой // Диаспора: Новые материалы. Т. 7. СПб.; Париж, 2005. С. 441.

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 47. Л. 2.

¹¹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 287. Л. 41 об., 50 об.

после рассмотрения представленных Боранецким для сдачи кандидатского минимума докладов («по стоимости», «о земельной ренте») и тезисов («по деньгам и кредиту») поручила заведующему учебной частью «путем личной беседы дополнить сведения о тов. Боранецком», оставив вопрос о его аттестации открытым¹². Подобное заключение было вынесено только в отношении Боранецкого.

В итоге решением заседания коллегии Института экономики от 28 июня 1927 г. П.С. Боранецкий из аспирантуры был отчислен как неуспевающий (помимо него отчислили еще восемь человек)¹³. Скорее всего, работы Боранецкого вызывали у преподавателей вопросы отнюдь не предметно-теоретического характера, а имели под собой идеологическую основу. Подтверждение этому позже находим у самого Боранецкого. Уже в эмиграции, в 1929 г., в письме одному из основателей и руководителей евразийского движения П.Н. Савицкому, рассказывая о себе, он упомянул о том, что «был исключен по идеологической чистке, по мотивам непринадлежности к официальной (марксистской) идеологии», которая в этот период для аспирантов являлась «фактически обязательной»¹⁴.

Чем занимался Петр Степанович с момента своего исключения из аспирантуры до того, как покинул Россию, — неизвестно. Однако в том же письме П.Н. Савицкому в качестве причин, обусловивших его бегство из страны, он называл свою принадлежность к нелегальной организации «Крестьянороссов-миссионеров»¹⁵ и некие обстоятельства «личного рода»¹⁶, суть которых не раскрывал.

За границей Боранецкий сначала жил в Румынии, затем переехал в Чехословакию. Можно сказать, что эмиграцию он брал своего рода штурмом. В течение достаточно короткого срока ему, совершенно неизвестному в эмигрантской среде человеку, удалось не только громко, а точнее громогласно, заявить о себе, но и решать некоторые свои чисто практические проблемы с помощью видных эмигрантских деятелей. Именно в Праге произошло его знакомство с представителем

¹² ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 47. Л. 13, 14 об.

¹³ См.: Там же. Л. 15 об.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48.

¹⁵ В эмиграции данную группу называли «Народниками-миссианистами», однако информация о ней на данный момент крайне скудна. П.С. Боранецкий считался ее главой и, находясь в эмиграции, по его собственному утверждению, поддерживал с группой связь. В редакционной статье первого номера журнала «Утверждения» народники-миссианисты определяются как единственный из известных в России тайных кружков, ставящих «проблему по-революционной России» (От редакции // Утверждения. 1931. № 1. С. 6). Журнал «Третья Россия», издание которого Боранецкий начал в январе 1932 г., изначально позиционировался в качестве печатного органа народников-миссианистов. Первые два номера журнала открывались программными статьями от имени означенной группы. Однако уже в декабре 1932 г. в одном из писем члену евразийского движения К.А. Чхеидзе П.С. Боранецкий сетовал на то, что «слишком много прошло времени с момента прекращения непосредственной связи» с его друзьями в России, и он боится, что слишком разошелся с ними. Поэтому Петр Степанович считал, что «издавать журнал именем всей группы» права он уже не имеет. В итоге Боранецкий сообщает Чхеидзе следующее: «...я решил расширить наш журнал, в смысле снятия с него групповой пометки (клички), оставив его в партийном смысле без имени, хотя, само собой разумеется, с тем же идейным направлением. Т<аким> обр<азом>, это будет не журнал группы, по имени, а действительно «*орган исканий Нового Синтеза*», орган *творческой пореволюционной* мысли» (В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов... С. 471).

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48.

ми евразийского движения, в том числе и с одним из его идеологов, вышеупомянутым П.Н. Савицким.

Оказавшись за границей, без знания языка, Петр Степанович пытался не только заработать себе на хлеб трудом физическим, но и продолжить обучение. Предметом его научных занятий на первом этапе оставалась экономика. Для осуществления задуманного он обратился с заявлением в пражскую Русскую академическую группу, предоставив свою письменную работу по данному предмету. На работу необходим был отзыв одного из местных ученых-экономистов. В итоге в Академической группе Боранецкому посоветовали обратиться, учитывая характер «и тенденции разработанной темы»¹⁷, к П.Н. Савицкому. Боранецкий поспешил воспользоваться советом, написав Петру Николаевичу несколько писем, в одном из которых, от 2 марта 1929 г., помимо краткого изложения информации о себе, просил посодействовать в решении данной проблемы. Судя по тому, что в следующем письме, датированном 16 апреля 1929 г., Боранецкий уточняет фамилии руководящих лиц Академической группы, которым необходимо было направить отзыв¹⁸, П.Н. Савицкий в написании последнего не отказал.

Однако продолжить научные изыскания в экономической сфере Петр Степанович не пожелал. Даже «очищенная» от столь ненавистой для него официальной марксистской идеологии, экономика не стала для Боранецкого тем, чем она являлась для Савицкого, а именно «непосредственным инструментом для познания и переустройства мира», в ней идеолог евразийства «видел синтетическую дисциплину *par excellence*, содержащую по своей природе и метафизические, и эмпирические элементы»¹⁹.

Боранецкий увлекся философией и направил свои мыслительные усилия на постижение вечных религиозно-философских проблем, пытаясь разрешить их в соответствии с новыми жизненными реалиями. Вскоре он покинул Прагу и с документами от пражской Академической группы приехал в Париж. Здесь новоиспеченный философ обратился за помощью к Н.А. Бердяеву²⁰, прося содействия в «прикреплении к какой-нибудь академической организации», для того чтобы продолжить образование, и «нечто вроде справки» от Религиозно-философской академии, подтверждающей его занятие философией. Мотивировал он это тем, что окончательно решил избрать «предметом своих научно-подготовительных занятий философию, а не пол<итическую> экон<омию>»²¹.

Именно Н.А. Бердяеву П.С. Боранецкий сообщает о том, что философия для него «не специальность, а жизнь», откуда черпаются «силы и руководящие средства» для его практической деятельности. При этом Боранецкий подчеркивал, что «нащупал корень истины», заключающийся в универсальном принципе «единства всего со всем, — в субъективном выражении: “все во мне и я во всем”». Петр

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Там же. Л. 49.

¹⁹ *Байсвенгер М.* Метафизика Евразии // Русское слово. 2008. № 5. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/170> (дата обращения 13 марта 2013 г.).

²⁰ Подробнее об этом см.: «Все во мне и я во всем»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву / публ. Н.А. Ёхиной // Русская философия в изгнании: Исследования и публикации. М., 2012. С. 397–435.

²¹ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 411.

Степанович был убежден, что на основе этого принципа становилась возможной «форма бессмертия — бессмертия через присутствие во Всем, через приобщенность к бесконечности»²². Думается, нет ничего удивительного, что для краткого и емкого выражения сути своих философских построений Боранецкий использовал строку из стихотворения Ф.И. Тютчева²³. Ведь, как подчеркивает в предисловии к сборнику эмигрантских работ (1920–60-х гг.), посвященных великому поэту, современный исследователь М.Д. Филин, «присутствие и водительство Тютчева ощущалось на всем протяжении истории Зарубежной России...»²⁴.

Однако в Париже Петр Степанович посвятил себя не только исканиям в религиозно-философском направлении, но и занятиям, как он писал, «обыкновенной текущей политической работой»²⁵. В начале 1930-х гг. разработчики новых идеологических концепций в эмигрантской среде, выстраивая свои теории, возлагали надежды на молодое эмигрантское поколение, которое, по словам идеолога сменовеховства Н.В. Устрялова, вступало в жизнь через пятнадцать лет после революции. Именно оно должно было стать «определяющим политическим и культурно-историческим фактором»²⁶.

В этот период на страницах журнала «Утверждения», выходившего в 1931–1932 гг., была провозглашена идея «пореволюционного синтеза», способная объединить для дальнейшей созидательной деятельности представителей различных движений эмиграции. Речь шла об оформлении «единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в объединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций»²⁷. Основная ставка делалась на «объединение пореволюционной молодежи и той части эмиграции, которая в тяжком опыте обрела новое сознание»²⁸.

Позиционируя себя в качестве лидера действующей в России группы народников-мессианистов, Боранецкий еще на этапе подготовки журнала примкнул к утвержденцам, лидером которых был Ю.А. Ширинский-Шихматов. В первом же номере «Утверждений» были опубликованы две его статьи: «О русском мессианизме» и «Назревание событий». Первая определялась Боранецким как «идеологическая», вторая как «тактическая»²⁹. В «идеологической» статье Боранецкий, рассматривая русскую революцию в качестве концентрированного, предельно актуального, катастрофически выраженного кризиса всей современной цивилизации, указывал на то, что она в своем аспекте «всеотрицания» изобличила и «все до основания старое, и все без остатка, что казалось новым и было на самом деле лишь отрицанием старого»³⁰. В этой связи «роковое заблуждение некоторых

²² «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 413.

²³ Речь идет о стихотворении «Тени сизые смешались...» (1835).

²⁴ Филин М.Д. От составителя // Таинник Ночи: Зарубежная Россия и Тютчев. М., 2008. С. 8.

²⁵ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 410.

²⁶ Устрялов Н.В. Зарубежная смена // Утверждения. 1932. № 3. С. 107.

²⁷ От редакции // Там же. С. 3.

²⁸ От редакции // Там же. 1931. № 2. С. 3.

²⁹ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 414.

³⁰ Боранецкий П.С. О русском мессианизме // Утверждения. 1931. № 1. С. 33.

групп евразийцев»³¹ Боранецкий видел в том, что они «последнее слово старого мира», под которым рассматривался большевизм, «приняли за первое слово нового мира, смерть приняли за рождение»³².

Говоря о будущем России, Боранецкий подчеркивал, что, поскольку она стала своего рода «жертвой искупления» всех «современных язв, противоречий, безысходностей, тупиков», страной, народ которой столько выстрадал и перетерпел, именно здесь должна была «заняться заря новой жизни». Приводя утверждение философа О. Вейнингера о том, что Христос был величайшим человеком, поскольку «мерился силами с величайшим противником», убежденный антихристианин Боранецкий, как это ни удивительно, уподоблял русский народ именно Христу, ибо народ этот «познал таких размеров зло, что его возрождающийся дух» граничил «с каким-то всеведением, с нравственным всемогуществом»³³. Теперь миссия России заключалась в том, чтобы «осуществить универсальный культурно-исторический Синтез, который, вобрав, творчески примилив и согласовав все ценности, идеи и силы и устремления груды распадающейся, рассыпающейся цивилизации, в нем открыть новый всемирно-исторический цикл, дать первоосновы новым высшим формам жизни»³⁴.

Воспринимая политическую борьбу прежде всего как войну, предполагающую мобилизацию всех сил, в «тактической» статье Боранецкий призывал к организации некой третьей силы — «национал-революционеров», которая противопоставлялась бы и «национал-пораженчеству», и «национал-соглашательству», и «пассивному национал-непротивленчеству»³⁵. Эта сила в лице многомиллионного крестьянства должна была осуществить национальную революцию, которая, с одной стороны, смела бы большевистскую «лже-социалистическую»³⁶ систему, с другой, могла бы противостоять мировому империализму, возможная война которого против большевиков рассматривалась Боранецким прежде всего как война против России и ее народа. В этой связи задачей пореволюционных сил эмиграции, как указывалось выше, определялась разработка объединяющей пореволюционной идеологии.

Однако вскоре сотрудничество с утвержденцами Боранецкий прекратил³⁷ и приступил с 1932 г. к изданию собственного журнала, получившего название «Третья Россия». Журнал также определялся как «орган исканий пореволюционного синтеза»³⁸. «Верховной организационной целью» третьероссов Боранецкий

³¹ Имелась в виду Клармарская группа.

³² Боранецкий П.С. О русском мессианизме. С. 31.

³³ Там же. С. 34.

³⁴ Там же. С. 37.

³⁵ Боранецкий П.С. Назревание событий // Утверждения. 1931. № 1. С. 60.

³⁶ Там же. С. 54.

³⁷ Причины, по которым Боранецкий прекратил сотрудничество с утвержденцами, были обозначены им в письмах Н.А. Бердяеву; см.: «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 414–419.

³⁸ От руководства журнала «Третья Россия» // Третья Россия. 1932. № 1. С. 2.

определил создание «подлинного Народного Движения»³⁹. Продолжая и углубляя тему необходимости третьей крестьянской революции, Боранецкий подчеркивал, что она должна была стать последней конструктивно-стабилизационной стадией «единой Российской Революции», открыть «эру подлинной Пореволуционности, эру Мира, Свободы и Строительства новых форм жизни». При этом «к революции» Боранецкий предполагал идти «через эволюцию», используя для облегчения и оформления стихийно происходящей рабоче-крестьянской социально-политической перегруппировки «все формы и методы приспособления», соглашаясь «на все сделки и компромиссы, если нужно, на тактическое расчленение единого пути борьбы на несколько этапов и приемов...»⁴⁰.

Ф.А. Степун в 1932 г. на страницах «Нового Града», приветствуя появление «Третьей России», констатировал, что журнал «энергично отмежевывается от всякого фашизма и определенно становится на сторону “неодемократии”». «От духа фашизма» Ф.А. Степун признавал за журналом лишь «его тон: волевой, страстный, бодрый, иногда не только несущийся, но и заносчивый», замечая при этом, что «люди, вышедшие из революции, не могут, да пожалуй, и не должны писать иначе»⁴¹.

По мнению Ф.А. Степуна, при всей сложности позиции авторов «Третьей России» в ее серьезности чувствовалась близость к России. Мыслитель признавал, что перед натиском «двуединого красно-черного фашизма» «без какого бы то ни было мирозерцания демократии дальше жить нельзя». Именно поэтому он вменял в заслугу третьероссам их понимание того, что спасение демократии «только в новом человеке и в новой вере», подчеркивал их правоту в стремлении «религиозно укоренить свой культурно-философский и социально-политический синтез», в «отрицании таких отживших антитез, как славянофилы и западники, правые и левые...»⁴².

Необходимо отметить, что и утвержденцы, и новоградцы, и третьероссы позиционировали издаваемые ими журналы в качестве органа молодежи, преследуя цель привлечь ее в свои ряды. Однако, как справедливо замечает А.Г. Гачева, отличительной чертой третьероссов являлось то, что Боранецкий был и идеологом группы, и фактически единственным ее представителем⁴³. При этом он упорно пытался наладить контакт с видными идеологами российской эмиграции, проповедуя свое учение. Среди них, помимо вышеупомянутых П.Н. Савицкого и Н.А. Бердяева, был, например, кадетский лидер П.Н. Милюков, который в непосредственный диалог с П.С. Боранецким, судя по всему, так и не включился⁴⁴.

³⁹ Боранецкий П.С. Как освободится Россия // Третья Россия. 1932. № 2. С. 15.

⁴⁰ Там же. С. 17–18.

⁴¹ Степун Ф. «Третья Россия» // Новый Град. 1932. № 3. С. 80.

⁴² Там же. С. 80–81.

⁴³ См.: Гачева А.Г. Идея «Третьей России» и пореволуционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 387.

⁴⁴ См.: Ёхина Н.А. П.С. Боранецкий — П.Н. Милюкову: В поисках «пореволуционного синтеза» // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков: Мат-лы междунар. науч. colloквиума. М., 2010. С. 226–236.

Считается, что Боранецкий был близок к евразийскому движению⁴⁵, и это действительно в определенных аспектах так, хотя не будем забывать слова П.Н. Милюкова: «Каждый может найти у евразийцев, чего хочет — кто хочет — православие; кто хочет — национализм; кто хочет — критику белого движения; кто хочет соглашательство и оправдание большевизма; кто хочет реализм и понимание настоящего; кто хочет националистические утопии в построении будущего»⁴⁶. Боранецкий в этой связи просто не был исключением. Как указывалось выше, Петр Степанович фактически был одиночкой, и, вполне вероятно, это объясняется в том числе и тем, что он всеми силами старался избежать столь частых в эмигрантской среде внутрigrупповых расколов, которые фактически вели к распаду того или иного движения. В частности, Боранецкий подчеркивал, что в значительной мере евразийское движение распалось именно «из-за ужасной атмосферы закулисно-личных отношений»⁴⁷.

Однако вопрос здесь в другом. На основании имеющихся на данный момент материалов можно говорить о том, что только с евразийцами в лице прежде всего К.А. Чхеидзе, с которым П.С. Боранецкий также познакомился в Праге, ему удалось поддерживать довольно длительный контакт посредством переписки, которая, как указывает А.Г. Гачева, носила характер своего рода мировоззренческого диалога. Это тем более удивительно, что многие деятели эмиграции, включая и евразийцев, в частности Н.Н. Алексеев, не выдерживая идейного и эмоционального напора Петра Степановича, проявляемого порой в неистовой форме, старались постепенно от него дистанцироваться. В 1933 г. Алексеев предоставил свою статью для публикации в № 3 «Третьей России»⁴⁸, а уже в 1934 г. в письме Савицкому призывал предать Боранецкого «полному бойкоту», квалифицируя его «как тип уголовный или полууголовный»⁴⁹. Причиной стал намеренный срыв Боранецким собрания Объединенного пореволюционного клуба. При этом, как подчеркивает Алексеев, лидер третьероссов и не думал оправдываться, заявив, что «в политике все средства дозволень»⁵⁰.

Все эти обстоятельства, судя по всему, Петра Степановича не особенно трогали. Он достаточно легко адаптировался к любой ситуации, если нужно, шел напролом, не стесняясь ни в выражениях, ни в действиях, не боясь при этом шокировать эмигрантскую интеллигенцию. Он не боялся расколов, ибо раскалываться было нечему. Можно сказать, что в эмигрантской среде он был единственным в своем роде феноменом, наглядно показав, какими могут быть представители нового «вышедшего из земли» поколения, «рожденного революцией»⁵¹ (так Боранецкий называл себя и себе подобных), но не связанного большевистской атеистической, классово-идеологией. Он был абсолютно искренен в своих порой

⁴⁵ См.: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1. С. 192.

⁴⁶ Милюков П.Н. Евразийство // Последние новости. 1927. 8 февр. № 2148.

⁴⁷ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 414.

⁴⁸ В том же номере и тоже единожды была представлена статья евразийца Н.А. Клепинина.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 434. Л. 9–9 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Боранецкий П.С. Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия. 1932. № 1. С. 33.

столь нелицеприятных проявлениях. Ведь Боранецкий ставил себя на порядок выше всех пореволюционников, которые, по его мнению, «утверждали Новую Землю, но Небо у них оставалось старое, а, следовательно, старой оставалась и земля», третьероссы же «утверждали» «Новую Землю и Новое Небо»⁵².

Мыслитель, на наш взгляд, озвучивал достаточно актуальную и для нашего времени проблему отсутствия объединяющей и руководящей идеи. Он подчеркивал, что современный человек не имеет «подлинного, мощного жизненного идеала». Именно поэтому, по мнению Боранецкого, все люди были «такие безрадостные, вялые, идейно бесхребетные, изъеденные скепсисом, безверием, недоверием, бессильные что-либо создать, чем-либо вдохновиться». Большевикам же, «пусть в виде пародии, смертельного суррогата», удалось создать подобный идеал, и в этом была их сила: «...за неимением подлинного продукта спрос истории довольствуется суррогатом», — делал вывод Боранецкий. В этой связи преодоление большевизма было невозможно, «пока вместо этого суррогата не будет предложен подлинный идеал жизнен<ного> устройства, соответствующий уровню и запросам новой, уже стучащейся в дверь эпохи»⁵³. Этим новым идеалом, противопоставляемым и «упадочно-материалистической депрессии», и «архаическому христианскому идеалу», должно было стать «новое целостное мирозерцание» как завершающий творческий синтез культурного человеческого развития⁵⁴.

Действительно, кардинальным отличием П.С. Боранецкого и от евразийцев, и от других пореволюционеров было то, что он резко отрицательно относился к христианству и вообще ко всем традиционным религиям. А.Г. Гачева указывает на то, что в эпистолярном споре Боранецкого и Чхеидзе ребром ставился вопрос о том, «имеет ли христианство свои задачи в истории, способно ли оно организовать бытие, или это пассивная нетворческая религия, уходящая прочь от мира и жизни, ценящая лишь трансцендентное»⁵⁵. Однако стремление К.А. Чхеидзе обратиться к П.С. Боранецкого «к идеям активного, преобразующего мир христианства»⁵⁶ не увенчалось успехом.

Боранецкий подчеркивал, что он решительно отделяет проповедуемый им «народнический мессианизм» от «церковнического “мессианизма” евразийцев», считая его «грубым недомыслием». Он был убежден, что идея мессианизма, базирующаяся на православии, была реализована две тысячи лет тому назад и, более того, «современный великий кризис человечества на последней духовной глубине своей и есть кризис христианства, являющегося душой, первоидеей западноевропейской цивилизации»⁵⁷.

Однако в данном вопросе не все было так однозначно. Дело в том, что Боранецкий говорил об «историческом христианстве и Христе», считая, что «подлин-

⁵² *Боранецкий П.С.* Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия. 1932. № 1. С. 34.

⁵³ *Он же.* О новом жизненном идеале // Там же. № 2. С. 47.

⁵⁴ Там же. С. 48.

⁵⁵ В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов... С. 445.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Боранецкий П.С.* Новый класс или новый народ спасет мир? С. 31.

ный Христос» остался «непроявленным» и его, подчеркивал мыслитель, «мы пока попросту не знаем»⁵⁸. Христос, по Боранецкому, «есть только идеал человека: не то, что было, а то, что должно быть»⁵⁹. В этой связи «неохристианство», например Н.А. Бердяева и Д.С. Мережковского, рассматривалось Боранецким как «некое “новое рел<и>гиозное сознание>”»⁶⁰.

П.С. Боранецкий придавал огромное значение научному прогрессу. Евразийцы в качестве противопоставления коммунистической антирелигиозной позиции приводили довод о том, что современные исследования в области биологии, физики, астрономии подтвердили «ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать т. наз. “научными методами” последние источники бытия». И в этой связи для них становилось ясным, «что только идея Творца делает возможным цельное понимание мира». Помимо этого, подобные научные выводы, являющие собой продукт «культурной деятельности интеллектуальных верхов», сходились, по их мнению, «с первоначальным сознанием народных масс»⁶¹. В отличие от них Боранецкий считал, что благодаря науке «человек осознал безграничность (в возможности) своего могущества», он не мог «быть больше рабом — ни в чем, ни как». Для мыслителя это был «факт величайшего религиозного значения». В этой связи наступающую эпоху Боранецкий рассматривал как «эпоху предельного возвеличения Человека»⁶².

Он считал, что «современное человечество достигло таких высот развития, что раскрывающиеся перед ним горизонты раздвигаются в бесконечность». Для человека стала возможной постановка таких целей, которые «лишь в качестве мифа могли воздвигать великие религии». «Небывалые размеры современного атеизма» Боранецкий объяснял тем, что «в свете всепроникающего знания» «древняя вековая вера в “потустороннюю” совершенную жизнь» более не удовлетворяла неугасимым идеальным запросам современного человека. «Частичное возрождение христианства» он рассматривал лишь как временную реакцию на материализм⁶³.

Боранецкий разрабатывал свое учение прежде всего исходя из понимания того, что человеческие «природные запросы в высшей идеальной жизни» неугасимы, поскольку неугасимы в нем «потребности Истины, Добра и Красоты». Не находя удовлетворения на пути теологическом, человек стал искать его «в ином направлении» и нашел, как считал Боранецкий, благодаря раскрывшимся безграничным возможностям человека на земле, «раскрывшееся божеское могущество человека». На смену мифическому «лже-сущему Богу» приходит, по Боранецкому, реальный «Становящийся Бог»⁶⁴. Этот бог есть «реализующееся в истории Абсолютное: Истина, Красота, Добро»⁶⁵.

⁵⁸ Он же. О новом жизненном идеале. С. 54.

⁵⁹ Он же. О новом человеке // Третья Россия. 1934. № 4/5. С. 49.

⁶⁰ Он же. О новом жизненном идеале. С. 54.

⁶¹ Евразийство (формулировка 1927) // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 4.

⁶² Боранецкий П.С. В поисках нового мирозерцания // Третья Россия. 1932. № 1. С. 66.

⁶³ Он же. О новом жизненном идеале. С. 48.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 50.

Думается, П.С. Боранецкого вполне можно отнести к тому типу людей, о которых в самом начале XX в. писал В.И. Вернадский: «Под влиянием научного движения в не менее резкой степени меняется положение религий в общественной жизни и понимание религиозных доктрин людьми, затронутыми образованием; что еще важнее, появились новые формы религиозного сознания, считающиеся с теми данными, которые кажутся научно доказанными, и исходят из них в своих построениях, эти формы “реформированных” религий являются явными указателями силы научного движения в истекшем столетии, и едва ли до сих пор оценено все значение этих новых форм понимания старого или попыток новой обработки искомым религиозных проблем»⁶⁶.

Безусловно, многие религиозно-философские построения Боранецкого более чем спорны, а некоторые его высказывания в адрес христианства у многих и сейчас могут вызвать, по выражению К.А. Чхеидзе, «репульсивные эмоции»⁶⁷, но в рамках данной статьи мы не задавались целью осуществить детальный критический разбор так называемого учения П.С. Боранецкого. Важно здесь то, что актуальной применительно к современности остается сама постановка проблемы взаимодействия науки и религии, влияния религиозной мысли на современную молодежь, проблема разработки некоей объединяющей национальной идеи, немислимой без определенного духовного содержания. Вопрос даже не в том, что определенная часть современного молодого поколения не находит в традиционных религиях ответов на свои духовные запросы, а в том, что порой, к сожалению, подобных запросов не имеет.

Мы вполне согласны с утверждением С.Г. Семеновой о том, что П.С. Боранецкий, как и многие другие пореволюционники, верил, что новое развитие России возможно на путях «всеединящей идеологии» нового универсального синтеза: западничества и славянофильства — в самобытичество, материализма и идеализма — в положительное, преобразовательное мирозерцание, либерализма и социализма — в неodemократию с первым этапом надклассовой и надпартийной Национально-Демократической Диктатуры, революции и контрреволюции — в духовную революцию, традиционной религии и ее атеистического отрицания — в богоискательство, созидание нового Бога»⁶⁸.

В этой связи обращение к наследию эмигрантских пореволюционных мыслителей, к их попыткам на базе православия ли (евразийцы и др.) или некоего «нового целостного мирозерцания» (Боранецкий) синтезировать объединяющую интегративную идеологию, «стоящую на уровне исторических запросов и нужд»⁶⁹, представляется достаточно актуальным.

⁶⁶ Вернадский В.И. Прогресс науки и народные массы // Электронные версии работ В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/progress.txt> (дата обращения 6 декабря 2012 г.).

⁶⁷ В поисках нового синтеза: Поревлюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов... С. 486.

⁶⁸ Семенова С.Г. Русская религиозно-философская мысль и поревлюционные течения 1930-х годов в эмиграции // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 303.

⁶⁹ Боранецкий П.С. Как освободится Россия. С. 19.

М.Ю. Сорокина, Н.Ю. Стоюхина

К БИОГРАФИИ ИСТОРИКА
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ТОЛЛЯ (1894–1985):
НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ

Семинарий / Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге (Чехословакия) по праву считается самым успешным международным гуманитарным проектом российской научной эмиграции 1920–30-х гг. Несмотря на весомость научных достижений его сотрудников во многих областях истории, археологии и искусствоведения, авторитет и влияние всей институции в международном научном сообществе, до сих пор не существует научной монографии, анализирующей деятельность Семинария на основе всей совокупности документов, сосредоточенных в архивах Москвы, Праги, Нью-Йорка и многих других архивохранилищах различных стран. Уже опубликованные исследования, как правило, базируются на отдельных собраниях документов¹. При этом у историков нет согласия в определении даже таких базовых фактов, как, например, кто был основателем и / или руководителем Семинария / Института в разные периоды его истории.

Так, в недавно опубликованной работе чешский историк Ю. Янчаркова утверждает, что «Чехословакия и Россия, Европа и Америка обязаны возникновением научного объединения мирового значения» первому директору Археологического института имени Н.П. Кондакова «профессору» Александру Петровичу Калитинскому (1880–1946) и что его имя «незаслуженно забыто как на родине, так и в изгнании»². Российский историк М.В. Ковалев согласен с чешской исследовательницей, что «главой Семинария стал крупный специалист в области византиноведения и древнерусской археологии А.П. Калитинский, бывший профессор Императорского Московского археологического института»³. Между тем другие

¹ См. например: *Беляев С.А.* Из истории становления Семинария имени академика Н.П. Кондакова в Праге // *Русская эмиграция в Европе. 20–30-е годы XX века.* М., 1996. С. 3–34; *Иванов И.А.* Русские византилисты в эмиграции // *Вестник Инженерно-экономического университета в СПб. Сер. Гуманитарные науки.* 2009. № 4. С. 222–228; *Письма А.П. Калитинского в Семинарий им. Н.П. Кондакова* / публ. В.А. Росова // *Ариаварта: Историко-научный, литературно-философский журнал.* СПб., 1997. Вып. 1. С. 227–272; *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах (1929–1932). СПб., 1999; *Riha T.* Russian Emigré Scholars in Prague After World War I // *The Slavic and East European Journal.* 1958. Vol. XVI. № 1. P. 22–26; *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers.* 1974. Vol. XVI. № 3. P. 334–335; и др.

² *Янчаркова Ю.* «Теперь же, уходя в небытие...»: Письма А.П. Калитинского и М.Н. Германовой сотрудникам Археологического института им. Н.П. Кондакова княгине Н.Г. Яшвилль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике.* Praha. 2007. С. 159.

³ *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е годы). Саратов, 2012. С. 142.

специалисты считают отцом-основателем Семинария наряду с Калитинским историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973) и даже княгиню Наталью Григорьевну Яшвиль (1861–1939)⁴. Сам же А.П. Калитинский признавался в марте 1935 г. в письме княгине, что «не мог бы <...> ровно ничего осуществить без тех двух Николаев, которые и есть на самом деле создатели всего дела»⁵, т. е. без Николая Михайловича Беляева (1899–1930) и Николая Петровича Толля (1894–1985).

Документированные биографические данные участников Семинария, которые до последнего время как-то ускользали от внимания исследователей, могут многое подсказать для изучения его происхождения. Так, например, для понимания профессиональной карьеры и роли А.П. Калитинского в научной жизни Праги небезразличен тот факт, что он вообще не имел высшего гуманитарного образования (окончил естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе (1907)⁶. Дореволюционная профессиональная биография Калитинского скромна — на протяжении многих лет он служил преподавателем математики и естественной истории в частных женских гимназиях, и только в мае 1910 г., в возрасте 30 лет, стал слушателем археологического отделения Императорского Московского археологического института имени Николая II (МАИ). Стоит заметить, что МАИ был учрежден за три года до поступления туда Калитинского и являлся, как бы мы сказали сегодня, институтом «второго образования» для членов научных обществ, губернских ученых архивных комиссий и т. п., сочетая в себе функции высшего учебного заведения, научно-исследовательского учреждения и научного общества. В 1915 г. А.П. Калитинский был избран на должность преподавателя МАИ по кафедрам бытовой и первобытной археологии. Однако его научные публикации или археологические экскурсии этого периода неизвестны; скорее всего, их и не было. Зато был значительный опыт светской жизни, чему в немалой степени способствовал его брак с актрисой Московского Художественного театра М.Н. Германовой⁷. К июлю 1923 г., когда 43-летний А.П. Калитинский появился в Праге, у него за плечами был еще и период антрепренерской деятельности и коллективного выживания в условиях Гражданской войны, но отнюдь не научной практики и преподавания, тем более в профессорском статусе. В отличие от Калитинского, Г.В. Вернадский окончил историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени еще в 1910 г., осенью 1913 г. был избран приват-доцентом Санкт-Петербургского университета и, что самое важное, опубликовал ряд заметных научных трудов, в том числе остающуюся актуальной по сей день магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пг., 1917). Даже годы Гражданской войны Вернадский провел в преподавании различ-

⁴ См., например: *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague... P. 334–335.

⁵ *Янчаркова Ю.* «Теперь же, уходя в небытие...». С. 186.

⁶ Центральный государственный архив города Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. (ЦГАМ. ЦХД до 1917). Ф. 376. Оп. 2. Д. 65.

⁷ См.: *Германова М.Н.* Мой ларец с драгоценностями: Воспоминания. Дневники / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. И.Л. Корчевниковой. М., 2012.

ных исторических дисциплин в Пермском и Таврическом университетах, исполняя должности профессора⁸. По сравнению с другими участниками Кондаковско-го семинария сорокалетний Вернадский имел репутацию достаточно известного академического ученого, к тому же в силу семейных связей (отец — академик В.И. Вернадский) вполне интегрированного в академическую среду.

Упомянутым выше «двум Николаям» — Беляеву и Толлю — было соответственно 23 года и 28 лет, когда они приехали в Прагу в 1922 г. Оба боевые офицеры, они не имели высшего образования и обладали совершенно разным социальным и профессиональным опытом до эмиграции. Но их объединяла воля и энергия молодых людей, прошедших через самые кровавые события Гражданской войны, неоднократно раненых и сумевших не только выжить физически и морально, но и найти свое призвание и место в новой реальности.

В отличие от Н.М. Беляева, которому посвящена небольшая литература⁹, Николай Петрович Толль, фактический директор Археологического института имени Н.П. Кондакова до 1948 г., принадлежит к числу тех ученых, имена которых регулярно упоминаются в научной литературе¹⁰, но чья биография остается почти неизвестной, а потому и нередко и мифологизированной, даже в ключевых пунктах. Так, например, новейшая литература утверждает, что в США, куда Толль уехал в 1939 г., он занимал кафедру иранистики в Йельском университете¹¹, что бесконечно далеко от реальных обстоятельств непростой судьбы русского эмигранта.

В послевоенной научной жизни и карьере Николая Толля ключевую роль сыграли три академика — Н.П. Кондаков (1844–1925), М.И. Ростовцев (1870–1952) и В.И. Вернадский (1863–1945). Первый из них, Н.П. Кондаков, точно определил потенциал научной одаренности и исследовательский профиль Толля: он «публично хвалил его в своем Семинарии, сказав, что у него данные настоящего ар-

⁸ См.: Селянинова Г.Д. Г.В. Вернадский в Пермском университете: 1917–1918 годы // Вестник Пермского университета. 2012. Сер. История. Вып. 2 (19). С. 115–124; «У русских ученых хватит энергии и воли к возрождению русской науки и культуры в возрождающейся России»: Отец и сын Вернадские в Крыму в годы Гражданской войны: 1919–1920 / публ. С.Б. Филимонова // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 102–111.

⁹ Беляев С.А. Из истории становления Семинария...; Росов В.А. Семинариум Кондаковичанум...; Он же. От Новороссийска до Зайчар: Воспоминания русского беженца / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. С.А. Беляева // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. СПб., 2005. С. 183 и др. Некролог см.: Byzantion. 1931. Т. 6. P. 517–518 (авт. Grabar A.).

¹⁰ См., например: Паушто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 175; Скифский роман / под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945. Прага, 2008. С. 95–97; Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 3: Востоковедение. XIX — первая половина XX в. / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 195; Andreyev C., Savicky I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; L., 2004; Hopkins C. The Discovery of Dura-Europos. New Haven, 1979; Vzpomínky. Deníky. Vyprávění: (Ruská emigrace v Československu) / kolektiv autorů pod vedením L. Běloševské. Pr., 2011; и др. Недавно появилась персонально посвященная Н.П. Толлю статья: Drbal V. Archäologe Nikolaj Petrovič Toll und seine Rolle bei den Ausgrabungen in Dura-Europos (Syrien) // Byzantinoslavica (Praha). 2008. LXVI. 1/2. S. 53–70.

¹¹ См.: Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934 / сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 19; Дом в изгнании... С. 96.

хеолога, ибо он видит, понимает, чувствует материал, так как археология — наука о материальных вещах, а не об отвлеченных, духовных проблемах»¹². Тонко определенное академиком «чувство материала» сыграло главную роль в том, что на многие годы «Ник» стал ближайшим помощником академика М.И. Ростовцева по археологической экспедиции Йельского университета в Дура-Эуропас (Сирия) и в дальнейшем переехал в США. Но конечно, важнейшей составляющей биографии Николая Толля стало его вхождение в дружную семью Вернадских, обладавших значительными связями и весомым научным и моральным авторитетом в научном сообществе. В январе 1926 г. он женился на дочери академика Нине (1898–1986), 9 мая 1929 г. у четы родилась дочь Татьяна, ставшая единственной внучкой академика.

Близкий друг семьи Вернадских профессор В.К. Агафонов (1863–1955) оставил весьма выразительный портрет Н.П. Толля этих лет: «Николай Петрович по натуре грубоват и самоуверен, да и воспитание было у него, должно быть, “неважное”, но Ниночку он любит по-настоящему, хоть и по-своему, несколько по-мужицкому, например, работу ее на него (не только по хозяйству) считает ее обязанностью. Но это все ничего: все покрывается ее большой любовью; да и у него, повторяю, к ней хорошее, крепкое чувство. Сам же он по себе все же человек хороший, способный вообще и чрезвычайно работоспособный, энергичный и инициативный. Главный его недостаток — нетерпимость и самоуверенность. Жизнь, может быть, обломает и эти углы»¹³. В этом описании привлекает внимание указание на «мужицкость», которая как-то не вяжется со стереотипным образом рафинированного интеллектуала-искусствоведа с нерусской баронской фамилией. Наше сообщение посвящено документированию некоторых «русских» эпизодов жизни Николая Толля. Оно основано на архивных материалах, выявленных при содействии А.В. Марыняка, М.М. Горинова-мл., Ю.В. Щепанской, польского историка М. Шимчака (Вроцлав), которым авторы статьи приносят самую искреннюю признательность за большую помощь.

«ОТЕЦ ЕГО — ВОЕННЫЙ...»

О происхождении Николая Петровича Толля до сих пор не было известно ничего. В автокомментариях к своему дневнику академик В.И. Вернадский со слов Толля записал ряд любопытных подробностей о семье своего зятя, послуживших для нас отправной точкой в архивных поисках: «Его мать — Иванова (он не любил о ней говорить и от нее убежал гимназистом в белую армию). Отец его — военный, из обрусевшего шведского рода. Рано его потерял. Николай Петрович мне

¹² Цит. по: Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых: в 2 т. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 296. С. 292. Правда, Н.Е. Андреев приехал в Прагу уже после кончины Н.П. Кондакова и передает его высказывания со слов третьих лиц.

¹³ Цит. по: Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. С. 19; оригинал письма: В.К. Агафонов — В.И. Вернадскому. 21 октября 1928 // Архив РАН (АРАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 4^г. Л. 25–25 об.

рассказывал, что, будучи на каком-то археологическом совещании в Гельсингфорсе, ему показывали книгу рода дома Толлей, где был указан и его отец. Надо достать — ветвь Танечки идет этим путем далеко вглубь от XVII века»¹⁴.

Действительно, род графов и баронов фон Толь (von Toll) включен в «Список дворянских родов, внесенных в Рыцарский матрикул Эстляндской губернии», а две дворянские отрасли этого рода — в матрикулы Великого княжества Финляндского. Если следовать «подсказке» академика, то Николай Толль мог бы носить баронский титул, однако официально он никогда не упоминал о своем высоком происхождении и всегда писал два «л» в фамилии (в отличие от одного «л», принятого в России для фамилий графских и баронских родов).

Николай Толль родился 9 (21) ноября 1894 г. в Лодзи (царство Польское). Попытки найти его метрическое свидетельство или запись о крещении через польских коллег к успеху не привели, зато по нашей просьбе А.В. Марыняку удалось обнаружить в Российском государственном военно-историческом архиве послужной список капитана 37-го пехотного Екатеринбургского полка Петра Эбергардовича Толля¹⁵, обстоятельства службы которого давали основание полагать, что он мог быть отцом нашего героя.

Согласно этому списку П.Э. Толль, рожденный 10 августа (ст. ст.) 1855 г., происходил из потомственных дворян Великого княжества Финляндского, православного вероисповедания¹⁶. Большую часть своей армейской службы он провел в 37-м пехотном Екатеринбургском полку, который квартировался в Лодзи (где родился Н.П. Толль). К 1907 г. полк был переведен в Нижний Новгород (Н.П. Толль здесь учился), и, таким образом, топография перемещений капитана П.Э. Толля весьма соответствует известным эпизодам биографии Николая Толля. Послужной список капитана дает и более точные сведения о возможных родственных отношениях Петра и Николая Толлей, совпадающие с данными записи В.И. Вернадского: в нем указано, что Петр Толль был женат на дочери отставного инженерного полковника Иванова, девице Марии Николаевне, и имел приемного сына Николая, усыновленного по решению Петроковского окружного суда от 14 февраля 1897 г. Жена и приемный сын вероисповедания православного.

Невозможно однозначно сказать, был ли Николай Толль биологическим сыном Петра Эбергардовича или усыновление только сопутствовало каким-либо семейным тайнам. Но отметим, что в 1905 г., т. е. при жизни Петра Толля, Департамент герольдии Правительствующего сената выдал свидетельство, что «сыну его, Николаю, дозволено пользоваться званием и правами личного почетного гражданина»¹⁷. И не более.

¹⁴ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. С. 382.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 14217 (п/с 2350 (1907)). Послужной список составлен 19 января 1907 г.

¹⁶ Он окончил Полоцкую военную гимназию и Варшавское пехотное юнкерское училище. В сентябре 1871 г. зачислен в 37-й Екатеринбургский пехотный полк, где прослужил всю жизнь, пройдя путь от портупей-юнкера до капитана. Скончался от грудной жабы 9 августа 1906 г., находясь в отпуску. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 14217 (п/с 2350 (1907)).

¹⁷ Там же.

ОТ НИЖНЕГО ДО АФИН

Семья Толль переехала в Нижний Новгород, по-видимому, вслед за перемещением туда 37-го Екатеринбургского полка. В списках учащихся Нижегородской губернской 1-й мужской классической гимназии имя Николая Толля впервые появляется в 1912/13 учебном году¹⁸.

Эта самая престижная в городе гимназия располагалась в центре, на Благовещенский площади, и имела более чем столетнюю историю. Когда-то на ее месте была усадьба вице-губернатора Нижнего Новгорода В.П. Елагина, в 1801 г. двухэтажный флигель на углу Тихоновской улицы заняло Главное народное училище, трехэтажный дом в центре — Приказ общественного призрения, а во флигеле на Варварской расположился трактир. В 1808 г. все три здания были переданы губернской всесословной мужской гимназии. После ревизии гимназии, проведенной в 1835 г. комиссией во главе с ректором Казанского университета Н.И. Лобачевским (1792–1856), министр народного просвещения граф С.С. Уваров (1786–1855) потребовал от властей города соединить три здания в одно, что и было исполнено к 1840 г. В дальнейшем, в 1904 г., по проекту инженера Е.А. Татарина по Тихоновской улице был пристроен трехэтажный корпус в стиле раннего декоративного модерна.

Среди известных учеников и выпускников гимназии были писатели П.Д. Боборыкин и П.И. Мельников-Печерский, поэт Б.А. Садовской, философы В.В. Розанов и С.Л. Франк, математик А.М. Ляпунов и его брат музыкант С.М. Ляпунов, китаевед академик В.П. Васильев, композитор М.А. Балакирев, химик-органик академик А.Е. Фаворский, недолго учился здесь и будущий первый большевистский глава России Я.М. Свердлов. В 1863–1869 гг. в гимназии преподавал И.Н. Ульянов (1831–1886), отец будущего лидера большевиков В.И. Ленина, о чем и сейчас напоминает мемориальная доска. Состав преподавателей гимназии был сильным. Считалось, что здесь ярче выражено гуманитарное образование, уровень которого поддерживался группой выпускников Московского университета — от директора гимназии, действительного статского советника Ильи Семеновича Баранова¹⁹ до классного наставника Н.П. Толля, преподавателя древних языков, статского советника А.В. Надеждина и учителя немецкого языка Э.Ф. Гейне. Французский язык преподавала женщина — А.Н. Коптева²⁰.

Имя Николая Толля впервые зафиксировано в «Ведомостях об успехах, внимании и прилежании учеников VI класса основного отделения» за 1912/13 учебный год²¹. Этот год он окончил с неплохими оценками: Закон Божий — 5; все остальные предметы (русский, немецкий, французский языки и латынь, алгебра и геометрия, физика, история) — 4. Однако уже в отчете за I полугодие

¹⁸ См.: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1537. Л. 72–104.

¹⁹ Его сын Николай Ильич Баранов (1887–1981) стал известным энтомологом, в эмиграции — научный сотрудник Института паразитологии и ветеринарного факультета Загребского университета. После Второй мировой войны жил в Пакистане, с 1962 г. — в Великобритании.

²⁰ См.: ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1562. Л. 14.

²¹ См.: Там же. Д. 1537. Л. 72–104.

1914/15 учебного года классный наставник Толля А.В. Надеждин отмечает его успехи как невысокие. Впрочем, в этом классе, состоявшем из 37 учащихся, неуспевающих было девятнадцать человек! Из них тринадцать имели по одной двойке. Среди них — Николай Толль, а «неудовлетворительно» он имел по французскому языку. Что-то не складывалось у него с учительницей... Между тем в течение выпускного VIII класса оценки Толля не так уж плохи: он неизменно получал 5 по Закону Божию и истории, а по остальным предметам имел 4, лишь по физике 3. Средний балл аттестата, как пишет Надеждин, получался у него всего лишь 3,9, в итоге — восемнадцатое место в классе.

Гимназию Николай Толль оканчивал, когда уже началась Первая мировая война и была объявлена всеобщая мобилизация. 25 февраля 1915 г. в гимназию пришла официальная бумага из Нижегородского уездного по воинской повинности присутствия о необходимости явки к исполнению воинской повинности воспитанников гимназии, поименованных на обороте. Среди семи фамилий было и имя Толля. В сентябре того же года гимназия выдала ему удостоверение для представления в Константиновское артиллерийское училище в Петрограде²², учиться в котором и отправился Н.П. Толль. С осени 1914 г. это училище, как и все другие военно-учебные заведения, перешло на ускоренную 6–8-месячную программу подготовки офицеров-артиллеристов. Таким образом, поступив осенью 1915 г., Николай Толль мог окончить училище уже к середине 1916 г. с чином прапорщика. Документы о его военной службе за эти годы пока не обнаружены, но и нередко приводимые в биографиях Толля сведения о том, что в 1916–1917 гг. он учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, своего подтверждения в архиве университета не находят.

Интересно, что почти одновременно с Николаем Толлем в Константиновском артиллерийском училище учились и уже упоминавшийся будущий кондаковец Николай Михайлович Беляев, и знаменитый в будущем лингвист Борис Генрихович Унбегаун (1898–1973). Беляев также происходил из семьи потомственных военных, но в отличие от Толля он успел в 1916 г. поучиться на первом курсе историко-филологического факультета Петроградского университета, где занимался, однако, не у антиковедов и византистов (М.И. Ростовцева, Н.П. Кондакова и др.), а в семинаре известного историка, профессора Н.И. Кареева по истории Великой французской революции²³. Несмотря на близость курсов, Толль и Беляев, по-видимому, не пересекались в Константиновском училище. После его окончания Толль отправился служить в Кавказскую армию, а Беляев ввиду расформирования училища сразу после Октябрьского переворота в Петрограде (1917), как и многие юнкера-константиновцы, отправился на Дон. Считается, что именно Константиновское училище дало Белому движению на юге России наибольшее среди прочих военно-учебных заведений России число добровольцев — около 200 юнкеров прибыло на Дон осенью — зимой 1917–1918 гг. Первое время Николай Беляев воевал в первом белом партизанском отряде казачьего полковника

²² См.: Там же. Д. 1717. Л. 6 об.

²³ См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 68845.

В.М. Чернецова, чья эпопея описана в романе М. Шолохова «Тихий Дон» и в очерках известного казачьего поэта Николая Туроверова. После гибели полковника в конце января 1918 г. Беляев стал участником 1-го Кубанского (Ледяного) похода в рядах Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова, пройдя с жестокими боями от Ростова-на-Дону до Екатеринодара, был тяжело ранен и награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Участником этого же знаменитого похода был и Н.П. Толль. В составе 1-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона он оставался в Кавказской армии до января 1918 г., а затем в составе уже Добровольческой армии прошел все 80 дней похода и был удостоен первой награды Белого движения — знака отличия Ледяного похода 1-й степени. Число награжденных этим знаком было всего 4–5 тыс. человек, знак Н.П. Толля имел № 508. В последующие годы, до эвакуации Крыма в ноябре 1920 г., Толль воевал в бронепоездных частях Вооруженных сил Юга России и Русской армии, дослужившись до чина подполковника артиллерийского дивизиона²⁴, в составе которого с ноября 1920 по сентябрь 1921 г. находился в Галлиполи (Турция), а затем выехал в Афины (Греция).

Ставшие недавно доступными письма Н.П. Толля Г.В. Вернадскому, хранящиеся в Бахметевском архиве Колумбийского университета США, показывают, что уже в 1921 г. будущие коллеги и родственники были хорошо знакомы (вероятно, через Бориса Федоровича Ромберга). Однако афинская жизнь Толля была наполнена отнюдь не изучением греческих древностей, а тяжелой физической работой на газовом заводе²⁵. Вероятно, именно Георгий Вернадский помог бывшему офицеру-артиллеристу перебраться в ноябре 1922 г. в Прагу, где и началась новая, личная и научная, жизнь Николая Толля. Здесь он окончил философский факультет Карлова университета (1926/27) и стал одним из основателей, а затем и директором Археологического института имени Н.П. Кондакова и полностью посвятил себя научной работе. Уже в 1928 г. Толль опубликовал две небольшие, но до сих пор цитирующиеся научные монографии — «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» и «Коптские ткани», причем первую из них — в Евразийском издательстве. Историк Н.Е. Андреев вспоминал, что евразийские увлечения сказались даже на том, что в доме Толля «по восточному обычаю не было мебели <...> так что все сидели на циновках и каких-то неудобных подушках»²⁶.

«ДИТЯ ВСЯКИХ ЭВАКУАЦИЙ, БОЛЬШЕВИКОВ, ПЕРЕВОРОТОВ...»

Отмеченные Николаем Андреевым непривычность и неудобность домашнего интерьера Н.П. Толля были не только физически-телесными, но скорее метафизическими, зримо олицетворявшими ту потерю привычного строя жизни и быта, которую пришлось пережить сотням тысяч русских беженцев в начале 1920-х гг.

²⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.

²⁵ См.: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (BAR). George Vernadsky Collection. Box 230, 232.

²⁶ Андреев Н.Е. То, что вспоминается... С. 296.

Дочь академика В.И. Вернадского Ниночка, приехавшая с родителями в Прагу летом 1922 г. и ставшая, в отличие от них, «невозвращенкой», очень точно выразила это ощущение целого поколения беженской молодежи в письме к жене брата, так же Нине Вернадской: «Я <...> дитя всяких эвакуаций, большевиков, переворотов, бегств, и отвыкла от вещей и, главное — от любви к дому, и так страшно ценю это в тебе!»²⁷

Многие молодые беженцы-кочевники Гражданской войны, которые в своей «прошлой» жизни, скорее всего, никогда бы не встретились, в тесноте эмиграции тянулись друг к другу, образовывали небольшие семейные и холостяцкие коммуны, сходились и расходились, и романтические отношения Н.П. Толля с Ниночкой Вернадской продолжались не один год. «И у вас какая-то длительная тягучая история, которая даже и мне не всегда дает радостную надежду и уверенность в будущем», — грустно замечала жена Георгия Вернадского²⁸. Старшие Вернадские — Владимир Иванович и Наталья Егоровна — были не в восторге от романа их единственной и обожаемой дочери²⁹ с человеком совсем другого круга, «мужиком». Впрочем, ранний брак их старшего сына Георгия, который оказался многолетним и очень прочным, тоже поначалу не вызывал одобрения академика. Но старшие Вернадские очень хотели внуков («Мы им не дали этого утешения», — сокрушалась жена Георгия Нина³⁰) и делали все, чтобы романтические отношения Ниночки и Николая Толля переросли в официальный брак. «Тетя Наташенька уморительная, — отмечала все та же «старшая» Нина Вернадская, — когда ей говоришь, как Николай Петрович будет бояться их, она говорит, что она сама также боится, чтобы не помешать чему-нибудь»³¹.

В дневнике она записала летом 1925 г.: «Они все еще неженаты. В Париже беретя хлопотать Носович о разводе»³². Действительно, одним из главных препятствий к оформлению отношений с Н.В. Вернадской был первый брак Н.П. Толля. Как известно, церковный православный брак, за редкими исключениями, считался нерасторжимым, но проблема создания новой семьи в условиях потери связи с оставшимися в России родными касалась многих тысяч русских беженцев, и цер-

²⁷ BAR. George Vernadsky Collection. B. 70.

²⁸ Ibid. B. 76.

²⁹ В одном из писем 1920 г. академик В.И. Вернадский отметил: «Я исключительно счастлив в детях. Моя Ниночка, страшно одаренная — талантливая художница с совершенно особыми филологическими способностями (редкий тип филолога по призванию), с своеобразным самостоятельным умом и чудным сердцем. Мне больно сейчас, что она должна зарабатывать (служит в кооперативе), сапожничать (она никогда не гнушается никакой работы) и только урывками занимается. Дети вышли разные — очень дружные — но сын православный и русский без всяких украинских симпатий, а дочка — украинка, в этой области душевно близкая мне. Не знаю, как сложится ее жизнь, и даст ли возможность судьба развернуться этой оригинальной и своеобразной личности. Для меня она после смерти моей дорогой племянницы Нюты [дочери покойной сестры], которая была мне за дочь, самый близкий человек» (цит. по: История полувековой дружбы / публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 353–425).

³⁰ BAR. George Vernadsky Collection. B. 76.

³¹ Ibid.

³² Ibid. B. 142.

ковь шла им навстречу, помогая обрести такое исключительно важное в изгнании семейное счастье и покой.

В августе 1917 г., перед уходом на фронт, Николай Толль венчался в Алексеевской церкви г. Самарканда с Ольгой Петровной Сыромятниковой, в то время слушательницей московских Высших женских курсов³³. Они познакомились, по-видимому, еще в Нижнем Новгороде, уроженкой которого была Ольга (родилась 28 апреля 1893 г.). Здесь же она окончила в 1912 г. Мариинскую женскую гимназию и в сентябре 1913 г. была зачислена в число слушательниц историко-филологического факультета московских Высших женских курсов, где училась в 1913–1918 гг. Почему и как случилось, что Толль и Сыромятникова венчались в Самарканде, пока остается неизвестным. Скорее всего, стремление поддержать любимого человека помогло девушке добраться до Средней Азии даже в условиях транспортной разрухи революционного 1917 года. Однако, как оказалось, новобрачные виделись там едва ли не в последний раз, ибо с сентября 1917 г. Н.П. Толль находился уже на фронте.

Летом 1925 г., когда многим в Праге уже казалось, что роман Ниночки Вернадской с Николаем Толлем зашел в тупик, помочь им взялась проживавшая в Париже жена академика Вернадского Наталья Егоровна. Она обратилась за содействием в столь деликатном деле, как заочный развод любимого человека собственной дочери, к своему старому знакомому, бывшему сенатору Владимиру Павловичу Носовичу (1864–1936). Известный судебный деятель, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Правительствующего сената, Носович в 1918–1919 гг. возглавлял Управление внутренних дел Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А.И. Деникине. В эмиграции он жил в Париже, сотрудничая в Бюро защиты прав русских граждан за границей (1921), а с 1922 г. возглавлял Русское юридическое общество и входил в руководящие органы практически всех эмигрантских юридических союзов³⁴. Носович давно и хорошо был знаком с семьей Вернадских и, узнав об их приезде из России в Париж, сразу же написал академику 26 августа 1922 г.: «Глубокоуважаемый Владимир Иванович, после долгих поисков нашел Ваш адрес. Слышал, что Наталья Егоровна с Вами, что Ваша молодежь в Праге. Несказанно хочу Вас видеть»³⁵.

Восстановленная связь оказалась очень полезной для решения вопроса о новом браке Н.П. Толля. 17 июня 1925 г. В.П. Носович сообщил Наталье Егоровне: «Я только что из нашего Епархиального управления. Спешу сообщить Вам о результатах моих переговоров. В настоящее время и развод, и новый брак возможны. Мало того, возможно и при этом за более дешевую цену развести здесь [в Париже] лицо, проживающее в Чехословакии. <...> Что значит Прага? Только то, что прошение подается оттуда, что свидетели допрашиваются там и там же <...> производится публикация. Свидетели должны удостоверить под присягой, что-де супруг или супруга такие-то действительно находятся в безвестном отсутствии.

³³ См.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24630; Оп. 6. Д. 17.

³⁴ Последние годы жизни В.П. Носович провел в Белграде (Югославия), где и похоронен на Новом кладбище.

³⁵ BAR. George Vernadsky Collection. B. 73.

Все нужные формы я дам. Нужно, конечно, посмотреть документы, хотя главное только одно: доказать, что брак, о расторжении коего просят, заключен. <...> Самое благоразумное — производить дело из Праги. Там и свидетели есть, здесь их нужно искать, но для этого нужно, чтобы Ваш будущий beau fils [зять, фр.] проявил некоторую энергию. Низкий поклон Владимиру Ивановичу. Сердечно Ваш В. Носович»³⁶.

Благодаря энергичной и действенной помощи В.П. Носовича и Епархиального управления русскими православными заграничными церквями в Европе к концу ноября 1925 г. проживавший в Праге Н.П. Толль получил бракоразводное свидетельство. Его оформление стоило всего 250 рублей пошлины и еще примерно 200 рублей за привод к присяге свидетелей, публикацию объявления и т. п. «О том, как венчаться в Праге, получив духовный развод, — писал В.П. Носович Наталье Егоровне Вернадской, — Николай Петрович знает лучше меня. Низкий поклон Владимиру Ивановичу. Целую Ваши ручки. Непременно побываю у Вас до Вашего отъезда. Сердечно Вам преданный В. Носович»³⁷.

Любопытно, что бракоразводное свидетельство Н.П. Толля не уехало с ним в США, а осталось в Праге и ныне опубликовано В. Гавриным на сайте общественного объединения «Русская традиция» (Чехия):

«Епархиальное Управление Западно-Европейского Митрополичьего Округа Ноябрь 19 дня 1925 года № 2047. Бракоразводное свидетельство. Выдано настоящее свидетельство из Епархиального Управления Западно-Европейского Митрополичьего Округа Николаю Петровичу Толль, в том, что брак его с Ольгой Петровной Толль, урожденной Сыромятниковой, обоих православных и первобрачных, венчанных 17 августа старого стиля 1917 года причтом церкви военного гарнизона Самарканда, расторгнут определением Епархиального Совета от 9 ноября 1925 года по причине установленного безвестного отсутствия жены Ольги Петровны Толль, урожденной Сыромятниковой, с 1917 года и с разрешением Николаю Петровичу Толль вступить в новый, второй, законный, церковный брак. Митрополит Евлогий. Секретарь Аметистов»³⁸.

10 января 1926 г. Нина Владимировна Вернадская и Николай Петрович Толль венчались в Праге в присутствии старших Вернадских, которые почти сразу после этого события вернулись в СССР. Через некоторое время старый друг профессор В.К. Агафонов рисовал почти идиллическую картину общего дома Толлей: «Николай Петрович <...> сделал всю мебель сам и выкрасил в красный цвет, а Ниночка с большим вкусом и талантом разрисовала ее прекрасными цветами и птицами. Удивительно хорошо. Все это, конечно, в евразийском стиле, и мебель вся низенькая и имеет вид какого-то художественного шатра, но мне понравилось»³⁹.

Интересно, что, несмотря, а может быть, и благодаря так мягко прошедшему «заочному» разводу, Ольга Толль еще многие годы сохраняла прямые контакты со

³⁶ Ibid. В. 228.

³⁷ Ibid.

³⁸ Гаврин В. Картинки из жизни эмигрантов // Русское слово. 2008. № 3. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/162> (дата обращения 5 декабря 2013 г.).

³⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4^г. Л. 25–25 об.

всеми представителями семьи Вернадских, с которыми она, по-видимому, была знакома через А.Д. Шаховскую. С начала 1920-х гг. Ольга жила во Владимире на Клязьме, уехав туда к сестре — известному психоневрологу Марии Сыромятниковой, врачу в колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Здесь Ольга Толль стала Ольгой Петровной Владимировой, у нее росли сын и дочь. В довоенные годы она нередко бывала у старших Вернадских в Москве, которые считали ее очень порядочной и милой, помогали в устройстве детей, а Нина Вернадская-Толль из США присылала лекарства для ее сына⁴⁰. Последнее известное письмо Ольги академику В.И. Вернадскому датировано сентябрем 1944 г.

Брак Нины Вернадской и Николая Толля продлился почти шестьдесят лет, большую часть которых они прожили в США, где и скончались, как в сказке — почти в один день. Место их последнего упокоения пока не обнаружено, архив не сохранился⁴¹ — похоже, что супруги целенаправленно не оставили его. С конечной 1 декабря 1999 г. их дочери — Татьяны Николаевны Толль — «академическая» линия рода Вернадских пресеклась.

⁴⁰ См.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 351; Оп. 7. Д. 131.

⁴¹ За исключением небольшой части семейной переписки, переданной в личный фонд Георгия Вернадского в ВАР.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МОСКОВСКИХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК
СВЕДЕНИЙ ПО БИОГРАФИИ М.М. КАРПОВИЧА

Жизненный путь историка, профессора Гарвардского университета, главного редактора «Нового журнала» Михаила Михайловича Карповича (1888–1959) остается недостаточно исследованным и мало документированным. За последнее двадцатилетие появились отдельные статьи, в которых приводились некоторые биографические данные о жизни и деятельности Михаила Михайловича¹. К сожалению, в них минимально использовались архивные материалы. Между тем богатейший архивный фонд Карповича хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета США. Российские архивы, и прежде всего московские, также сохранили немало интересных материалов, относящихся к доэмигрантскому периоду его жизни. Наша статья опирается на выявленные М.Ю. Сорокиной в 1990-х гг. документы этих архивов.

Исключительную важность представляет хранящееся в Центральном государственном архиве города Москвы, Центре хранения документов до 1917 г., в фонде Московского университета дело о приеме в этот университет Михаила Карповича². Оно содержит несколько гимназических фотографий будущего

¹ См.: *Зеньковский С.* Путь историка: (к 70-летию М. Карповича) // *Опыты*. 1958. № 9. С. 52–60; *Керенский А.Ф.* М.М. Карпович // *Новый журнал*. 1959. № 58. С. 5–8; *Вернадский Г.В.* М.М. Карпович: Памяти друга // Там же. С. 9–11; *Вишняк М.* М.М. Карпович — политик // Там же. С. 15–23; *Гуль Р.* М.М. Карпович — человек и редактор // Там же. С. 24–29; *Тимашиев Н.* М.М. Карпович // Там же. 1960. № 59. С. 192–195; Письма М. Карповича Г. Вернадскому / публ., предисл. и коммент. М. Раева // Там же. 1992. № 188. С. 259–296; *Раев М.* М.М. Карпович: русский историк в Америке // Там же. 1995. № 200. С. 244–248; *Гавлин М.Л.* М.М. Карпович // *Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь*. М., 1997. С. 281–282; *Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал» // *Отечественная история*. 1999. № 5. С. 124–134; № 6. С. 112–116; *Дзевановский М.К.* Профессор Михаил Карпович (1888–1959) // *Славяноведение*. 2002. № 1. С. 101–104; *Гуль Р., Карпович М.* Письма о «Новом журнале» / публ. В. Крейд // *Новый журнал*. 2002. № 226. С. 21–62; *Крейд В.* Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) // *Новый исторический вестник*. 2003. № 1 (9). С. 173–178; *Юдаева Н.В.* Михаил Михайлович Карпович: русский историк в Америке // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки*. 2007. № 2. С. 52–58; *Зейде А.* «...Душевно тянусь»: Письма Н.В. Вольского М.М. Карповичу (1956–1957) // *Диаспора: Новые материалы*. Т. 9. СПб.; Париж, 2007. С. 355–373; *Зейде А.М.* Карпович и русская историография в Америке // *Новый журнал*. 2008. № 253. С. 123–139; *Перейра Н.Г.О.* Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 7–23; «Мы живем в особенной атмосфере»: Письма М. Карповича Г. Вернадскому. 1909–1917 / публ. и коммент. М.М. Горинова-мл., М.Ю. Сорокиной // *Новый журнал*. 2014. № 274. С. 92–156; и др.

² Центральный государственный архив города Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. (ЦГАМ. ЦХД до 1917). Ф. 418. Оп. 320. Д. 723.

историка, его метрическое свидетельство, аттестат зрелости, прошения о приеме в Московский университет. Согласно метрическому свидетельству Михаил появился на свет в Тифлисе в 1888 г. в семье Карповичей — инженера путей сообщения, коллежского секретаря Михаила Викентьевича (католического вероисповедания) и Марии Евгеньевны (православной)³. Свидетельство позволяет уточнить, что Михаил Карпович родился не 3 августа по старому стилю, как это утверждается в посвященной ему литературе⁴, а 21 июля по старому стилю. Крещен в православной вере 30 июля в церкви Александра Невского. Из аттестата зрелости следует, что Михаил Михайлович 8 лет обучался во 2-й тифлисской мужской гимназии, окончил ее в 1906 г. В июне того же года Карпович был впервые зачислен на историко-филологический факультет Московского университета, но в следующем году уехал в Париж заниматься в Сорбонне. В июне 1908 г. он был вторично принят в Московский университет⁵. Весной 1914 г. сдал выпускные экзамены в историко-филологической испытательной комиссии, которая удостоила его диплома первой степени⁶. Этот диплом, а также фотографии Карповича за 1914 г. находятся в отдельном «Деле историко-филологической испытательной комиссии о Михаиле Карповиче»⁷; дипломное сочинение будущего историка «Священный союз и Александр I (1815–1825)»⁸ также сохранилось в фонде Московского университета.

В статьях, посвященных М.М. Карповичу, всегда указывается, что в молодости он был эсером, занимался революционной деятельностью⁹, но документальных подтверждений этому не приводится. Между тем в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Московского охранного отделения находится 117-листное дело «О студенте М.М. Карповиче»¹⁰, содержащее материалы наблюдений за ним, протоколы его допросов и другие интересные документы.

Из справки московской охранки следует, что Тифлисское охранное отделение наблюдало за Михаилом Карповичем еще с 1904 г., когда он был гимназистом. В конце 1905 г. как член тифлисской организации партии социалистов-революционеров он был арестован и провел некоторое время в Мцхетской крепости. В 1907 г. Карпович, по мнению охранки, даже входил в руководство Военного союза тифлисской организации эсеров¹¹. По-видимому, именно пристальное внимание полиции заставило Карповича уехать за границу, и следующий обширный блок документов датируется уже 1910 г. 15 января этого года Михаил был обыскан и арестован в Тифлисе за принадлежность к партии эсеров, ему воспрещено жи-

³ См.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 29.

⁴ См.: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 47.

⁵ См.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723; Там же. Л. 16, 24, 27.

⁶ См.: Там же. Л. 18.

⁷ Там же. Оп. 482. Д. 83. Л. 1–3, 10.

⁸ Там же. Оп. 513. Д. 3652.

⁹ См.: *Гавлин М.Л.* М.М. Карпович. С. 281; *Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал». С. 125; *Перейра Н.Г.О.* Мысли и уроки Михаила Карповича. С. 7.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541.

¹¹ Там же. Л. 115–115 об.

тельство в пределах Кавказского края сроком на пять лет¹². 30 января начальник Тифлисского губернского жандармского управления уведомил об аресте Карповича и Московское охранное отделение. Он также сообщил, что Карпович еще в 1905–1906 гг. являлся одним из главных руководителей этой организации, что подтверждалось собственноручным письмом Михаила к одному из гимназистов тифлисской гимназии, в котором он указывал на себя как на руководителя¹³.

В этот же период начинается наблюдение за Михаилом Михайловичем и его знакомыми непосредственно со стороны Московского охранного отделения. Так, среди «контактов» Карповича отмечен проживавший в доме № 19 по Старокопюшенному переулку студент Московского университета Владимир Гурко, подвергавшийся аресту 7 марта 1909 г. за связи с членами Боевой организации эсеров¹⁴. Годы спустя Владимир Александрович Гурко-Кряжин (1887–1931) станет известным советским историком-востоковедом, зав. отделом Востока Кавказского отделения РОСТА, профессором Ленинградского университета и заместителем главного редактора журнала «Новый Восток».

У московской охраны Карпович проходил под кличкой Садовый¹⁵, сохранился и «Дневник наружного наблюдения за Карповичем» за 1910 г. Особенно интенсивно это наблюдение велось после того, как 22 ноября начальнику Московского охранного отделения пришло письмо от Николая Смирнова, бывшего помощника смотрителя Тифлисской губернской тюрьмы, в которой в январе — феврале 1910 г. содержался Карпович. Он сообщал, что Карповичу удалось выйти на свободу лишь потому, что он предварительно уничтожил компрометирующую его переписку. Кроме того, Карпович нарушил запрет на возвращение на Кавказ и находится в Тифлисе, по-прежнему принадлежит к «незаконному обществу» и не прерывает связей с находящимися под надзором полиции агитаторами. Смирнов ставил в известность московских коллег, что 24 ноября в московской квартире Карповича предполагается собрание студентов тифлисского землячества, на ко-

Михаил Михайлович Карпович — студент Московского университета. 1905. ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 19.

Публикуется впервые

¹² См.: Там же. Л. 48–48 об., 115 об.

¹³ См.: Там же. Л. 1–1 об., 87–87 об.

¹⁴ См.: Там же. Л. 41.

¹⁵ См.: Там же. Оп. 44. Д. 2403. Л. 1–2.

тором будут присутствовать и революционные агитаторы. Он отмечал, что личность Карповича не внушает доверия хотя бы потому, что вся корреспонденция получается им почему-то «до востребования» на Главный почтамт и, прочитанная, моментально уничтожается в том же почтамте¹⁶.

23 ноября 1910 г. за домом № 5 Снегиревой в Полуэктовском переулке, где в квартире № 19 жил Карпович, его друзья Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) и его супруга Нина Владимировна (1884–1971), Сергей Сергеевич Ольденбург (1888–1940), княжна Наталья Дмитриевна Шаховская (1890–1942) и прислуга Пелагея Дмитриевна Соколова¹⁷, была установлена особенно тщательная слежка¹⁸. В этот же день начальник Московского охранного отделения выписал ордер на проведение здесь тщательного и всестороннего обыска, проводил который старший помощник пристава Пречистенской части поручик Ведерников. Как следует из протокола обыска, квартира № 19 состояла из пяти комнат, передней и кухни. При личном обыске у Карповича были отобраны блокнот, бумажник и входной билет в Московский университет; были изъяты также записные книжки, пакет со стихами, десять фотографий и пять номеров журнала «Крестьянское дело». У Шаховской нашли две брошюры Льва Толстого, у Ольденбурга — материалы по истории студенческого движения. В тот же день московский градоначальник, признав Карповича «вредным для общественного порядка и спокойствия», постановил заключить его под стражу до выяснения обстоятельств дела¹⁹.

На допросе 24 ноября Карпович особо подчеркивал, что в последние три года занимается систематической научной деятельностью, политикой не интересуется и из товарищей по гимназии никого не встречает, а свободное от научных занятий время посвящает музыке, посещая концерты и оперу. Он заметил, что из университетских организаций входит только в состав Общества взаимопомощи студентов Московского университета и в Студенческое научное общество памяти князя С.Н. Трубецкого. Единственными своими близкими знакомыми он назвал тех, с кем живет в одной квартире, а также профессора В.И. Вернадского (1863–1945) и директора Московской консерватории М.М. Ипполитова-Иванова (1859–1935)²⁰. Среди вещей Карповича ничего его компрометирующего найдено не было, и на следующий же день, 25 ноября, Московское охранное отделение освободило его из-под стражи.

Тем не менее в эти годы охранка не выпускала студента Карповича из поля зрения. Когда в 1911 г. он жил в Петербурге в доме № 26 по 9-й линии Васильевского острова, то также находился под надзором местного охранного отделения и подвергался обыску²¹. 10 мая 1912 г. комнату Карповича в московском Полуэк-

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541. Л. 77–78 об.

¹⁷ См.: Там же. Л. 62, 64. Полуэктовский переулок располагается в самом центре Москвы, между улицами Пречистенка и Остоженка. Сегодня он носит название Сеченовский.

¹⁸ См.: ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 44. Д. 2403. Л. 3–4.

¹⁹ Там же. Оп. 30. Д. 1541. Л. 64–70.

²⁰ См.: Там же. Л. 72–73 об.

²¹ См.: Там же. Л. 84, 104 об. Петербургская охранка называла Карповича «Банковый».

товском переулке вновь обыскали, а самого Михаила отправили в Пречистенскую полицейскую часть. В сохранившемся протоколе допроса Карпович дает обещание больше не заниматься политикой и говорит о намерении выехать в ближайшее время в Тифлис²². Стремясь помочь сыну, его отец, Михаил Викентьевич, подал кавказскому наместнику прошение об отмене воспрещения Михаилу въезда на Кавказ ввиду слабого здоровья и необходимости для его поправления пребывания на юге и в семейной обстановке.

Наблюдение за Карповичем со стороны Московского охранного отделения прекращается в 1912 г. Вероятно, в это время Михаил действительно стал отходить от революционной деятельности. Об этом же свидетельствует и находящаяся в ГА РФ картотека Департамента полиции, который вел наблюдение за Карповичем параллельно с московской охранкой. В фонде Департамента полиции (Ф. 102), в составе Особого отдела, 5-го и 7-го делопроизводств есть 23 документа о «неблагонадежном» Карповиче за 1904–1912 гг. В основном это материалы за 1910 г. После 1912 г. наблюдение уже не велось.

Таким образом, архивные документы ГА РФ дают основание усомниться в словах самого Карповича о том, что в юности он был «не очень активным» членом партии эсеров²³. По крайней мере, его контакты с социалистами-революционерами прерываются не ранее 1910 г.

Революционная деятельность — это только одна страница биографии М.М. Карповича. Другие аспекты его жизненного пути раскрываются в его письмах к другу Георгию Вернадскому. Их дружба началась еще в Московском университете и продолжалась до кончины Михаила Михайловича²⁴. В то время, когда не было возможности встречаться лично, контакты заменяла переписка. В 1992 г. американский профессор Марк Раев опубликовал в «Новом журнале» восемь писем М. Карповича к Г. Вернадскому за 1919–1925 гг. из фонда Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве Колумбийского университета США. Между тем М.Ю. Сорокина обнаружила 68 писем М.М. Карповича другу, относящихся к их доэмигрантским годам — с 1908 по 1917 г. — в личном фонде Георгия Вернадского в ГА РФ (Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248). Этот фонд составили документы, волонтеристски изъятые из фонда академика В.И. Вернадского в Архиве Российской академии наук (Ф. 518) во второй половине 1940-х гг.²⁵

Основные темы писем М.М. Карповича другу — учебные занятия и работа, хобби, личные переживания, впечатления о знакомых людях, прочитанных книгах, международных событиях. В письме от 3 января 1910 г. из Петербурга он описывал Георгию свой досуг в первые дни нового года — чтение, игру на рояле, симфонический концерт под управлением дирижера В.И. Сафонова (1852–1918),

²² См.: Там же. Л. 94–97, 101.

²³ Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России. С. 250.

²⁴ См.: Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал». С. 128.

²⁵ См.: Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М., 2001. С. 331; Она же. Ученые и архивы: к истории «архивного наследия» В.И. Вернадского // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: Мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 393–394.

постановку В.Э. Мейерхольда (1874–1940) «Дон Жуан» Мольера в Александринском театре. Кроме того, он посетил кабаре «Дом интермедий», где проходил вечер масок, который охарактеризовал как «декадентские потуги на стихийное веселье», как нечто «богопротивное»²⁶, а также присутствовал на публичном заседании Императорской Академии наук, где В.И. Вернадский читал доклад о ради. Доклад показался Карповичу интересным, но «слишком конспективным», так что его, «профана» в этой области, «больше заинтриговал, нежели убедил»²⁷.

В эпистолярном общении М.М. Карпович предстает очень активным человеком, с широким кругом интересов. Из его писем мы узнаем, что он совмещал учебу в Московском университете с работой в редакции московского журнала «Крестьянское дело» (в 1913 г. журнал получил название «Колос», с 1914 г. — «Новый Колос»). Это был журнал для крестьян и сельской интеллигенции, выходивший два раза в месяц. Карпович подробно писал Вернадскому о своих конфликтах с главным редактором журнала Василием Павловичем Дроздовым (1878–1930). Так, Дроздов настаивал на том, чтобы во втором номере журнала за 1912 г. была заметка Карповича о Н.А. Добролюбова, с чем Михаил Михайлович решительно не согласился, будучи принципиальным противником «юбилейно-поминального» характера журнала²⁸. Карпович не считал работу в журнале главным своим занятием, но полагал, что «если всегда дожидаться того дела, к которому безусловно призван, то мало что сделаешь. Надо пользоваться и теми конкретными возможностями, которые дает жизнь»²⁹. Он часто навещался в Петербург, работал в Публичной библиотеке, помогая князю Дмитрию Ивановичу Шаховскому (1861–1939) разбирать письма его прапрадеда историка Михаила Михайловича Щербатова (1737–1790)³⁰.

Весной 1914 г. Карпович писал Георгию Вернадскому о ходе сдачи выпускных экзаменов в Московском университете. Историю Древнего мира он сдал благополучно. Хорошо прошел и экзамен по истории Средних веков: «Я совершенно зря перед экзаменом потерял душевное равновесие и стал очень глупо волноваться»³¹, — признавался он Георгию. А вот русскую историю Карпович еле еле ответил на «удовлетворительно»: «Все спуталось в голове, и это был самый неприятный экзамен»³². Зато историю новой философии Михаил сдал блестяще.

После окончания университета Михаил Михайлович серьезно занялся древней русской литературой, филологией и славистикой, желал сдавать по ним магистерские экзамены, но уже в следующем году признавался Вернадскому, что филология — не его стезя³³. С октября 1914 г. он стал ответственным редакто-

²⁶ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 72 об.–73.

²⁷ Там же. Л. 71 об.–72.

²⁸ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 93–93 об.

²⁹ Там же. Л. 50.

³⁰ См.: Там же. Л. 76, 90.

³¹ Там же. Л. 115, 136.

³² Там же. Л. 111.

³³ См.: Там же. Л. 7 об., 112 об.

ром журнала «Новый Колос», писал статьи, занимался подбором сотрудников, рекламой³⁴. Карповичу предлагали читать лекции в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского, но он отказался, почувствовав, что не сможет приспособиться к «специфической аудитории» и господствовавшему в университете «сентиментально-демократическому духу». Не пошел он и в газету «Русские ведомости»: хотел писать о литературе, а ему предложили описывать общественные настроения на Кавказе, к чему у него не было охоты³⁵. После долгих хлопот он устроился помощником ученого секретаря в Исторический музей Москвы и очень ценил это место, дававшее ему независимость. В свободное время Карпович изучал польский язык, занимался генеалогическими разысканиями, в ходе которых выяснил личности своих четырех прапрадедов с отцовской стороны (один из них оказался сподвижником Т. Костюшко, другой — грузинским князем Тумановым из свиты одного из грузинских царей)³⁶.

Рассказывая Георгию о своих увлечениях, Михаил Михайлович расспрашивал его об общих друзьях (С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургах, А.Д. и Н.Д. Шаховских), старался быть в курсе всех событий его жизни. Так, он горячо поддержал его решение писать магистерскую диссертацию по истории русского масонства XVIII в., заметив, что эта тема близка и ему³⁷.

В отличие от писем других деятелей эсеровского направления, многие письма М.М. Карповича носили не столько деловой, сколько лирический характер, раскрывали его внутренний мир. Михаил Михайлович считал Георгия Владимировича близким себе человеком и доверял ему свои самые сокровенные душевные переживания. В письме от 27 июня 1911 г. он жаловался другу на рассеянность, на неумение серьезно сосредоточиться на чем-то одном, на отсутствие душевного спокойствия³⁸. Больше всего он страдал оттого, что молодость его проходит без любви. В июне 1913 г. Карпович писал Георгию, что увлечен одной девушкой, ничем особо не примечательной, встречался с ней редко, всегда в шумном месте. Его нежность оказалась ей не нужна, и, несмотря на это, встречи с ней были ему очень дороги. «Меня томит мысль, что молодость моя проходит без любви, без личного счастья, что тот запас нежности, который я ношу в себе, пропадает зря, никому на свете ненужный, — признавался другу Карпович. — Я чувствую себя созданным для идиллии личного счастья, все верится в чудо, все кажется, что судьба меня побалуует. И так тянет меня к этому личному счастью, что, кажется, все бы отдал за него»³⁹.

Михаил делился с Георгием и художественными впечатлениями. Путешествуя летом 1912 г. по Германии, он посетил мюнхенскую Старую пинакотеку, где был покорен А. Дюрером и Д. Эль Греко, и гордился тем, что самостоятельно уловил

³⁴ См.: Там же. Л. 139, 143–143 об.

³⁵ Там же. Л. 112 об.–113.

³⁶ См.: Там же. Л. 113 об., 123 об., 124–124 об.

³⁷ См.: Там же. Л. 125.

³⁸ См.: Там же. Л. 30–30 об.

³⁹ Там же. Л. 98 об.–101 об.

в работах Эль Греко влияние Тинторетто. В дрезденской картинной галерее «Мадонна» Сандро Боттичелли тронула его гораздо больше, чем знаменитая «Сикстинская Мадонна» Рафаэля Санти. Карпович обратил внимание Вернадского на разницу между «старыми» и «новыми» французскими художниками, которая, по его мнению, заключалась в том, что у «старых» была глубокая вера в свое призвание, а также чувство смирения перед Богом. «Новые» художники не чувствовали за собой божественного «помазания» и имели «психологию самозванцев»⁴⁰. Из русских художников Михаил Михайлович ценил Валентина Серова (1865–1911), особенно любил его портреты⁴¹. Его любимыми писателями были Ч. Диккенс, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов⁴². Карпович делился с другом впечатлениями о новой философско-публицистической литературе: «Я решительно за “Вехи”!.. Это книга для меня написанная, почти мной написанная». Этот сборник понравился ему тем, что он «услышал из авторитетных уст подтверждение тому, что прочувствовал сам»⁴³. Иногда Карпович давал развернутые оценки прочитанным книгам. Так, публиковавшийся в 1912–1914 гг. «Курс истории России XIX века» Александра Корнилова (1862–1925), члена ЦК Конституционно-демократической партии и друга В.И. и Г.В. Вернадских, показался ему «интересным» и «хорошо составленным». Но Карпович не согласился с утверждением Корнилова о том, что в XVIII–XIX вв. все творческие силы народных масс отходили к расколу и сектам: «Писать в истории духовной жизни народа только о расколе — не то же ли это самое, что в политической истории говорить только о революциях?»⁴⁴

В письмах Карповича присутствуют характеристики известных деятелей. Вот, например, мнение Михаила о востоковеде, неперменном секретаре Академии наук академике Сергее Федоровиче Ольденбурге (1863–1934): «Столько он интересного рассказывает, столько в нем жизни, столько энергии! Диву даешься, когда только он успевает стольким интересоваться!» (письмо от 27 августа 1910 г.)⁴⁵. 27 марта 1912 г. Карпович присутствовал на проходившем в Петербургской городской думе вечере памяти А.И. Герцена, на котором выступали с докладами многие либеральные деятели⁴⁶. В письме Георгию Вернадскому от 2 апреля 1912 г. Михаил Михайлович ярко описывал ораторские качества выступавших на вечере лекторов: «Интересным по существу было только выступление Струве, но слушать его было довольно тягостно... Очень красивое вступительное слово произнес своим обычным скучающим и разочарованным тоном Нестор Котляревский. Бойко говорил Милюков, не преминувший в конце своей (в общем интересной) речи

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 46 об., 47 об., 48–48 об.

⁴¹ См.: Там же. Л. 95 об.

⁴² См.: Там же. Л. 19 об., 39, 73, 86, 114 об., 125.

⁴³ Там же. Л. 20–20 об.

⁴⁴ Там же. Л. 83–83 об.

⁴⁵ Там же. Л. 25 об.–26. Письмо от 27 августа 1910 г.

⁴⁶ См.: *Амашер К.* Юбилей Герцена 1912 года: чье наследство и кто наследники? // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943): Мат-лы междунар. науч. коллоквиума, Москва, 23–25 сентября 2009 г. / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010. С. 49.

зачислить Герцена в кадеты. Слушая его, глядя на его фигуру, на его жесты, я подумал, что это политический оратор английского или даже американского типа... Мне понравилась лекторская манера Александра Александровича <Корнилова>: очень простая и убедительная. Последним говорил Родичев, который, по-моему, был в ударе»⁴⁷.

В письмах к Вернадскому Карпович затрагивал и некоторые международные события. Во время Второй балканской войны он был на стороне Болгарии и весьма огорчился ее поражением и условиями Бухарестского мира. Ему было особенно обидно сознавать, что Россия оказалась бессильной повлиять на балканские события⁴⁸. Убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда (1863–1914), ставшее поводом для начала Первой мировой войны, вызвало в Карповиче сочувствие не к сербам, а к Габсбургам. Накануне «великого столкновения славян с немцами» он не чувствовал в себе славянского энтузиазма, потому что ощущал славянство раздробленным (письмо от 20 июля 1914 г.)⁴⁹.

Вспоминая о Карповиче на страницах «Нового журнала», А.Ф. Керенский отмечал, что в первый год войны он избежал призыва в армию как единственный сын в семье⁵⁰. В июле 1915 г. Михаил Михайлович писал Георгию Вернадскому о своем желании идти либо на военную службу, либо в отделы Земского и Городского союзов по военному снабжению. Но он хотел совмещать занятия там с основной работой в Историческом музее и сетовал на то, что «существующая у нас организация тыла не приспособлена к тому, чтобы использовать силы и время людей, могущих отдавать делу несколько послеобеденных часов ежедневно» (письмо от 12 июля 1915 г.)⁵¹.

В январе 1916 г. Карпович был мобилизован и прикомандирован к канцелярии военного министра, работал в Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства⁵². В апреле 1917 г. он случайно встретился со старым другом семьи профессором Б.А. Бахметевым (1880–1951), назначенным Временным правительством новым послом в Вашингтон (США) и предложившим Михаилу Михайловичу стать его личным секретарем. В середине мая 1917 г. Бахметев и Карпович покинули Петроград и отправились в США⁵³, откуда уже не вернулись в Россию.

Документальные материалы московских архивов существенно дополняют наши знания о биографии М.М. Карповича, раскрывают его личность и внутренний мир. Как оказывается, роль Михаила Михайловича в российском революци-

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 84 об.–85.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 14 об.–15, 101 об.

⁴⁹ Там же. Л. 122.

⁵⁰ См.: Керенский А.Ф. М.М. Карпович. С. 6.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 7.

⁵² См.: Mosely P.E. Professor Michael Karpovich // Russian Thought and Politics / ed. H. McLean, M.E. Malia, G. Fischer. Hague, 1957. (Harvard Slavic Studies; Vol. IV). P. 4.

⁵³ См.: Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты... С. 48.

онном движении не так мала, как это принято считать в историографии. Будучи в США главным редактором «Нового журнала», он уже опирался на солидный опыт, полученный им в доэмигрантский период при работе в журнале «Новый Колос». А его активные занятия филологией и славистикой в 1914–1915 гг. не прошли даром и пригодились ему как заведующему департаментом славянских языков и литературы Гарвардского университета. Несомненно, что научная и общественная деятельность, сама яркая личность М.М. Карповича заслуживают создания научной монографии на основе комплексного изучения документов российских и зарубежных архивов.

Е.Е. Седова

НЕЗАМЕЧЕННАЯ ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ:
ЕКАТЕРИНА АНТОНОВНА ШАМЬЕ (1888–1950)

Личность Екатерины Антоновны Шамье (Шамие, Chamie) представляет собой пока еще малоизвестную страницу в истории российской науки в эмиграции. Это имя нередко встречается на страницах мемуаров, в письмах представителей русской эмиграции первой волны, в хронике научной жизни Парижа 1920–1940-х гг., и его любое упоминание обычно сопровождается самыми громкими эпитетами — «блестящий ученый», «прекрасный педагог», «выдающийся деятель науки», «замечательная женщина» и т. д. Однако никаких достоверных сведений о ее жизни и деятельности до сих пор не опубликовано. До последнего времени имени Е.А. Шамье не было ни в российских справочниках и энциклопедиях по истории науки, ни в статьях и монографиях об истории российской педагогики в эмиграции¹. Между тем в западной литературе вклад Е.А. Шамье как известного физика и радиолога в развитие мировой науки давно общепризнан². Создан международный фонд ее имени — Bourse Catherine Chamie («Стипендия Екатерины Шамье»)³, поддерживающий талантливых ливанских студентов и молодых исследователей.

Однако биографические сведения об Е.А. Шамье даже в зарубежных источниках представлены крайне скудно. Это связано, прежде всего, с ее эмигрантской судьбой, а также с отсутствием личного архива и разрозненностью документов о научной и педагогической деятельности в архивах мира. Документы о научной деятельности Е. Шамье в 1920–1940-х гг. хранятся архиве Музея Кюри (фонд лаборатории М. Кюри Радиевого института в Париже)⁴, где находятся списки науч-

¹ Сведения о Е.А. Шамье недавно появились в: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010. Т. 3. С. 506; Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010. С. 106; То же. Вып. 6 [Пилотный]: Естественные науки: XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 331.

² *Rayner-Canham M., Rayner-Canham G. A Devotion to Their Science: Pioneer Women of Radioactivity. Philadelphia, 1997; Gablot G. A Parisian Walk along the Landmarks of the Discovery of Radioactivity // Physics in Perspective. 2000. Vol. 2, № 1. P. 100–107; Szejnberg A., Hurek J. Działalność badawcza kobiet w Instytucie Curie we wczesnym okresie rozwoju nauki o promieniotwórczości // Historické aspekty v přípravě učitelů chemie / ed. M. Bílek. Praha, 2002. S. 340–344; Naaman A. Histoire des orientaux de France du 1er au XX-e siècle. P., 2003.*

³ См.: URL: <http://www.bourse-chamie.org>.

⁴ Archives du Musée Curie. Fonds du laboratoire Curie. Service des mesures et étalons du radium. LC.SDM / Pièces 5871 à 5904.

ных работ за 1913–1948 гг., рекомендательные письма для приема в Радиевый институт: от факультета наук Женевского университета (1921), Комиссии по делам беженцев (1921), Русской академической группы (1921), доклады о результатах экспериментальной работы в Радиевом институте (1921–1950), научная переписка, а также воспоминания «Памяти Марии Кюри» (1935). Педагогическая работа Екатерины Шамье в Русской гимназии в Париже нашла отражение в архиве этого учебного заведения⁵. Здесь можно обнаружить учебные материалы по математике и физике, разработанные Шамье, доклады для педагогического совета гимназии, в которой она трудилась на протяжении тридцати лет.

Настоящий очерк представляет собой первую попытку реконструкции основных вех жизненного и творческого пути Екатерины Антоновны Шамье на родине и в эмиграции.

Она родилась 11 ноября (ст. ст.) 1888 г. в Одессе. Отец, Антуан (Антон Моисеевич) Шамье (Antun Châmuuа; 1848–?), родился в Ливане и жил в Баальбеке. После известных событий 1860-х гг., когда в ходе религиозных столкновений было убито множество христиан в Южной Сирии и Южном Ливане, что повлекло первую массовую эмиграцию из Ливана, шестнадцатилетним подростком он приехал в 1864 г. в Россию, получил образование и женился на Елене Головиной (или Головкиной).

Обосновавшись в Одессе, Антон Моисеевич Шамье служил нотариусом и достиг чина титулярного советника, дававшего возможность получения личного дворянства. Кроме того, семья Шамье владела несколькими домами в Одессе, земельным наделом в Ананьевском уезде Херсонской губернии, а также мыловаренным производством и торговлей в Одессе, что обеспечило возможность дать прекрасное образование детям. У Екатерины было два брата — Николай (1887–1956) и Константин (1898–1934), а также сестра Татьяна (1903–1953)⁶. В апреле 1919 г. они эмигрировали вместе с овдовевшей к тому времени матерью во Францию, где сумели достичь значительных успехов в профессиональной деятельности.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-10243. Оп. 7. Коллекция микрофильмов Свято-Троицкой духовной семинарии, Джорданвилль (США). Микрофильмы документов Русской средней школы в Париже; ОР РНБ. Ф. 1350 (семейный архив Дуровых).

⁶ Кроме того, в списке офицерских чинов русского императорского флота периода царствования императора Николая II встречается имя Александра Антоновича Шамье (1878–?), см.: Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/publ/omsn216.shtml> (дата обращения 6 ноября 2013 г.). Вероятно, о нем же пишет А. Новиков-Прибой в романе «Цусима»: «За вахтенного офицера был прапорщик морской службы Александр Антонович Шамье. Еще четырнадцатилетним мальчишкой Шамье убежал из дому и поступил на коммерческие корабли. Скитания по морям и океанам ему понравились. Он решил кончить мореходные классы. Но после болезни тифом зрение его настолько притупилось, что на испытаниях в правительственной комиссии он не мог сделать отсчета по секстану. Вместо желанного диплома ему удалось получить лишь свидетельство об окончании мореходных классов по программе штурмана дальнего плавания. Затем он два года отбывал воинскую повинность матросом в Черноморском флоте. В это время у него созрела мысль подготовиться к экзамену на аттестат зрелости и поступить в университет. Через несколько лет тяжелой жизни все преграды были преодолены, и желания его сбылись: он стал юристом. Из него выработался мужественный и решительный человек. Во время войны с Японией его снова призвали на службу и произвели в прапорщики» (Новиков-Прибой А.С. Цусима. М., 1985. С. 59). Дальнейшая судьба А.А. Шамье пока неизвестна.

Старший брат Екатерины, Николай Шамье (1887–1956), был известен как композитор и пианист⁷. Он начинал учиться музыке, а затем и преподавать ее еще в Одессе (в числе его наиболее известных учеников — выдающийся советский дирижер А.В. Гаук). В эмиграции Н.А. Шамье жил в Париже и с 1921 г. выступал на разнообразных вечерах и концертах Русского общества истории и искусства, Студенческого клуба Русского студенческого христианского движения, участвовал в тематических вечерах Тургеневского артистического общества и др. В 1928 г. Николай Шамье становится профессором Русской консерватории в Париже, читает лекции по истории музыки и преподает курсы сольфеджио и гармонии. Пройдя курс композиции в Schola Cantorum, он получил диплом композитора первой степени (1933). В числе написанных им произведений — опера «Ванделин» на сюжет Мирры Лохвицкой, четыре симфонические поэмы для оркестра, около сорока произведений для фортепьяно, вокальные сочинения. Известный музыковед и критик Л.Л. Сабанеев оценивал сочинения Н.А. Шамье как консервативные, т. е. продолжающие традиции дореволюционной музыкальной культуры России. Он считал также, что «ряд его фортепианных сочинений культивирует музыку, навеянную мыслями раннего Скрябина»⁸. В 1948 г. Николай Шамье становится вице-директором Русской консерватории в Париже. 25 июня 1954 г. здесь состоялось его чествование по случаю 25-летия преподавательской деятельности и концерт из произведений юбиляра⁹.

Другой брат Екатерины Антоновны — Константин (1898–1934), — окончив военное училище в России, участвовал в Гражданской войне на стороне Белого движения. Оказавшись, как и все Шамье, в Париже, он пытался торговать марками, открыл филателистический магазин, однако после провала своих коммерческих проектов в 1934 г. кончил жизнь самоубийством.

Е.А. Шамье. 1940-е (?). Фото из статьи: Добровольская-Завадская Н.А. К годовщине смерти Е.А. Шамье // Возрождение (Париж). 1951. № 17. С. 131

⁷ См.: Корабельникова Л.З. Музыкальная культура русской эмиграции «первой волны» // Русское зарубежье: История и современность. М., 2011. Вып. 1. С. 156–178.

⁸ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России / сост. и предисл. Т. Масловской; коммент. С. Грохотова. М., 2005. С. 230.

⁹ См.: Российское зарубежье во Франции. Т. 3. С. 507.

Младшая сестра Екатерины Антоновны, Татьяна (1903–1953), окончила в Париже балетную школу при Гранд-опера, а в 1921 г. по приглашению С.П. Дягилева поступила в труппу «Русского балета». С начала 1930-х гг. она выступала с труппой «Русского балета Монте-Карло», с которой затем уехала на гастроли в Нью-Йорк и более во Францию не возвращалась. В 1943 г. Т.А. Шамье открыла балетную студию в Нью-Йорке и выступала как хореограф — два ее балета («День рождения» и «Балерина») исполнены труппой «Русского балета Монте-Карло».

В отличие от сестры, Екатерина Шамье увлекалась естественными науками. Она окончила гимназию в Одессе (предположительно — Мариинскую) и в 1907 г. уехала для продолжения образования в Женевский университет (Швейцария), после окончания которого в 1913 г. начала исследовательскую деятельность, прерванную Первой мировой войной. В эти годы Екатерина, как множество образованных русских женщин, добровольно пошла служить сестрой милосердия, а в разгар Гражданской войны, в 1919 г., эмигрировала из Одессы — сначала в лагерь для беженцев в Швейцарии, где провела пять месяцев, а затем в Париж.

Натура деятельная и активная, в поисках работы Екатерина обратилась в 1921 г. к выдающемуся физику Марии Склодовской-Кюри (1867–1934), которая заведовала отделением фундаментальных исследований и медицинского применения радиоактивности Радиевого института. Интересно, что в лаборатории Кюри, основанной в 1904 г., имелось специальное помещение для работы женщин и на протяжении 1904–1934 гг. здесь проводили исследования 47 женщин-ученых, большинство из которых приехало из стран Восточной Европы¹⁰, в основном Польши и России. Мадам Кюри, немало удивленная смелой дерзостью русской эмигрантки (в престижную лабораторию дважды нобелевского лауреата поступить было очень нелегко) и еще более — положительными отзывами профессоров Женевского университета о Шамье, согласилась, и с тех пор Екатерина Шамье занимала место сотрудника лаборатории — сначала временного (без оплаты), а затем — постоянного штатного¹¹. В 1930 г. Мария Кюри вспоминала, что «Кэтрин» понравилась ей сразу — как образованный серьезный человек, все время посвящающий научной работе. Это первое впечатление в дальнейшем получило подтверждение в отличных результатах работы, и в дальнейшем М. Кюри использовала помощь Е. Шамье в самых различных вопросах, касающихся организации исследований в лаборатории. Так, например, Екатерина отвечала за классификацию коллекции минералов и участвовала в службе измерений Радиевого института¹². Историки науки отмечают, что только две женщины работали в лаборатории М. Кюри длительное время — ее дочь, также известный физик, Ирэн Жолио-Кюри (1897–1956) и Екатерина Шамье. После кончины М. Кюри в 1934 г. Шамье фактически стала правой рукой Ирэн, готовя всю лабораторию¹³.

¹⁰ Как известно, сама Мария Склодовская-Кюри была польского происхождения.

¹¹ См.: *Rayner-Canham M., Rayner-Canham G. Women in Chemistry: Their Changing Roles From Alchemical Times to the Mid-Twentieth Century.* Philadelphia, Penn., 2001. P. 111–112.

¹² См.: *Ibid.*

¹³ См.: *Boudia S. An Inspiring Laboratory Director: Marie Curie and Women in Science // Chemistry International.* 2011. Vol. 33, № 1. URL: http://www.iupac.org/publications/ci/2011/3301/3_boudia.html (дата обращения 6 ноября 2013 г.).

Аналогичную функцию незаменимого ассистента Е. Шамье выполняла и в работе с академиком В.И. Вернадским (1863–1945), приехавшим во Францию в научную командировку. «Сегодня утром не мог работать в Институте Кюри, т. к. заболела Шамье, которая мне помогает, — жаловался академик дочери в феврале 1924 г. — Там у меня начинают выясняться новые интересные результаты»¹⁴. Эти результаты появились в ходе исследования образцов свинца, выделенного из минерала кюрит, подаренного Радиевому институту владельцем одного из урановых рудников в Бельгийском Конго. Вернадский и Шамье обнаружили, что помимо известных элементов в его составе содержится какая-то примесь. Академик полагал, что речь идет — ни много ни мало — об открытии нового химического элемента. В феврале 1925 г. он сообщал своему ученику и коллеге академику А.Е. Ферсману: «Моя работа с Е.А. Шамье идет хорошо. Я надеюсь в ближайшие недели дать первую заметку в Парижскую академию, и одновременно мы пришлем заметку в нашу Академию. Открываются очень большие, мне кажется, новые горизонты; химический анализ ряда урановых минералов, в частности кюрита, представляется нам неверным. Мы работаем главным образом над материалом из Конго, но также из Бразилии, Корвалисса, Колорадо. <...> К сожалению, работа идет медленно и очень трудно»¹⁵. Но уже менее чем через месяц, 14 марта 1925 г., Вернадский констатировал: «Задача решена. Нашей волей мы с Екатериной Антоновной выделили паризий (Ps) в чистое соединение. Сейчас у меня дециграммы вещества и мы легко получим граммы. <...> Вчера, в первый раз имея дециграммы чистых соединений и уже зная о нем многое, я работал в новой духовной атмосфере: каждый миг все открывалось новое, никому неизвестное, и я так ясно это чувствовал и сознавал связь всего... Если бы дрогнула моя или Екатерины Антоновны воля — мы среди общего скепсиса и неудач и огромных трудностей — прошли бы мимо, как проходят все»¹⁶. Между тем вскоре оказалось, что спектр «новому» веществу не принадлежит, и история несостоявшегося открытия «паризия» и «азия» осталась уделом историко-научной литературы¹⁷.

Параллельно исследовательской работе, а известно более тридцати научных публикаций Е.А. Шамье на французском и русском языках, в том числе две книги по когнитивной психологии¹⁸, она вела активную научно-педагогическую и просветительскую деятельность — читала курс «История научных идей» на Высших педагогических курсах в Париже (1921–1922), курс физики в Русском высшем тех-

¹⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (New York) (далее — BAR). G. Vernadsky Coll. B. 12.

¹⁵ Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману / сост. Н.В. Филиппова. М., 1985. С. 118.

¹⁶ BAR. G. Vernadsky Coll. B. 12.

¹⁷ См.: Трифонов Д.Н., Харитонов А.Н. «Паризий» и «азий» Владимира Вернадского // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С. 146–151; Юшкевич А.П., Яншина Ф.Т. В.И. Вернадский и ученые Франции // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 2. С. 80–91; Сорокина М.Ю. Ученые и архивы: к истории «архивного наследия» В.И. Вернадского // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: Мат-лы междунаrodn. науч. конф. Москва, 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 391–413.

¹⁸ Principes nouveaux de psychologie; leur application à l'étude, des systèmes de connaissances et de la personnalité. P., 1937; Psychologie du savoir; formation, structure et évolution du savoir scientifique. P., 1950.

Преподаватели и учащиеся Русской гимназии в Париже. 1934.

ОР РНБ. Ф. 1350. Ед. хр. 111. Л. 1.1

В центре сидят, слева направо: директор гимназии Б.А. Дуров, основательница гимназии М.А. Маклакова, попечительница гимназии Л.П. Детердинг (княгиня Донская), законоучитель гимназии о. Николай Сахаров, княгиня М. Эристова. Левый балкон, слева: преподаватель пения Н.Н. Розов. Правый балкон, справа налево: учительница подготовительной школы гимназии В.С. Яницкая, преподаватель французского языка и словесности Г.Л. Лозинский. Ниже, между ними: преподаватель ритмики и пения, организатор гимназических вечеров Т.В. Спасская

ническом институте (1949), а также выступала с докладами в русских эмигрантских организациях: «Радиоэлементы» (Общество русских химиков, 18 апреля 1926 г.), «Радиоактивные элементы» (Русская секция международной федерации университетских женщин, 14 мая 1929 г.), «О радиоактивности» (Научно-философское общество, 10 января 1933 г.) и др.¹⁹

Педагогическая деятельность в Русской гимназии в Париже — еще одна важнейшая ипостась жизни Е.А. Шамье в эмиграции. Она преподавала здесь с момента зарождения гимназии в виде курсов при российском посольстве (1919), имевших целью помочь получить аттестат зрелости тем, кто не успел этого сделать в охваченной революцией и Гражданской войной России. Инициатором курсов был преподаватель русского языка и литературы Сергей Георгиевич Попич (1879–1974). За сто франков за весь курс обучения желающие могли ежедневно с 4 до 7 часов вечера посещать занятия по Закону Божьему, русскому языку и сло-

¹⁹ См.: Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина: т. 1–4. Париж; М., 1995–1997; Т. 1 (5) — 4 (8). 1940–1975. Париж; М., 1995–2002. Т. 1. С. 48, 250, 569; Т. 1 (5). С. 330, 369, 387, 393.

вестности, истории, математике, физике, естествознанию, географии и латинскому языку. Занятия проходили на квартире бывшего посла Временного правительства в Париже В.А. Маклакова. В июне 1920 г. эти курсы окончили 20 учеников²⁰. Однако потребность в образовании для русских детей была столь велика, что возник вопрос о создании полноценного учебного заведения, которое, с одной стороны, давало бы национальное образование и воспитание, а с другой — готовило бы русских детей к поступлению во французские высшие учебные заведения. 26 сентября 1920 г. газета «Последние новости» поместила объявление о начале приема во все классы русской средней школы в Париже. Учредителями гимназии стали Б.А. Дуров, М.А. Маклакова, В.П. Недачин, С.Г. Попич, прот. Ник. Сахаров, В. Дюфур и К.Д. Старынкевич. Возникнув одной из первых в зарубежье, гимназия просуществовала до 1961 г.

Почти тридцать лет Е.А. Шамье преподавала в старших классах гимназии математику и физику, принимала участие во всех учебных и внеклассных мероприятиях, готовила годовые отчеты для педагогических советов, замещала директора гимназии Б.А. Дурова²¹. Ее влияние на парижских русских гимназистов выходило далеко за пределы урочного времени. Одна из учениц Шамье, Бьянка Чубар (Tchoubar; 1910–1990), известный химик-органик, признавалась, что именно Екатерина Антоновна вдохнула в нее призвание химика²². По воспоминаниям Е.Л. Миллер, с братом которой — известным филологом-романистом и переводчиком Григорием Леонидовичем Лозинским (1889–1942), Е. Шамье вместе работала в гимназии и была особенно дружна, она делала для своих подопечных все, что могла, в том числе отдавала часть своего небольшого жалованья на оплату завтраков наиболее нуждавшимся учащимся, обладая непререкаемым авторитетом среди молодежи: «Среди этой молодежи, особенно первого периода, были юноши из Добровольческой армии, не получившие настоящего образования, были бежавшие от большевиков и потерявшие след своих семей, вся обстановка их жизни была ненормальна, и Е.А. делала все, чтобы из них сделать настоящих людей. И вся эта молодежь, часто недисциплинированная, беспрекословно слушалась ее. Когда они начинали слишком шуметь, собирались сделать что-то, недозволенное правилами школы, стоило ей сказать лишь: “Дети, я прошу вас, не делайте этого ради меня”, как они беспрекословно повиновались, причем тут страх наказания не играл никакой роли, а только уважение и любовь»²³.

Профессор Надежда Алексеевна Добровольская-Завадская (1878–1954), также русская эмигрантка, работавшая в Институте Кюри, рассказывала, что первую половину дня Е.А. Шамье ежедневно посвящала гимназии. Ее роль в педагогическом совете была огромна: «Ее гуманность, справедливость, чуждый всякой предвзятости подход помогали находить в самых трудных вопросах надлежащее решение. Большая бесребреница, она часто терпеливо сносила отодвигание ее

²⁰ См.: Курсы для русского юношества в Париже // Грядущая Россия (Париж). 1920. № 2.

²¹ См.: ОР РНБ. Ф. 1350. Ед. хр. 106. Л. 1–15.

²² См.: Миллер Е.Л. Женщины русской эмиграции / публ. О.Р. Демидовой // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 82.

²³ Там же.

личных интересов на второй план в моменты затруднительного материального положения гимназии. За тридцать лет педагогической деятельности Е.А. своим талантливым преподаванием и высокой чистотой своей личности способствовала духовному формированию многих поколений молодых людей. Кроме знаний, они получали от нее и правильные навыки мыслить, и русскую настроенность души»²⁴.

Свои воспоминания о Е.А. Шамье оставил и великий князь Владимир Кириллович (1917–1992), глава Российского Императорского дома в изгнании, которому она давала частные уроки в 1920-х гг. Он также отмечал ее «неутомимую энергию» и то, что главным смыслом существования для Е. Шамье было служение науке: «Рассказывали, что во время <Второй мировой> войны в оккупированном Париже она осталась в институте одна и продолжала работать. Когда гитлеровцы вошли в пустое здание института, они увидели в одной из лабораторий женщину, занятую своими опытами и не обращающую на них никакого внимания. Они постояли, повернулись и ушли»²⁵.

Екатерина Антоновна Шамье скончалась тихо и незаметно 14 июля 1950 г. в Париже. Каталог некрологов «Незабытые могилы» не зафиксировал ни одного некролога, посвященного ей. Место ее захоронения также остается неизвестным, а вклад в российскую и мировую науку все еще ждет своих исследователей.

²⁴ Добровольская-Завадская Н.А. К годовщине смерти Е.А. Шамье // Возрождение (Париж). 1951. № 17. С. 131.

²⁵ Владимир Кириллович, великий князь; Леонида Георгиевна, великая княгиня. Россия в нашем сердце. СПб., 1995. С. 22.

В.В. Вышкварцев

В.И. ВЕРНАДСКИЙ
И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЛИЧНОСТЬ

Личность Владимира Ивановича Вернадского и его вклад в развитие естественно-научной и гуманитарной мысли продолжают выступать предметом оживленных дискуссий, проводимых современной русской ученой общественностью. В мировой науке имя В.И. Вернадского прочно связано с его фундаментальными изысканиями в области геологии, геохимии, биологии¹ и, что особенно известно — философским учением о ноосфере².

В Российской Федерации, обращаясь к творческому наследию ученого, современные исследователи-гуманитарии рассматривают фигуру В.И. Вернадского как педагога (педагога высшей школы; данной теме, по статистике Российской государственной библиотеки, на 2013 г. по педагогическим наукам посвящено 3640 диссертаций); как философа (на 2013 г. защищено 2020 диссертаций по философским наукам); как историка науки (на 2013 г. защищено 1317 диссертаций по историческим наукам и археологии); как культуролога (на 2013 г. защищено 574 диссертации по культурологии); как социолога (на 2013 г. защищено 485 диссертаций по социологическим наукам).

Кроме вышеобозначенного, авторским коллективом современных историков, политологов, экономистов подготовлен и представлен для общественного обсуждения проект учебника «История России»³. Так, в главе 18 (с. 72) учебника В.И. Вернадский указан одним из представителей «российской и зарубежной общестственности»; в главе 19 (с. 71) — руководителем Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук; в главе 21 (с. 77) — главой (наряду с К.Э. Циолковским) группы русских космистов. Вместе с этим в учебнике обозначены всего лишь две исторические даты, связанные с деятель-

¹ См. подробнее: *Argüelles J.* Vladimir I. Vernadsky. Essays on Geochemistry and The Biosphere. Santa Fe, New Mexico, 2007; *Huggett R.J.* Ecosphere, biosphere, or gaia? What to call the global ecosystem // *Journal of Biogeography*. 1999. Vol. 8. № 6; и др.

² См. подробнее: *Allen J.P.* Noospherics, the discipline of intelligence concerning the biosphere. Aix-en-Provence. 2000; *Levit G.S.* Biogeochemistry — biosphere — noosphere. The Growth of the Theoretical System of Vladimir Ivanovich Vernadsky. Berlin, 2001; *Oldfield J.D., Shaw D.J.B.* V.I. Vernadsky and the noosphere concept: Russian understandings of society-nature interaction. URL: <http://eprints.gla.ac.uk/6820/> (дата обращения 18 февраля 2013 г.).

³ История России: Учебник для учителя. URL: <http://rusrand.ru/dev/uchebnik-istorii> (дата обращения 19 февраля 2013 г.). Далее в тексте приводятся ссылки на страницы согласно поглавным нумерациям страниц в электронной публикации.

ностью В.И. Вернадского, — 1926 г. (выход труда «Биосфера» (глава 22, с. 104)) и 1939 г. (создание под руководством В.И. Вернадского комиссии по изотопам (глава 24, с. 120)). Вот такое скромное место претендует занять фигура В.И. Вернадского в современной учебной исторической литературе.

Либерализм В.И. Вернадского традиционно рассматривается через призму его общественно-политических идеалов и установок. Однако такие актуальные и злободневные темы, как индивидуум и социум, культурность, права, свободы и обязанности личности, соотношение этих категорий в условиях государственных преобразований на рубеже XIX–XX столетий — вот те немногие модели социальной динамики, о которых (в некоторой степени отрывочно) пытался донести свою мысль В.И. Вернадский, находящиеся за пределами современной исследовательской работы, «творческой сокровищницы», оставленной нам этим выдающимся ученым. Социокультурный концепт личности в изучении Владимира Ивановича не имеет структурной целостности, поэтому, по всей видимости, это и является одной из немаловажных причин «замалчивания» вопроса поиска и установления новой оригинальной научной парадигмы. Таковая, по нашему размышлению, выстраивается из смыслов личного мира, культурной среды и аксиом статики (равновесия и порядка) — иными словами — начал человеческого, нравственного и правового. При этом в качестве антитезиса можно привести суждение, что ни в научной, ни в философской, ни в теологической работе невозможно «охватить в логических формах выражений все бесконечное разнообразие природы или какой бы то ни было ее части, т. е. охватить реально Сущее. Мы не можем это сделать — в логических образах — даже в поэтическом творчестве. Поэтому вечное наше понятие не охватывает того реального изучаемого явления, для которого оно нами создано. При углублении в это понятие мы неизбежно сталкиваемся с несовершенством нашего логического аппарата, нашего слова, и на всяком шагу будем встречаться с противоречиями между ним и реальной действительностью»⁴. Попытку преодоления такой коллизии ученый находит в анализе не отдельно взятого живого элемента биосферы, а организма в целом и очищении его от различных сторонних «неживых» сегментов, что в конечном итоге способствует выявлению его «чистого свойства», «чистого качества». Названный процесс, аналогичный алгоритмам феноменологической редукции, выражаясь философской терминологией Э. Гуссерля, позволяет предположить «биологическое эпохи» — т. е. такое состояние живого элемента, в котором, исключая его внешние оценки, мнения и суждения о нем, можно выделить и сделать доступной сущность этого предмета. Следовательно, подставив в указанную формулу «биологического эпохи» значение «личности», мы получаем возможность акцентировать внимание на сущностных компонентах, определяющих ее истину. Впоследствии видный идеолог российского либерализма, философ и правовед Б.Н. Чичерин обосновал эту мысль следующим утверждением: «...в обществе устройство и деятельность целого определяются разумом и волею тех единиц, которые входят в его состав»⁵. В этом смысле В.И. Вернадский опередил как самого себя, так и многих отечественных

⁴ Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1978. С. 181.

⁵ Чичерин Б.Н. Философия права. 2-е изд., испр. М., 2010. С. 25.

социологов и правоведов, изучавших феномен «личного» и «общественного» в их соотношении. И к пониманию разума как сущности личности ученый пришел посредством феноменологизма, о чем он прямо и рассуждал в своей книге «Живое вещество», поэтому, на наш взгляд, не вполне закономерен тезис современного культуролога А.Н. Быстровой, утверждавшей, что разработка В.И. Вернадским учения о глобальном разуме (ноосфере) проводилось «в русле космизма»⁶.

Предтечей рационалистических взглядов В.И. Вернадского на личность выступали его отдельные концепты «научного интеллекта» или научной этики (учитывая, что, по собственному признанию, он придавал огромное значение этому вопросу)⁷. Задача личности человека — и в этом усматривается умеренно утилитарный подход В.И. Вернадского — состоит в доставлении наибольшей пользы окружающим. Наука приносит одновременно и удовольствие, и пользу, формирует такое внутреннее чувство личности человека, что ему, «можно бы было, казалось, остаться деятелем одной чистой науки»⁸. Этот процесс оказывает непосредственное влияние на расширение умственного кругозора личности. Вместе с тем ученый считал, что успешность процедуры его формирования зависит не только от прочтения книг, но и от познания и постижения зарубежных культур: «Только тогда, когда человек путешествовал по наиболее разнообразным странам, когда он видел не одну какую-нибудь местность, а самые разные — только тогда приобретает необходимый кругозор, глубина ума, знание...»⁹ Предназначение умственного кругозора личности — это представление о том, в каком положении она находится в государстве и какую роль она должна выполнять в обществе. В.И. Вернадский не давал прямого ответа на эти вопросы, однако высказал идею исторического, правового и естественно-научного просвещения народа путем создания широкой сети народных библиотек. Именно тогда велика степень разумного ниспровержения власти, что допускал ученый еще в 1884 г. в возрасте 21 года. По справедливому суждению современного российского философа И.И. Кальной, пребывание в таком обществе формирует особый тип личности, которая преобразуется как биологический организм «в ипостась социального существа»¹⁰. В этой точке зрения мы считаем необходимым выделить общую полярность взглядов одного из выдающихся деятелей правоведения — П.И. Новгородцева, который понимал личность как бесконечность возможностей, безграничность перспектив, образ и путь осуществления абсолютного идеала¹¹. Поэтому в дальнейших источниках В.И. Вернадского — его письмах и записках — мы обнаруживаем иные трактовки сознания (разума) личности как ее сущности.

В письме из Мюнхена, адресованном одному из сокурсников по Петербургскому университету, юристу-государствоведу В.В. Водовозову от 22 октября

⁶ Быстрова А.Н. Мир культуры (основы культурологии). Новосибирск, 2002. С. 576.

⁷ См.: Мочалов И.И. Историческая анкета В.И. Вернадского // Природа. 1967. № 9. С. 97.

⁸ Из дневников В.И. Вернадского / под ред. И.И. Мочалова // Там же. № 10. С. 101.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Кальной И.И. В.И. Вернадский и его ноосферное мышление // Credo New. 2008. № 3. С. 4.

¹¹ См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. 3-е изд. М., 1991. С. 120.

1888 г., ученый размышлял о так называемой «свободе воли» или «свободном действии личности»¹². В.И. Вернадский считал необходимой максимально полную самореализацию нравственного потенциала личности, отрицая превалирующую роль масс в созидании истории. Тем не менее ученый, по всей видимости, смирился с догматикой невозможности отрыва «индивидуального» от «коллективного»¹³, поэтому «сознание» и «разум» личности он провел через модус свободы, пытаясь придать ей форму независимости от положительного эффекта массовости. К чему способно привести такое противостояние «объективного» (массовость) и «субъективного» (личность) — В.И. Вернадский не объяснил. Однако в критику и поддержку позиции мыслителя выдвигаются два тезиса не менее маститых ученых — ранее упомянутого нами П.И. Новгородцева и представителя социолого-позитивистской школы права Н.М. Коркунова. Так, в первом тезисе утверждается, что «абсолютный индивидуализм, мечтающий основать нравственную жизнь на полной независимости самодовлеющей личности, кончается абсолютным индифферентизмом: пытаюсь в себе самом найти полное удовлетворение, объявляя, что ему ни до чего нет дела в мире, что все хорошо и так, человек должен почувствовать себя в результате не только освобожденным от всех связей, но и внутренне опустошенным и ко всему безразличным»¹⁴. Второй тезис содержит суждение о том, что «каждая отдельная личность не является продуктом исключительно данного общественного союза, а продуктом совместного воздействия нескольких разнородных союзов и, так как разные личности принадлежат различным союзам, то этим обуславливается большое разнообразие индивидуальных особенностей в населении современных государств»¹⁵. В.И. Вернадский, как нам думается, придерживался второго подхода, говоря о сознательной (рациональной) работе как отдельных личностей, так и «массы мелких человеческих единиц»¹⁶. Эти единицы, пребывая в состоянии борьбы за общественное благо, имплементируют сознательные силы для создания общего закона. Как показывают дальнейшие рассуждения ученого, под общим законом подразумевается реализация человеком права на свободу мысли и мнений. «Мы поставлены в тяжелое положение, — пишет ученый, — у нас завязан рот, заткнуты уши, мы не имеем почти возможности влиять на поступки того государства, гражданами которого являемся, не можем исповедовать веры, какая нам дорога, и проч. и проч.»¹⁷ Борьба личности за идеалы свободы — это тенденция к построению «общества maximum'a» — целостной социальной структуры, состоящей из лучших лю-

¹² Вернадский В.И. Письмо В.В. Водовозову (О роли народных масс) // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 400.

¹³ «...Я не чувствую желаний сбросить эти оковы — мне даже кажется, что это массовое познание является остоном всего моего ума и что я могу только добиваться чего-нибудь, когда исхожу и опираюсь на это массама познание» (Там же. С. 398–399).

¹⁴ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 109.

¹⁵ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права: [в 4 кн.]. М., 1914. Кн. 3. С. 10.

¹⁶ Вернадский В.И. Из записок: (О роли личности в истории) // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 402.

¹⁷ Там же. С. 405.

дей. Данная мысль, прежде всего, позволяет указать на рецепцию идей борьбы Р. фон Иеринга (о чем сам В.И. Вернадский, возможно, и не подозревал), и, что особенно важно, определение новой общественно-политической системы — «меритократии», смысл которой лишь в 1958 г. был раскрыт английским социологом М. Янгом в его утопическом произведении «Возвышение меритократии (1870–2033)»¹⁸. Возможно предположить, что В.И. Вернадский одним из первых среди представителей естественно-научной школы предвосхитил открытие этого нового социологического и философского направления.

Наряду с вышесказанным свобода изложения мысли и мнений коррелирует праву личности самостоятельно постигать сложные явления в жизни, их толковать и пропагандировать в обществе. Следовательно, можно сделать промежуточный вывод, что сознание (сознательная деятельность личности, разум) в представлениях В.И. Вернадского служило не источником перманентного накопления внутри личности, а «само-для-себя» играло роль средства социального распространения и дальнейшего анализа, синтеза, выделения определенных функциональных частей той или иной области знания (научного знания).

Проецируя это свойство динамики «разумного» в личности на систему самоорганизации общества (например, община, государство), ученый выдвинул следующую гипотезу: «...или такое государство достаточно сильно и может направить данную силу дурно, т. е. противно людскому благу и интересам прогресса; или оно не может победить прочих государств и должно медленно или быстро разрушаться, или в нем достаточно людей с сильной волей и ясным сознанием, и эти люди могут изменить ненормальные условия жизни»¹⁹. Через 18 лет, 19 марта 1906 г. (немного более чем за месяц до принятия Свода основных государственных законов Российской империи) В.И. Вернадский опубликовал социолого-политическую работу «Три решения»²⁰, в которой де-факто трансформировал триаду рационалистических идей социума (совокупности личностей) и интерпретировал их в политологическом контексте²¹. В своем исследовании автор затронул ключевые вопросы, над которыми билось большинство отечественных ученых в преддверии провозглашения конституционализма в Российской империи, — какова роль и место активной личности с развивающимся чувством гражданственности, как найти выход из кризиса, что делать для этого отдельной личности и т. п. Удивительным образом В.И. Вернадский, поставив на повестку дня вопрос о преодолении кризиса, опередил П.И. Новгородцева, который спустя полгода на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» разместил содержательный и глубокий по смыслу научный труд «Кризис современного правосознания». С определенной долей уверенности можно полагать, что В.И. Вернадский (учитывая совместную с П.И. Новгородцевым деятельность в Конституционно-демократической партии) был ознакомлен с данным научным изыском.

¹⁸ Янг М. Возвышение меритократии (1870–2033) // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 316–345.

¹⁹ Вернадский В.И. Из записок... С. 404.

²⁰ Вернадский В.И. Три решения. Мысли из жизни // Полярная звезда. 1906. № 14. С. 163–173.

²¹ См.: Там же. С. 173.

Таким образом, В.И. Вернадский долгое время находился в поисках социокультурных предпочтений — «коллективная индивидуальность» или «индивидуальная коллективность». Феноменология *ratio* осуществила переход к кумулятивности сознания — насыщению его «воздухом науки», чтобы в дальнейшем силами пропаганды и просвещения бороться за обладание каждым «общим законом». Иными словами, произошел теоретический поворот от рационализма к прагматизму в сущности личности. По высказыванию Н.М. Коркунова, плодотворная деятельность личности как творческой единицы возможна только «согласно условиям исторически выработавшейся культуры»²².

Культура — очередной виток эволюции сознания личности, концептуальный принцип социальной динамики, обозначенный В.И. Вернадским. Одна из первых попыток актуализации ученым концепта «культуры», а вернее сказать, «культурности» обнаружена в упомянутом нами письме В.В. Водовозову, где она (культурность) ставится в один ряд с образованностью. Обозначив эту мысль, В.И. Вернадский посвятил оставшуюся часть письма иным волнующим его вопросам и в завершение подчеркнул: «О культурности также не докончил и даже не начал — а все неуменье справляться с мыслями и упорядочивать их»²³.

Говоря о концепте «культура», важно подчеркнуть, что широкое обсуждение он получил среди зарубежных экономистов и политологов конца XIX в. — Ричмонда Мэйо-Смита (Mayo-Smith), Эдвина Селигмана (Seligman), Вернера Зомбарта (Sombart) и др. на страницах лейпцигского сборника «Die Handelspolitik der wichtigeren Kulturstaaten in den letzten Jahrzehnten» («Торговая политика важнейших культурных государств в последние десятилетия») (1892). В Российской империи вопросам культурного государства, которое, по словам Г.Ф. Шершеневича, приходит на смену правовому государству²⁵, уделялось внимание в трудах А.К. Дживелегова, Б.А. Кистяковского, П.П. Пусторослева, Л.М. Родионова, А.Я. Яценко. В целом общий вектор воззрений этих ученых был направлен на вопросы реализации социальных прав граждан и их самоорганизацию в общественно-политические формы, которые рассматривались в диалектическом соотношении с государством. «Культурный человек и государство — это два понятия, взаимно дополняющие друг друга. Поэтому культурный человек даже немислим без государства»²⁶. В.И. Вернадский размышлял о культуре в отвлечении от госу-

²² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Кн. 4. С. 1.

²³ Вернадский В.И. Письмо В.В. Водовозову. С. 401.

²⁴ См. об этом: Вышковарцев В.В. К вопросу о культурном правовом государстве в теории русских ученых начала XX века // Проблемы взаимодействия личности и власти в условиях построения правового государства. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: 31 мая 2010 г.: в 2 ч. Курск, 2010. Ч. 2. С. 16. См. труды того же автора: Культурное государство: новая президентская идея развития современной России // Россия XXI век: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Владивосток, 2010. Ч. 1. С. 126–130; Правовое культурное государство в учении А.А. Никитского (Г. Новоторжского): современный аспект // Мат-лы VI междунар. межвузовск. науч. конф. «Россия и современный мир: проблемы политического развития». М., 2010. С. 31–32; Культурное государство и гражданский аппарат: к концепции *homo meritis* // Право и образование. 2010. № 12. С. 88–98.

²⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 248.

²⁶ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 553.

дарства и его институтов, вновь обращаясь к идеологеме науки и общественного просвещения.

В одной из своих рукописей «Прогресс науки и народные массы» (1903) ученый обозначил для осмысления культурное состояние личности в силу различия степени образованности людей. Влияние на сознание личности происходит посредством формирования новых «наук», среди которых назван социализм как представление о «правильном» общественном устройстве, а также новые формы религиозного сознания. В.И. Вернадский писал, что даже в области искусства — далекой сфере сознания человечества — проявляется обширное влияние научного миропонимания в силу коренных преобразований в технике. Наука как основа создания личности и человечества — это один из ключевых моментов в развитии «культурных» взглядов ученого. В.И. Вернадский снова акцентирует внимание на необходимости самостоятельного «сложения науки» из общественной среды «в окружающей и чеканящей его природе и обстановке»²⁷. В этом он повторяет научные контуры социологической школы права С.А. Муромцева, согласно которой право — продукт общественной жизни.

Для ученого особенный авторитет приобрела «умственная культура», которая составила отдельный компонент масштабного философского и правового учения о достойном человеческом существовании благодаря таким именам, как В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский. В работе «1911 год в истории русской умственной культуры» В.И. Вернадский критикует университетскую реформу 1884 г., акцентируя, что именно «научная работа развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству»²⁸. Речь шла о Министерстве народного просвещения, которое, по мнению ученого, обязано служить интересам национальной культурной работы.

Следовательно, влияние науки как образовательного механизма на личность характеризуется как «личностная культурная политика»²⁹. Ученый обратил особое внимание на этот процесс после политических событий в России, связанных с установлением советской власти. Вера в свободу личности, и в частности религиозную свободу, сформировала отрицательное отношение В.И. Вернадского к старой русской интеллигенции, не ценившей эти блага, не связанной производительными силами, не желавшей постигать новое на уровне научного знания. Это утверждение прозвучало из уст ученого во время доклада на съезде Таврической научной ассоциации 9 ноября 1920 г. Выдвинув лозунг «новая интеллигенция в новой России», В.И. Вернадский не предлагает взамен старой новых лиц с новым творческим потенциалом и мироощущением или высоко нравственных талантливых меритократов. Будучи в период с 1922 по 1925 г. в научной командировке во Франции, В.И. Вернадский в своем очередном письме к сыну вынужден был признаться, что одной из причин неудачи Белого движе-

²⁷ *Вернадский В.И.* Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого // Русская мысль. 1908. № 4. С. 82.

²⁸ *Он же В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912. С. 8.

²⁹ *Маршак А.Л., Ижикова Н.В.* Личность как субъект культурной политики в современной России // Общество и право. 2009. № 5. С. 49.

ния «явилось укрепление советской власти и культурное разорение России»³⁰. В дальнейшем (в письме от 2 ноября 1941 г.) ученый вновь подтверждает сказанное: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности. Средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных»³¹. Поэтому, не сумев сформулировать теоретическую модель построения культуры личности в новых политических условиях страны, В.И. Вернадский уходит в сферу геологии и с данной научной позиции высказывает концепцию «культурного человечества». Она связана с природными процессами на протяжении всей истории человечества. Принцип историзма в геологии подразумевал смену различных этапов (разрушение горных пород, движение земной коры), их взаимозаменяемость, сравнимость и возможность прогнозирования стагнации или направлений развития. Законы культурного роста человечества напрямую связаны с целенаправленностью или девиацией сознания личности. По словам В.И. Вернадского, «исторически длительные, печальные и тяжелые явления, разлагающие жизнь, приводящие людей к самоистреблению, к обнищанию, неизбежно будут преодолены»³². В этом мы видим постановку вопроса о преодолении нигилизма в широте его толкования — политического, правового, культурного, религиозного. Объединяя отдельные личности в «культурное человечество» и мечтая о ноосфере, мыслитель называет главной движущей силой такого союза культурную биохимическую энергию (или энергию человеческой культуры), подчиняющуюся законам термодинамики, имеющую информационный аспект, связанный с социальным опытом и творчеством³³. В связи с этим точка зрения В.И. Вернадского, как это указывается в современной литературе, в некоторой мере совпадала с кантовским восприятием человеческой цивилизации не просто как «культуры умения», а в качестве гражданского общества, «в котором утвердилась бы «культура воспитания», а государства объединились бы в единое всемирно-гражданское целое на основе законосообразности и свободы»³⁴. Следовательно, объединение сознательных и культурных личностей образует новую систему социального порядка и регулирования общественных отношений посредством установления прав, свобод и обязанностей личности. И в этом заложена еще одна грань, подчеркивающая уникальность гуманитарных взглядов В.И. Вернадского. Анализ его трудов позволяет установить гуманистическую направленность идеалов, лежащую в основе правового статуса личности — прав, свобод и обязанностей. В ряде прав и свобод личности ученый видел необходимость обеспечения возможности из-

³⁰ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 24 июня 1924. Цит. по: «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России»: Письма В.И. Вернадского детям / публ. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 74. URL: <http://arran.ru/?q=ru/vernad3> (дата обращения 25 февраля 2013 г.).

³¹ *Вернадский В.И.* Пережитое и передуманное. М., 2007. С. 65.

³² *Он же.* Биогеохимические очерки. 1923–1932. М.; Л., 1940. С. 40.

³³ См.: *Таланов В.М.* Линия В.И. Вернадского в истории образования и культуры // Ноосфера і цивілізація. 2011. Вип. 10/11 (12). С. 7.

³⁴ *Шубин В.И.* Кант и Вернадский. URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/Shubin_V.I._Kant_i_Vernadsky__1999.html (дата обращения 26 декабря 2012 г.).

ложения своих мыслей и мнений, веротерпимости, свободы реализации знаний и умений.

В одном из дневников В.И. Вернадского содержится запись, сделанная 15 июня 1884 г., в которой он высказал требования к самостоятельности личности. В первую очередь говорилось о выработке характера: «Преимущественно следует: откровенность, не боязнь высказывать и защищать свое мнение, отброс ложного стыда, не боязнь доводить до конца свои воззрения, самостоятельность»³⁵. Современный историк С.М. Никитенко справедливо подчеркивает, что в упрек русскому обществу В.И. Вернадский ставил апатию, холопство, нежелание вести общественную деятельность в стране³⁶. Действительно, в августе 1892 г. ученый писал об отсутствии талантов, которые могли бы вести всех мыслящих и сомневающихся к одной великой и беспощадной борьбе со злом, мраком и несчастьем, которые были бы способны растолковать и объяснить пагубное течение русской жизни³⁷. В этом, пожалуй, кроется проблема нравственного и политического кризиса, о чем мы рассуждали выше, и выход из которого пытался найти В.И. Вернадский, апеллируя к самой личности. В этом случае можно предположить, что движение разума человека в сферу «культурности» проходит через психологические контуры «притязания». В духе естественно-психологической концепции ученый рассуждал об обязанности требовать от себя самих и от своих единомышленников исполнения норм нравственных прав. По рационалистической модели Б.Н. Чичерина, индивидуумы соблюдают требования законов не потому, что они являются таковыми, а потому, что сами индивидуумы желают такого соблюдения. Тем не менее данные априорные идеалы есть не что иное, как мечтания, и В.И. Вернадский это осознавал, считая, что «жизнь требует действий, а не мечтаний»³⁸.

Именно поэтому итогом разумных действий личности В.И. Вернадский видел подвижную патриотическую организацию граждан. Обязанность личностей состояла в их взаимном аккумуляровании в политическую партию, в которой надлежит работать. В газете «Речь» от 3 мая 1917 г. ученый в очередной раз обращает внимание общественности на актуальность объединения граждан в политические структуры. «Надо поступиться удобствами жизни, — писал автор, — заставить себя принять решение. Надо единичными усилиями достигнуть коллективного решения, превратить толпу взбунтовавшихся испуганных рабов в организованное общество свободных граждан»³⁹. Таким образом, В.И. Вернадский был активным сторонником поступательного создания в России гражданского общества. Для ученого-«естественника» это является колоссальным достижением, поскольку в дореволюционной России исследование феномена гражданского общества на научном теоретическом уровне не велось,

³⁵ Из дневников В.И. Вернадского. С. 105.

³⁶ См.: *Никитенко С.М.* Научная и общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в период революционной эпохи 1905–1917 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 24.

³⁷ См.: *Вернадский В.И.* Из записок. С. 404.

³⁸ *Он же.* Три решения. С. 170.

³⁹ *Он же.* Обязанность каждого // *Речь.* 1917. 3 мая.

за исключением Б.Н. Чичерина, который затронул эти вопросы в работе «Философия права» (1900).

Гражданское общество В.И. Вернадского — это не гегелевское понимание промежуточного этапа между семьей и государством, это не родоплеменные, сословные и общегражданские союзы (юридические лица), что утверждал Б.Н. Чичерин⁴⁰. Ученый убедительно доказал, что гражданское общество прежде всего выступает политическим обществом, состоящим из отдельных нравственных, культурных, образованных личностей, задача которых — созидание, распространение и сохранение знаний во имя идеалов свободы. Это не «общество массовости и хаоса», это — упорядоченная и социально структурированная сфера самореализации разумных личностей. Следует привести слова известного общественного деятеля Российской империи, в молодости народовольца, а впоследствии сторонника монархии Л.А. Тихомирова: «Будучи основано на действительных законах политической и социальной природы, гражданское общество, искусно реформируемое, может дать людям все, что только возможно по законам природы»⁴¹. Уместно ли в связи с этим утверждать, что гражданское общество по В.И. Вернадскому (социосфера) — это часть будущей ноосферы? Социальная (межличностная) рефлексия — основа функций гражданского общества. Ученый представлял такую структуру саморегулируемой, самостоятельной — независимой от государственной воли. Именно поэтому мыслитель особенно критиковал начала «полицейского государства», где, по верному замечанию М.А. Рейснера, оно «думает за человека, решает, что для него благо, а что нет, что полезно, а что вредно, именно поэтому он подчиняется государству, потому что чувствует свою слабость»⁴².

Таким образом, социокультурные взгляды В.И. Вернадского на личность имели следующие характеристики:

- «чистое свойство» личности — ее разум (разумность), рациональная направленность сознания;
- научный интеллект — свойство, приносящее пользу как самой личности, так и окружающим;
- личность — это индивидуальная сознательная компонента социума;
- «умственная культурная политика» — последовательная деятельность личностей, связанная с накоплением, развитием и пропагандой научных знаний, направленных на преодоление социального кризиса — политического, культурного, религиозного, правового нигилизма;
- «гражданское общество» (политическое общество) — упорядоченная и социально структурированная сфера самореализации разумных личностей;
- динамика сознания личности направлена на постижение и поддержание «общего закона» — совокупности прав, свобод и обязанностей человека;
- концептуальность учения В.И. Вернадского: «от личности как “живого вещества” через меритократию и гражданское общество — к ноосфере».

⁴⁰ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. С. 286.

⁴¹ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 295.

⁴² Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Государство и верующая личность: Сб. ст. СПб., 1905. С. 361.

В современной литературе, в которой можно ознакомиться с новыми результатами изучения научного наследия В.И. Вернадского, показано, насколько многогранна, а главное — востребована исследовательская стезя ученого. По высказыванию А. Сухотина, «многих поражало умение выдающегося советского ученого В. Вернадского ставить научную задачу широко, масштабно. Его ученик, академик А. Виноградов, подчеркивал, что за этим стоит как раз философская культура В. Вернадского. Он обладал талантом заставить “работать” такое большое количество фактов и так, казалось, далеко отстоящих друг от друга, что это скорее напоминало стиль философа, нежели естествоиспытателя»⁴³.

Для современных в России естественно-научного и гуманитарного направлений В.И. Вернадский как социолог и культуролог выступает поистине феноменальной фигурой. Изучение социокультурных аспектов личности — это своего рода социальный заказ на перспективу. Научные взгляды В.И. Вернадского на единичный субъект и его нравственную оболочку и проблема связки его учений в одну логическую цепь могут позволить найти один из способов решения великого множества масштабных задач, от искоренения различных видов человеческого нигилизма до построения глобального либерального общества и культурного (культурного правового) государства. Нужно лишь скрупулезно и детально разобрать и расставить все необходимые элементы научной сокровищницы, оставленной нам В.И. Вернадским.

⁴³ Сухотин А. Парадоксы науки. М., 1978. С. 93.

О.Е. Конька

**В.И. ВЕРНАДСКИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ**

Имя В.И. Вернадского, произнесенное школьным учителем истории или увиденное на страницах учебника истории, может стать для многих российских школьников первой возможностью познакомиться с этим выдающимся человеком. Смеем надеяться, что те, кто продолжают свое обучение в вузах, смогут узнать гораздо больше о жизни и трудах знаменитого академика. Но что школьники узнают о Вернадском из уроков истории? Какой образ ученого предлагают им авторы учебников, какие акценты они расставляют? На примере некоторых учебников 2000–2012 гг. для 9–11-го классов (курсы «История России» и «Всеобщая история», XX — начало XXI в.) мы покажем, упоминают ли учебники имя Вернадского и какие именно сведения они сообщают о нем.

Для начала обратимся к группе учебников, которые представляют личность Вернадского с нескольких сторон. Этот подход характерен для некоторых учебников, появившихся в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Как правило, они содержат критическую оценку советского периода, а также отличаются повышенным интересом к дореволюционной России начала XX в. Авторы уделяют особое внимание развитию промышленности и предпринимательства, различным идейным и духовным течениям этого периода, деятельности российской интеллигенции. В качестве абсолютных ценностей представлены такие понятия, как демократия или конституция. Подробно рассматривается опыт российского парламентаризма начала века: Государственная дума 1–4-го созывов и присутствовавшие в ней партии. На страницах таких учебников В.И. Вернадский предстает в первую очередь как представитель российской интеллигенции, участвующий в политической жизни страны: член партии кадетов и Государственного совета, и лишь затем, в разделе, посвященном науке и культуре (или дореволюционного периода, или 1920–30-х гг.), повествуется о его научной мысли, трудах и заслугах.

Примером такого подхода может служить учебник «Россия в XX веке» А.А. Левандовского и Ю.А. Щетинова для 10–11-го классов общеобразовательных учреждений (этот параграф из издания 1997 г. присутствует в неизменном виде в издании 2002 г.): «Другим источником либерализма, помимо земцев-помещиков, являлась интеллигенция. Эта среда, в отличие от земской, была весьма неоднородной в социальном, имущественном и, соответственно, идейном отношении. Среди интеллигентской верхушки — университетской профессуры, известных юристов и др. — большой популярностью пользовались конституционные на-

строения. Конституционалисты — П.Н. Милюков, В.И. Вернадский, А.А. Корнилов и др. — поддерживали тесные связи с земскими лидерами»¹.

Таким образом, Вернадский на страницах этого учебника упомянут в первую очередь как представитель «интеллигентской верхушки» и конституционалист. Лишь позднее, в главе, посвященной российской науке конца XIX — начала XX в., Вернадский представлен как основатель новых направлений науки: биохимии, биогеохимии и радиогеологии. В третий раз имя Вернадского в данном учебнике приводится в контексте культурной революции начала 1920-х гг. Автор повествует о попытках нового большевистского правительства «вовлечь старую интеллигенцию в активную трудовую деятельность», обеспечив им «сносные» условия существования. В числе таких специалистов, наряду с Н.Д. Зелинским, Н.И. Вавиловым, П.Л. Капицей, упомянут и В.И. Вернадский².

Другой учебник для 11-го класса, «История России. XX век» В.П. Островского и А.И. Уткина (первое издание, по нашим сведениям, состоялось в 1995 г.), говорит о Вернадском в первую очередь как об академике и члене Государственного совета: «Российская академия наук представляла собой уважаемое в стране научное сообщество. Ее члены в обязательном порядке избирались в Государственный совет. Так, одним из авторитетнейших членов Государственного совета являлся великий ученый В.И. Вернадский»³. Далее имя Вернадского упоминается в этом учебнике в числе ученых постреволюционной эпохи, которым советская власть позволила продолжать их исследования⁴.

В учебнике «Отечественная история. XX век» для 10–11-го классов И.И. Долуцкого, который до 2003 г. был рекомендован Министерством образования Российской Федерации, Вернадский появляется в первую очередь как преподаватель Московского университета, который не мог остаться равнодушным к событиям, происходившим в стране: «Правительство запретило студенческие сходки, ограничило автономию университетов, ввело полицию на их территорию. В знак протеста ректор Московского университета подал в отставку. Его поддержали еще 130 преподавателей (В.И. Вернадский, К.А. Тимирязев и др.). Ректора и Вернадского вывели из Государственного совета»⁵. Лишь на последних страницах первого тома учебника упоминается о научных заслугах ученого.

Что касается учебников, издающихся и сегодня, то об интересе В.И. Вернадского к политике упоминается в учебнике для 11-го класса под редакцией Н.В. Загладина «История России. XX — начало XXI века». Эта книга является по-

¹ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1997 (номер страницы не упомянут, так как нам удалось найти это издание исключительно в электронном формате; см., например, здесь: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-10732.html>).

² Там же.

³ Островский В.П. История России. XX век. 11 класс: Учебник для общеобразовательных учебных заведений. 7-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений: в 2 ч. М.: Мнемозина, 2001. Ч. 1. С. 86.

бедителем конкурса по созданию учебников по новейшей отечественной истории для общеобразовательных учреждений Российской Федерации, организованного в 2002 г. Учебник выдержал множество изданий, имеет большие тиражи и используется во многих учебных заведениях страны. В.И. Вернадский фигурирует здесь в первую очередь как один из «лидеров кадетов» — партии, руководство которой «отражало ее социальный состав. В него входили ученые, адвокаты, общественные деятели и чиновники, крупные землевладельцы и предприниматели»⁶. Лишь позднее о Вернадском написано как об ученом, прославившемся «созданием комплекса наук о Земле. Он разработал целостное учение о биосфере и эволюции биосферы в ноосферу, в которой человеческий разум и деятельность людей становятся определяющим фактором в развитии человечества»⁷. В учебнике этих же авторов для 9-го класса Вернадский также охарактеризован как «мыслитель и общественный деятель», а статья о его научной мысли сопровождается портретом ученого⁸.

Другой учебник Н.В. Загладина для 11-го класса, написанный в соавторстве с Н.А. Симонией, «История России и мира в XX — начале XXI века» излагает отечественную историю в контексте общемировой. И хотя по этой причине он уделяет меньше страниц непосредственно российской и советской истории, обширный параграф учебника посвящен отечественной мысли начала XX в., в частности философии космизма. В рамках этого течения упомянуты такие ученые, как Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский, по мнению которого, «деятельность человечества приобрела планетарные масштабы»⁹. Параграф сопровождается информацией о критическом отношении философа и мыслителя Н.А. Бердяева к взглядам этих ученых.

Еще один учебник, издающийся и по сей день и отличающийся многообразием подходов к личности Вернадского, — «История России» для 9-го класса О.В. Волобуева, А.П. Ненарокова, А.Т. Степанищева и В.В. Журавлева. Для этого учебника, выходящего с 2001 г. в издательстве «Дрофа» (тираж первого издания — 30 000 экземпляров), характерно обилие информации, отсутствующей во многих других учебниках, а также вопросов, наталкивающих на размышление о различных проблемах отечественной истории. На страницах этого учебника В.И. Вернадский упомянут в первую очередь как член партии кадетов — «партии образованной части общества», которую «иногда называли профессорской партией, так как в нее входили многие известные ученые»¹⁰. Затем целый параграф,

⁶ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX — начало XXI века: Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Торгово-издательский дом «Русское слово — РС», 2008. С. 39.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История Отечества. XX век: Учебник для 9 класса основной школы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Торгово-издательский дом «Русское слово — РС», 2003. С. 71.

⁹ Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века. 11 класс. 7-е изд. М.: Торгово-издательский дом «Русское слово — РС», 2008. С. 248.

¹⁰ Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век: Учебник для 9 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Дрофа, 2001. С. 37.

посвященный Вернадскому и свидетельствующий о его вкладе в мировую науку и мысль, открывает главу «Культура начала XX в.»: «Среди крупных ученых, которые пытались разобраться в магистральных путях движения научной мысли и в изменениях, вносимых ею в общество и природу, особенно выделялся Владимир Иванович Вернадский. Ученый энциклопедического кругозора, он был не только блестящим естествоиспытателем, но и одним из основоположников такой отрасли научного знания, как история науки и техники. Его отличал новаторский подход к изучению Земли как планеты, который характеризовался, во-первых, стремлением рассматривать науки о Земле (геологию, минералогия, биологию и др.) в их взаимосвязи и, во-вторых, в создании учения о биосфере и планетарной роли живого вещества. Сам Вернадский разрабатывал новые направления науки о Земле — радиогеологию, геохимию, биогеохимию. Рост научных знаний и технический прогресс ученый рассматривал как планетарное явление. С его точки зрения, духовное творчество человека — это особый этап в развитии биосферы, превращающейся в ноосферу (сферу разума). В движении научной мысли XIX — начала XX в. он выделял три основных направления ее расцвета: естествознание, математику и исторические науки, под которыми он понимал все обществознание»¹¹. Этот параграф сопровождается портретом и цитатой ученого и мыслителя. Такое внимание к личности Вернадского в современных учебниках встречается редко. В последующих изданиях (в частности, 2010 г.) этот параграф был несколько изменен и сокращен¹².

Теперь обратимся к учебникам, в которых личности В.И. Вернадского уделено меньше внимание и в которых он упоминается исключительно в рамках своей научной деятельности. Таким является, к примеру, учебник А.А. Данилова, Л.Г. Косулиной и М.Ю. Брандт, который в несколько видоизмененном виде существовал уже в 1990-х гг. Издаваемый значительным тиражом, этот учебник является одним из основных пособий, используемых в 9-м классе российской средней школы. Вернадский в нем упоминается как выдающийся ученый дореволюционной России, «получивший мировую известность энциклопедическими трудами, послужившими основой для новых научных направлений в геохимии, биохимии, радиологии. Его учения о биосфере и ноосфере заложили основу современной экологии»¹³. Далее его имя появляется лишь единожды, в параграфе «Власть и интеллигенция», в числе ученых, «считавших своим долгом работать на благо Родины, хотя они не разделяли политических и идеологических воззрений большевиков»¹⁴.

В учебнике В.А. Шестакова, М.М. Горинова, Е.Е. Вяземского для 9-го класса имя Вернадского также упоминается исключительно в связи с его научной дея-

¹¹ Там же. С. 59.

¹² См.: Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX — начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учебных учреждений. 8-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2010. С. 54.

¹³ Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России, XX — начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. 8-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 155.

тельностью. О нем говорится как об ученом, чьи труды «легли в основу биохимии, биогеохимии и радиогеологии» и который разработал учение о ноосфере, оказавшее влияние «на формирование современного экологического сознания»¹⁵. В другом учебнике для 9-го класса средней школы имя Вернадского не упоминается вовсе, но это скорее исключение из правила¹⁶.

Наконец, несколько слов о том, что говорится о В.И. Вернадском в известном учебнике для 11-го класса под редакцией А.А. Данилова (и А.В. Филиппова во 2-м томе), имеющем очень большие тиражи. Данный учебник вызвал полемику в российском обществе из-за своей ультрапатриотической риторики и ряда утверждений, воспринятых некоторыми читателями как частичное оправдание политики И.В. Сталина. В.И. Вернадский в нем упоминается дважды, исключительно в связи с его научной деятельностью и вкладом в развитие страны. Учебник не дает никакой информации о личности и взглядах ученого. Сначала он назван в числе российских ученых, добившихся «выдающихся результатов на самых разных направлениях». Его труды в области геохимии получили «мировое признание»¹⁷. Затем академик упомянут в параграфе, посвященном советской науке 1920-х гг.: «Большие научные силы были сосредоточены на непосредственно связанных с производством направлениях, таких, как разработка и научное обеспечение плана электрификации страны (ГОЭЛРО), гидроэнергетики, котлостроения, транспортного машиностроения. В.И. Вернадский организовал Радиевый институт»¹⁸. Таким образом, в данном тексте авторы делают упор на вклад ученого в развитие страны.

На основе этого анализа можно заключить, что если некоторые учебники представляют В.И. Вернадского как разностороннюю личность, каковой он и являлся: представителя интеллигенции, интересовавшегося политикой, члена Государственного совета и партии кадетов, мыслителя и, разумеется, ученого — то другие учебники упоминают его исключительно как великого ученого соответствующей эпохи или не упоминают вовсе. Если первая тенденция характерна для некоторых учебников, появившихся в 1990-х и в начале 2000-х гг., и для ряда учебников, отличающихся нестандартным подходом к изложению истории и имеющих невысокие тиражи, то вторую можно наблюдать в некоторых недавно появившихся учебниках, а также в нескольких учебниках, имеющих высокие тиражи. Учебник «История России» под редакцией А.А. Данилова для 11-го класса является крайним представителем второй тенденции, закрепляя этот переход от заинтересованности личностью к заинтересованности человеком лишь в той мере, в какой он участвует в развитии своей страны.

¹⁵ Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. История Отечества, XX — начало XXI века: Учебное пособие для 9 класса общеобразовательных учреждений / под ред. А.Н. Сахарова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 2006. С. 60.

¹⁶ Данилов Д.Д., Лисейцев Д.В., Клоков В.А., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Павлова Н.С., Рогожкин В.А. История России. XX — начало XXI века: Учебник для 9-го класса основной школы. Изд. 2-е, испр. М.: Баласс, 2010.

¹⁷ Данилов А.А., Барсенков А.С., Горинов М.М. и др. История России, 1900–1945 гг. 11 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. С. 73.

¹⁸ Там же. С. 224.

Если большинство учебников говорят о В.И. Вернадском-ученом и некоторые — о Вернадском — общественном деятеле, то совсем немногие учебники упоминают академика как свидетеля своего времени. А ведь дневник В.И. Вернадского является историческим документом, который может помочь лучше узнать и понять целую эпоху. Так, например, он используется в трудах французских авторов в качестве иллюстрации к повествованию о сталинских временах¹⁹. К сожалению, в российских учебниках истории таким документам, как мемуары, письма, статьи, не всегда уделяется должное внимание. Можно привести пример лишь трех учебников (все три являются изданиями с небольшим тиражом), цитирующих более или менее объемные выдержки из дневников Вернадского.

Первую цитату находим в уже упомянутом учебнике «История России» для 9-го класса О.В. Волобуева, А.П. Ненарокова, А.Т. Степанищева и В.В. Журавлева: «Известный ученый, основатель геохимии, биогеохимии и радиологии академик Владимир Иванович Вернадский, оценивая события второй половины 30-х гг., записал в своем дневнике в январе 1939 г. о том, что “приводится цифра 14–17 миллионов ссыльных и в тюрьмах. Думаю, что едва ли это преувеличение”»²⁰.

В другом учебнике для 9-го класса, также выпущенном издательством «Дрофа» («История Отечества, XX — начало XXI века», авторы А.Ф. Киселев и В.П. Попов), отрывок из дневника за 1928 г. описывает человеческие типы, представлявшие установившийся в стране режим: «Два типа сейчас людей, связанных с той дикой идеологией, которая сейчас вырисовывается в окружающей жизни, — воинственным отрицанием свободной мысли диалектическим материализмом, марксизмом-ленинизмом и тому подобным. С одной стороны — вид этого невежественного отрицания, большей частью фанатики и начетчики, с другой стороны — обдывающие свои дела, боящиеся из-за жизненных соображений потерять “блага жизни”. У одних — трусость мысли, боязнь сделать ложный шаг; у других — вместо свободной мысли — узкая вера и отсутствие творчества. И те и другие — величайшие враги свободы. Психология как во времена религиозных погромов»²¹. Этот отрывок приводится после отрывка из воспоминаний Евгения Белова об академике И.П. Павлове, в котором повествуется о критических высказываниях академика в адрес советского режима. Далее учащимся предлагается ответить на вопрос: «Какие мысли ученых вы разделяете?»

Наконец, дневник В.И. Вернадского дважды цитируется в уже упомянутом учебнике И.И. Долуцкого для 10–11-го классов (издательство «Мнемозина»). Первая цитата приведена в тексте параграфа, посвященного советской науке: «Крупные неудачи нашей власти, — заметил Вернадский, — результат ослабления ее культуры. Цвет нации заслонен дельцами и ловкими карьеристами»²². Затем,

¹⁹ См.: Moscow 1918–1941: De « l'homme nouveau » au bonheur totalitaire // ed. C. Gousseff. P., 1993; Marie J.-J. Staline. P., 2001.

²⁰ Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век: Учебник для 9 класса общеобразовательных учебных заведений. С. 180.

²¹ Киселев А.Ф., Попов В.П. История России. XX — начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2013. С. 139.

²² Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век... Ч. 1. С. 271.

в той же последней главе первого тома «Строительство социализма в тридцатые годы» набор отрывков из дневника ученого приводится в качестве одного из документов, дополняющих материал, изложенный в последнем параграфе главы (вторым документом являются выдержки из путевых заметок А. Жида о Советском Союзе): «Кругом волнения в связи с недостатком самого необходимого. Черный хлеб ухудшился. Трудно доставать белый, дорогой. Все население занято добычей хлеба и т. п. За водкой огромные очереди»; «Приводится цифра 14–16²³ миллионов ссыльных и в тюрьмах. Думаю, что едва ли это преувеличение»; «Полицейский коммунизм растет и фактически разъедает государственную структуру. Все пронизано шпионажем. Всюду все растущее воровство»; «Идет развал — все воры в партии... Наркоматы представляют из себя живой брак... Современный чиновничий слой столь же слабый и бледный, как и царские чиновники»; «Грозный рост недовольства... “любовь” к Сталину есть фикция, которой никто не верит»; «Нет чувства прочности режима через 20 с лишком лет после революции»²⁴.

Любопытно, что в трех учебниках приведены выдержки из записей разных лет: конца 1920-х гг., 1930-х гг., начала 1940-х гг. В них затронуты разные аспекты жизни при советской власти: репрессии, люди, связанные с режимом, его партийная и административная система, а также проблемы повседневности. Таким образом, дневник Вернадского может использоваться для иллюстрации к материалу об этих (и других) периодах отечественной истории. В каждом случае выдержки могут помочь школьнику прочувствовать дух того времени, о котором идет речь в учебнике.

В контексте осуществляющейся в настоящее время подготовки проекта единого учебника отечественной истории остается лишь ожидать ответа на вопрос о том, какое место личность В.И. Вернадского займет в этом учебнике.

²³ В вышеупомянутом учебнике О.В. Волобуева и др. в той же самой цитате из дневника речь идет о «14–17 миллионах в ссылке и в тюрьмах», и именно эта цитата верна (см.: *Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Волков. Кн. 2. М., 2006*).

²⁴ *Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век... Ч. 1. С. 282.*

ИВАН БУНИН:
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО РЕЦЕПЦИИ И ПОЭТИКЕ
